

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

Роман — финалист премий *Los Angeles Times Book Prize*,
Shamus Award и *Macavity Award*

АРИЭЛЬ С. УИНТЕР

Преступления в этой книге
куда более зловещие,
нежели те, с которыми
приходилось сталкиваться
комиссару Меррэ.

New York Times

СМЕРТЬ
ДЛИННОЮ
В 20 ЛЕТ

Ариэль С. Уинтер
Смерть длиною в двадцать лет
Серия «Иностранный детектив»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22968875

Ариэль С. Уинтер. Смерть длиною в двадцать лет: Центрполиграф;

Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07306-8

Аннотация

Преступники, найденные зарезанными в окрестностях французского городка, в то время как по документам они отбывают срок в местной тюрьме... Жестокие убийства молодых женщин в Голливуде... Насильственные смерти и бандитские разборки в Мэриленде... Три запутанных криминальных сюжета складываются в эпическую историю некогда успешного писателя, чья жизнь рушится, когда преступное окружение и собственное малодушие отнимают самых близких ему людей. События происходят в разные десятилетия и воспроизводятся в стилистике трех великих мастеров остросюжетного жанра.

Содержание

Тюрьма Мальниво	9
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	66
Глава 5	84
Глава 6	101
Глава 7	118
Глава 8	138
Глава 9	160
Глава 10	171
Глава 11	187
Глава 12	196
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Ариэль С. Уинтер

Смерть длиною в двадцать лет

ARIEL S. WINTER

THE TWENTY-YEAR DEATH

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © 2012 by Ariel S. Winter

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

1931 год. Тело убитого мужчины нашли дождливой ночью в маленьком французском городке. Прежде всего в поле зрения умудренного опытом следователя полиции попадает прекрасная юная дочь убитого и ее запальчивый муж-американец...

1941 год. Для охраны истеричной кинозвезды, которая опасается за свою жизнь, кинокомпания нанимает частного детектива. Но вскоре с невероятной жестокостью убивают вовсе не ее, а голливудскую старлетку. И муж звезды, известный сценарист, как выясняется, имел с ней связь...

1951 год. Погрязший в долгах и ныне почти забытый писатель загнан в угол и доведен до отчаяния. Это убийство выгодно ему, хотя формально он не виновен, все произошло по воле случая, вмешался злой рок. Однако теперь не только полиция, но и мафия идет по его следу. Отчаявшись, он пытается реализовать свой последний шанс на искупление...

Три запутанных криминальных сюжета складываются в эпическую историю некогда успешного писателя, чья жизнь рушится, когда преступное окружение, насилие и собственное малодушие отнимают самых близких ему людей

Оригинально, ново, захватывающе! Напряжение в этом романе постоянно нарастает, пока наконец не взорвется и уж точно не даст вам заснуть.

Стивен Кинг

Вы непременно станете верным поклонником этого нового, смелого и свежего голоса в полифонии современной детективной литературы.

Washington Post

Ариэль Уинтер превосходно отражает самую суть литературных стилей самых известных писателей детективов.

The Wall Street Journal

В своей новой книге автор объединил три связанных главными героями истории в один роман. И в каждом случае – тонкое и невероятно талантливое подражание писательскому мастерству Жоржа Сименона, Рэймонда Чандлерз или Джима Томпсона.

New York Times

Сначала вы думаете, что Уинтер написал жесткий роман в стиле нуар, но после прочтения нескольких страниц делаете неожиданное открытие: литературная авантюра автора внезапно оказывается настоящим шедевром.

A. V. club

Преступления в этой книге куда более зловещие, нежели те, с которыми приходилось сталкиваться комиссару Мегрэ.

New York Times

Ариэль С. Уиутер – американский писатель и известный блогер. Работал продавцом книг, библиотекарем и редактором. Сочинять привык в университетской библиотеке.

Будучи по характеру весьма постоянным, на протяжении десяти лет работал за одним столом. Электронным книгам предпочитает традиционные бумажные издания. Живет в Балтиморе.

Роман Уинтера «Смерть длиною в двадцать лет», вышедший в августе 2012 года, получил широкую известность, стал финалистом книжной премии Los Angeles Times, Shamus Award и Macavity Award.

Тюрьма Мальниво

В память о Дж. С.

Глава 1 Мертвец на дороге

Дождь начался без предупреждения. За час до него стемнело, так что тучи собрались уже под покровом ночи. И зарядил-то он не на шутку, повергнув в уныние всех жителей Вераржана.

Пробарабанив минут сорок – а было это во вторник 4 апреля 1931 года, около восьми вечера, – дождик сначала чуть поутих, а потом ливанул с новой силой на всю ночь.

Новый тембр дождя не заглушал других звуков. Пекарь, собираясь уже отправиться на боковую, услышал плеск воды у себя в подвале. Откинув засов, он спустился вниз и обнаружил настоящий потоп чуть ли не по колено глубиной. Вода потоком стекала по фасадной стене.

Пекарь в ужасе бросился наверх звать жену. Та, сбежав по лестнице, увидела все собственными глазами, а пекарь уже спешил к вешалке в прихожей за своим черным дождевиком. Такое уже случалось раньше. Видно, опять чем-то заби-

ло придорожный ливневый сток, и вода, изменив направление, устремилась по дорожке к их дому, прямоком в подвал. Ну ничего, завтра он задаст в мэрии кому следует!

Жена поднялась из подвала, а пекарь уже вышел за порог под дождь. От сильного ветра капюшон лип ко лбу, сползал чуть ли не на самые глаза. Ссутулив плечи и опустив голову, пекарь заспешил по утопанной земляной дорожке, уже размокшей от многочисленных ручейков. Придется теперь полночи выгребать воду из подвала, а ведь полчетвертого ему уже надо быть на ногах, чтобы выпекать хлеб. Ничего-ничего, будет завтра с мэром разговор!

Добежав до проезжей части, он огляделся, ища глазами канализационный сток. Уличные фонари были потушены, но он разглядел лежащее прямо на сточном отверстии тело. Видимо, какая-то пьянь!

– Эй! – прокричал пекарь, приближаясь к человеку, лежащему лицом вниз. Голос его терялся в шуме дождя, и он снова окликнул: – Эй, ты!.. – И пнул лежащего в ногу.

Никакой реакции. На улице ни души. Темные окна в домах, наглухо закрытые ставни. Пекарь еще раз пнул лежащего и выругался. Дождевая вода бурным потоком продолжала нестись к его дому.

Он стоял в растерянности, представляя себе свой завтрашний, не менее бурный денек, как вдруг заметил, что лицо пьяницы погружено в бурлящую воду, и только тогда у пекаря в голове впервые промелькнула паническая мысль.

Он опустилсЯ на колени, отчего сразу же намокли брюки. Дождь колючими иглами колотил сверху по плечам. Преодолевая чувство брезгливости, пекарь взял пьяницу за плечи и перевернул лицом вверх. Голова пьяницы безвольно откинута в сторону. Глаза открыты, лицо распухшее. Дождь пьяницу не тревожил.

Пекарь инстинктивно отшатнулся, в голове промелькнуло: «Да этот парень мертвый!» Он прямо оцепенел от этой мысли, и сердце бешено застучало почти у самого горла. Поднявшись с колен, пекарь побежал к дому.

Жена, ежась от холода, поджидала его на пороге.

– Ну? Расчистил?

– Звони в полицию! – сказал ей пекарь.

Жена направилась к телефонному аппарату, висевшему на стене в прихожей, буркнув по дороге:

– Ты плащ-то сними! Гляди, как на пол льет с него!

– Звони в полицию! – твердил пекарь, ничего ей не объясняя. – Звони в полицию, звони в полицию...

Жена поднесла к уху трубку.

– Гудков нет. Похоже, бурей повредило линию.

Пекарь снова повернулся к двери, взявшись за ручку.

– Ты куда? Там в подвале же...

– Там на улице мертвый человек.

Пекарь жил в десяти минутах ходьбы от мэрии, где также располагался полицейский участок. Проходя мимо покойни-

ка, он старался не смотреть в его сторону. Дождь продолжал лить нещадно, а в голове крутились мысли: «Мертвец... В подвале потоп... Вставать завтра ни свет ни заря... Мертвец...»

В полицейском участке он обнаружил, что даже исправная телефонная линия не изменила бы дела. Из трех дежурных офицеров двое выехали на автомобильную аварию еще до поломки телефонной линии.

– Во время дождя дороги становятся опасными, – объяснил ему оставшийся офицер. – Людям не следует выходить из дома в такую погоду.

– Но там на дороге мертвец! – продолжал твердить пекарь, сбитый с толку тем, что его слова не вызвали никакого всплеска активности.

– Ничего, мы подождем Мартена и Арно.

Пекарь присел на один из трех деревянных стульев, стоявших вдоль стены между дверью и конторкой дежурного офицера. С башмаков его на кафельную плитку пола натекали лужицы воды. Полицейский уже записал его имя и причину обращения в участок и теперь просто сидел, коротая время. Но пекарю было трудно сосредоточиться хоть на какой мысли. Он изнемогал от усталости.

Через двадцать минут явились Мартен и Арно – в перепачканных грязью дождевиках. Мельком взглянув на пекаря и проигнорировав его присутствие, они продолжали говорить о чем-то своем, пока дежурный офицер за стойкой

не прервал их разговор и не растолковал им, зачем пришел пекарь.

Потом решили так: Мартен сопровождает пекаря до дома, а Арно тем временем сгоняет на полицейской машине в больницу и вызовет медицинскую помощь.

Снова очутившись под дождем, Мартен с пекарем умолкли. Улицы по-прежнему были пустынные. Даже самые поздние ночные бары и кафе в центре города были закрыты. Мартен с пекарем, добравшись до дома, нашли тело все в том же неподвижном состоянии. Оно по-прежнему загораживало канализационный сток, направляя потоки воды в сторону дома пекаря. Они молча стояли в нескольких футах от него, не вынимая рук из карманов дождевиков и ссутулив плечи.

Прождать им пришлось не больше минуты, после чего к дому подкатила полицейская машина в сопровождении кареты скорой помощи. Из нее выпрыгнули медики, достали из задней дверцы носилки. Арно подошел к Мартену и пекарю.

– Мы завтра свяжемся с вами, если понадобится, – сказал Мартен.

Пекарь наблюдал, как медики грузили тело в «скорую». Потом, когда перед глазами уже не было мертвеца и мысли чуть прояснились, он сказал:

- Но кто-то же должен прочистить канализационный сток.
- Это вы утром скажете коммунальщикам.
- Мне вставать ни свет ни заря, а у меня в подвале воды по колено.

Но полицейских это, похоже, не волновало.

Да и у самого пекаря мысли были заняты совсем другим.

«Скорая помощь» укатила, и один из офицеров сказал:

– Мы дадим вам знать.

Правда, не уточнил, о чем они дадут ему знать. Потом они сели в свою полицейскую машину и тоже укатили, оставив пекаря одного на пустынной дороге.

Дождевой поток теперь, как он заметил, снова вернулся в правильное русло и сливался в канализационный сток. Тогда, повернувшись, пекарь побрел к своему дому, где ему предстояло всю ночь вычерпывать воду из подвала.

Жена спустилась к нему навстречу.

– Ну что там?

Пекарь стянул с себя мокрый дождевик и принялся закатывать рукава рубашки.

– Да пьяницу какого-то сбили.

Такие вот новости сообщил старшему инспектору Центрального управления Пеллетеру начальник полиции Вераржана Летро на следующее утро за завтраком. Пеллетер приехал в Вераржан, чтобы выслушать показания убийцы, содержавшегося в заключении в близлежащей тюрьме Мальниво. Убийцу этого, некоего Мауссье, Пеллетер лично арестовал несколько лет назад за многочисленные убийства детей, которых тот держал в клетках в своем подвале, устраивая между ними бойцовские схватки на выживание. Ранее

Мауссье уже дважды требовал встречи с Пеллетером, утверждая, что у него есть для того ценная информация. Пеллетер ненавидел такие вот встречи с осужденными преступниками, но Мауссье отказывался говорить с кем бы то ни было еще, а его информация оба раза оказывалась как нельзя более точной и полезной. За время двух прошлых визитов в Вераржан Пеллетер и начальник местной полиции Летро подружились.

Пока они ели свой завтрак, дождь лупил не переставая, и городская площадь за мокрым оконным стеклом выглядела расплывчатым невнятным пятном.

Кроме них в кафе не было других посетителей. Хозяин скучал за стойкой, скрестив на груди руки и наблюдая за потоками низвергающейся с небес воды. Две электрические люстры были включены из уважения к разбушевавшейся непогоде.

Через площадь, словно неуклюжий зверь, промчался автомобиль и скрылся из виду, натужно жужжа мотором.

Людей на пустынных улицах Вераржана почти не было – за исключением тех, кого гнала за дверь суровая необходимость. А вчера вечером погода была и того хуже. И с какой стати пьянице тащиться под дождь, когда можно посидеть в баре?

– Расскажи мне про этого найденного покойника, – сказал Пеллетер.

– Ну... мы пока не знаем, кто это такой. Никто из моих

ребят его раньше не видел, а ведь в таком маленьком городишке люди каждую сову в лицо знают. Документов при нем не было. Ни бумажника, ни денег. Видно, просто бродяга. Мы отправили его отпечатки пальцев на проверку – может, найдется соответствие.

– А у вас тут что, много бродяг?

– Да нет.

Пеллетер откинулся на спинку стула и достал из внутреннего кармана пиджака сигару, закурил ее и выдохнул внушительный клуб дыма.

– Сходишь со мной к пекарю? – спросил Летро.

Пеллетер задумчиво жевал кончик сигары. Увидев, что Пеллетер закурил, хозяин подошел к ним забрать грязные тарелки. Они подождали, когда он уйдет.

– Мне вообще-то надо попасть в Мальниво. И мадам Пеллетер ждет меня дома.

– Да там разговоров на минуту, не больше. Подумаешь, какое дело – пьяница захлебнулся в луже. Просто если я приду туда с тобой, инспектором из центра, то нам удастся узнать больше. Этот Бенуа от испуга просто не сможет что-либо утаить.

За окном продолжал лить дождь.

– Да и с какой стати ему что-то утаивать? Просто я хочу соблюсти все формальности.

– А Расскажи мне про этого пекаря.

– Про Бенуа? Ну что про него рассказать... Например, он

выпек вот этот хлеб, который мы с тобой только что ели. До него здешним пекарем был его отец, но старик умер уже давно. Работает он семь дней в неделю, из дома и из пекарни выходит редко. У себя дома он такой, знаешь ли, прямо командир, а встретишь его где-нибудь еще – ну на рынке там или в кино – такой будет незаметный человечек. Мои ребята говорят, он сидел вчера вечером в участке будто ученик, которого вызвали на взбучку к школьному директору. А ведь он на пятнадцать лет старше моего самого взрослого офицера! Жена помогает ему в пекарне.

Пеллетер махнул было хозяину, чтобы расплатиться, но Летро сказал, что уже позаботился об этом.

– У меня здесь свои расклады, – объяснил он, вставая из-за стола.

Пеллетер убедился, что сигара его потухла, и убрал ее в карман. С вешалки у двери он снял свой дождевик и шляпу.

Летро попрощался с хозяином, ответившим ему словно спросонок. Надевая плащ, Летро пробурчал:

– Ой, как же не хочется тащиться под дождь!

С этими словами он открыл дверь, и в помещение ворвался шум непогоды – будто кто-то включил радио.

На улице было болеелюдно, чем им казалось из кафе, но все спешили деловито, ссутулив плечи, опустив голову, лишь изредка встречался неторопливый прохожий с зонтиком.

В центре площади бронзовая статуя на трехметровом бетонном постаменте невозмутимо обозревала витрины мага-

зинчиков, расположенных по северной стороне.

На улице было промозгло и холодно.

Они молча шагали плечо к плечу – даже и не поймешь, кто кому показывает дорогу. Пересекли площадь и направились по одной из западных улиц, мимо жилых домов и различных заведений. Пекарня располагалась на первом этаже двухэтажного кирпичного здания, за пять домов от площади. На стеклянной табличке красовалась выведенная зеленой и золотой краской надпись: «Бенуа и сын».

В магазине несколько женщин выстроились в очередь за свежими булками, но, завидев полицейских, Бенуа сразу вышел к ним из-за прилавка, оставив своих покупательниц.

– Месье Летро! Как я рад, что вы пришли! Вчера из-за этой жуткой истории моя жена так расстроилась! Уснуть все никак не могла, а ведь нам вставать ни свет ни заря. Хлеб же надо выпекать. Почти глаз не сомкнули.

Несмотря на эти бурные приветствия, пекарь выглядел измученным, что подтверждали темные припухшие круги у него под глазами. Левая щека осталась не до конца выбрита.

– А подвал у меня весь размыло. Когда-нибудь дом мой просто рухнет, вот увидите! Городские власти должны что-то с этим сделать. Каждый раз, когда засоряется этот канализационный сток, я потом два дня кряду выгребаю из-под дома воду! У меня уже черви из-под стен лезут!

Мадам Бенуа, подменив мужа, взялась отпускать хлеб покупателям, по-видимому, привыкшим к многоречивым

тирадам пекаря. Они по одной выходили из булочной, и каждый раз звон дверного колокольчика сливался с шумом дожда за порогом.

– Вот познакомьтесь, это старший инспектор Пеллетер. Он прибыл узнать, в чем тут дело, – сказал Летро.

У Пеллетера такая рекомендация вызвала раздражение. Он чувствовал, что все больше и больше увязает в этом расследовании. Гораздо больше, чем ему бы этого хотелось. Он пошевелил губами, хотя было не вполне ясно, что означало это выражение.

Бенуа сделал еще несколько шагов навстречу гостям.

– Что, неужели все так серьезно?

Он помолчал и внезапно оживился:

– Или вы приехали с инспекцией наших водосточных канав, чтобы наконец разрешить эту проблему раз и навсегда? Тогда пожалте ко мне в дом. Жена сама тут справится. А я покажу вам подвал, вы посмотрите, сколько там до сих пор воды!

– Я из Центрального полицейского управления, – сказал Пеллетер.

Бенуа снова помрачнел.

– А что такое?

– Да ничего, насколько нам известно, – сказал Летро. – Просто хотели еще раз послушать, что вы скажете о вчерашнем происшествии.

Дверь открылась, звякнув колокольчиком и выпустив по-

следнюю покупательницу. Мадам Бенуа из-за стойки наблюдала за тремя мужчинами.

– Я уже собирался идти спать, когда вдруг решил пойти проверить подвал. Как я уже говорил, во время таких гроз нас часто заливают. Когда увидел этот потоп, я сразу бросился на улицу и обнаружил там валяющегося на земле пьяницу. Мы хотели вызвать полицию, но телефон не работал, поэтому я сам пошел в участок. А он все лежал там, и из-за этого воды у меня в подвале набралось, наверное, вдвое больше.

– Наши люди сказали, что он лежал лицом вверх, когда они нашли его.

– Сначала он лежал лицом вниз. Это я перевернул его – хотел посмотреть, что с ним. Перевернул и увидел, что он мертвый...

– А вы что-нибудь слышали? Или, может быть, видели?

Бенуа теребил правой рукой левую, потирая костяшки пальцев. Голос его стал тихим и каким-то затравленным, он посмотрел на жену, потом снова на Пеллетера.

– А что там можно было услышать? Только дождь... Только дождь...

Бенуа повернулся к жене и спросил:

– Ты вчера вечером что-нибудь слышала?

Поджав губы, она мотнула головой.

Летро с Пеллетером переглянулись, и Пеллетер кивнул.

– Ладно, Бенуа, спасибо, – сказал Летро.

– А... – Бенуа снова посмотрел на жену. – А... что-то

все-таки случилось? Или этот человек просто был мертвецки пьян?

– Ну да. Насколько нам известно.

У Бенуа на лице отобразилось некоторое облегчение. Ему явно хватило вчерашнего и теперь было не до новых потрясений.

– Ой, затереть надо лужи, – засуетился он, посмотрев на пол. – Затереть надо...

Дверь открылась, и на пороге появилась новая покупательница, и за ней еще одна. Они обсуждали скверную погоду.

Бенуа вопросительно посмотрел на полицейских, как бы испрашивая разрешения вернуться к работе, и Летро сказал ему:

– Спасибо. Мы дадим вам знать, если что-то понадобится.

Бенуа с выражением заметного облегчения на лице убежал обратно за прилавок и первым делом бросился к стоявшей в углу швабре.

– Вы зайдите ко мне домой, и я покажу вам, какой потоп у меня в подвале. Вода аж вот где. – И он отметил на ноге место чуть ниже колена.

Пеллетер с Летро вышли на крыльцо.

– Ну? Что думаешь?

– Да тут нечего думать.

– Нет, ну я просто хотел сам все это выслушать.

Пеллетер одобрительно кивнул. С полей его шляпы ру-

чейками стекала вода.

Они направились обратно к площади.

– Пошли в участок. Я отвезу тебя в Мальниво на машине.

Они подождали, когда по улице проедет машина, и перешли на другую сторону. Дождь к тому времени заметно поутих, но сеял не переставая. Во многих окнах горел свет. Это пасмурное утро можно было принять за сумерки.

Они вошли в здание полицейского участка через боковой вход мэрии. Участок представлял собой просторное помещение, разделенное на две части дежурной конторкой. Перед конторкой – маленькая приемная с несколькими стульями. За конторкой – три тесно поставленных друг к другу письменных стола. По левой стене – двери в другие помещения. Летро нужны были ключи от одной из полицейских машин.

– Инспектор, тут для вас послание, – сказал молодой человек за дежурной конторкой, потом посмотрел на Пеллетера и снова перевел взгляд на своего начальника.

Пеллетер видел парня впервые, но было совершенно очевидно, что молодой офицер знал, кто сейчас находится перед ним.

– Это офицер Мартен, – представил парня Летро. – Это он вчера ходил домой к пекарю. – И, обращаясь к Мартену, спросил: – Мертвый бродяга опознан?

– Нет еще, – ответил молодой полицейский. – Зато из больницы сообщили вот это.

Летро обернулся.

Мартен взял со стола листок, на котором записал сообщение, но даже заглядывать в него не стал, а выпалил по памяти:

– Причиной смерти послужили множественные колотые раны в области груди и живота. Вода в легких не обнаружена.

Пеллетер с Летро переглянулись. Летро побледнел. Сбитый на дороге бездомный пьянчужка в одночасье превратился в криминальный труп. А отсутствие воды в легких означало, что этот человек был мертв еще до того, как оказался в придорожной канаве.

Молодой полицейский вопросительно посмотрел на начальника и нервно сглотнул.

– Что-нибудь еще? – рявкнул Летро.

– У него на одежде нет никаких дырок, – сказал Мартен. – Кто-то забил его ножом до смерти, а потом переодел.

Глава 2

Тюрьма Мальниво

В помещении полицейского участка повисла тишина, ставшая еще более неловкой, когда из одного из кабинетов вышли двое полицейских, весело хохочущих над какой-то своей шуткой.

Но они сразу умолкли, уловив всеобщую мрачную атмосферу.

Летро подошел к конторке дежурного и взял у младшего офицера листок с сообщением.

– Мне надо позвонить в больницу, – сказал он и скрылся в своем кабинете, громко хлопнув дверью.

Пеллетер почувствовал на себе вопросительный взгляд Мартена и отвернулся, не желая вступать в назидательный разговор. Он достал из кармана сигару, прикурил ее и опустился на стул, на котором вчера вечером сидел пекарь.

В дальнем конце помещения за конторкой двое полицейских продолжали обмениваться шутками.

Пеллетер наслаждался сигарой. Он распахнул плащ, с которого на пол капала вода.

Если Летро намерен копаться долго, то он просто возьмет такси. Часы посещения в тюрьме заканчиваются рано. Охранники там, помнится, были не очень-то склонны к побрякушкам – визиты Пеллетера их раздражали. Он чувствовал,

что они ведут себя непрофессионально и почему-то считают поблажкой для заключенных его посещения. И его собственное отвращение к этим визитам никак не могло их смягчить.

Но пока он просто сидел и ждал, слушая, как тихо переговариваются между собой трое полицейских за столами. Убийство в этом маленьком городишке считалось большим событием.

Попыхивая сигарой, Пеллетер поглядывал на ее кончик. Больше половины уж выкурено.

Дверь кабинета Летро открылась, офицеры притихли, но он даже не обратил на них внимания, когда прошел через все помещение к сидевшему на стуле Пеллетеру.

– Пошли! – сквозь зубы процедил он.

Пеллетер встал. Летро был явно расстроен.

– Я могу вызвать такси.

– Нет. Какое еще такси? Пошли!

Они снова вышли под дождь и направились к одной из полицейских машин. Дверцы ее не были заперты. Летро сел за руль, а Пеллетер устроился рядом на пассажирском сиденье.

Летро завел двигатель, включил дворники и сразу рванул с места, направляя машину к восточному выезду из города.

– Какие-то новости? – поинтересовался Пеллетер.

– Только то, что ты слышал.

Следующие полчаса езды они провели в молчании.

Когда город кончился, по обе стороны дороги потянулись поля, обнесенные проволоочной оградой. Иногда встречались

фермы или одинокие амбары. На выгонах паслись коровы с перепачканными грязью боками. Даже здесь, в сельской местности, все краски были не яркими, а какими-то смазанными и приглушенными, и все, казалось, было пригнуто к земле буйными весенними ветрами. И над этой унылой картиной нависало безбрежное хмурое небо.

Вскоре вдалеке показалась тюрьма, и через десять минут они уже были на месте. Угрюмое, неказистое строение, выделявшееся на фоне окрестностей темным пятном, выглядело как осиротелый остаток былых времен.

Навстречу им из будки вышел охранник, махнул и пошел открывать тяжелые чугунные ворота.

– Вот жизнь у него, не позавидуешь, – заметил Летро.

Охранник открыл ворота, и полицейские въехали на территорию тюрьмы.

На небольшой замощенной булыжником площадке перед главным входом стояли другие транспортные средства: грузовик, две полицейские машины и три гражданские. В здании имелся также внутренний двор, куда заключенных выводили на прогулку. Узенькие окошки камер глядели с каменных стен словно мертвые, незрячие глаза.

– По-моему, не очень удачная была идея устроить здесь тюрьму, – сказал Летро, паркуясь на площадке. – Сюда свозят преступников из самых разных далеких мест. И получается, что о них в стране больше никто не помнит. Только наш город. Он к этой тюрьме ближе всех. Все, кто здесь работает,

живут в Вераржане. И они могут понабратся здесь нехорошего. А у нас городок тихий, мирный – только мелкие кражи да изредка пьяные дебоши.

Пеллетер не стал напоминать Летро, что прошлым вечером в его тихом мирном городке произошло убийство, – в конце концов, Летро был прав.

– И место это выглядит так же мрачно даже в самый погожий день. Я ненавижу ездить сюда.

На входной двери заскрежетал металлический засов, и их пропустили вовнутрь. Сумрачное помещение освещали только две голые электрические лампочки на стене под самым потолком.

– Давайте мне свои дождевики, господа, – сказал охранник.

– Ну как ты тут, Реми? – спросил его Летро.

– Да жив пока, – ответил охранник, вешая плащи на крючки возле двери.

– Ну это как водится.

Пеллетер тем временем прошел в административное помещение. За два года, прошедшие с его последнего визита, здесь ничто не изменилось. Все та же огромная комната с двумя рядами письменных столов в середине. Все те же шкафы вдоль стен, и за столами все те же люди. Все те же унылые коричневатые стены с бликами от тусклых электрических лампочек на потолке.

Начальник тюрьмы, кряжистый седовласый дядька, долж-

но быть, уже был осведомлен о приезде Пеллетера, поскольку уже поджидал его с нетерпением. Свое раздражение он умудрился использовать так, чтобы придать себе еще большую важность.

– Инспектор Пеллетер, наконец-то! Рад видеть вас. Еще пять минут, и мы бы с вами разминулись. Я обещал жене свозить ее в большой город на несколько дней, она уже час как меня ждет.

За спиной начальника тюрьмы стоял, скрестив руки на груди, аккуратный угловатый человек.

– Позвольте представить вам месье Фурнье. Полагаю, вы еще не знакомы. Фурнье теперь работает у нас заместителем начальника тюрьмы. Выполняет всю работу, к которой у меня сердце не лежит.

Фурнье пожал Пеллетеру руку.

– Он шутит.

Никто из них не улыбнулся.

– В мое отсутствие Фурнье останется за главного и окажет всю помощь, какая вам потребуется. Хотя вам и помощь-то вряд ли нужна, вы же у нас человек опытный. – Начальник тюрьмы произнес эти слова с улыбкой, но в лице его сквозила недоброжелательность. – Вы вполне могли бы и сами привести на допрос заключенного.

Он огляделся. Люди за письменными столами пытались сосредоточиться на своих бумажках, но явно чувствовали себя неудобно.

– Нет, мне действительно нужно ехать. – Он глянул на наручные часы, потом на настенные. – Не надо было даже дожидаться вас. Фурнье, у вас же есть все, что нужно?

– Да, господин директор.

Начальник тюрьмы направился было в свой кабинет, но обернулся, когда дверь открылась и на пороге появился Летро.

– О, инспектор Летро? – Он бросил недовольно-вопросительный взгляд на Фурнье. – Надеюсь, ничего ужасного?

Летро, застигнутый этим вопросом врасплох, помедлил в дверях. Он посмотрел на Пеллетера, но лицо у того было непроницаемым.

– Вот, пока жив еще, как говорит Реми.

– Ну это как водится, – ответил начальник тюрьмы с усмешкой.

Летро прошел в комнату и поздоровался со всеми присутствующими, включая Фурнье.

Начальник тюрьмы, извинившись, удалился в свой кабинет.

– Прошу вас, старший инспектор, следуйте за мной, – сказал Фурнье.

Они вышли из административного помещения и направились по длинному узкому коридору. Фурнье держался с ледяной аккуратностью.

– Как я понял, вы здесь уже бывали?

– Да, это мой третий визит.

– Начальник тюрьмы считает, что вы оказываете этому человеку слишком большое доверие и даете ему возможность почувствовать свою значимость. А наша работа как раз заключается в том, чтобы не дать этим людям почувствовать своей важности. Они же преступники.

Пеллетер ничего не ответил. Достав из кармана свою наполовину выкуренную сигару, он вставил ее в рот, не прикуривая.

– Несомненно, некоторые из них очень даже умны, и совершаемые ими преступления требуют большой смелости. Возможно, родись они в другое время, не были бы преступниками. Но сейчас они просто преступники. Их нужно наказывать, а не аплодировать им. А внушать им какие бы то ни было мысли о значительности их персоны и вовсе опасно.

Они оказались перед дверью одной из комнат для свиданий, при необходимости служивших также и комнатами для допросов.

– Так начальник тюрьмы говорит?

– Нет, это я так говорю, – сказал Фурнье, и выражение лица его при этом ничуть не изменилось. Он отпер дверь ключом, прикрепленным к большой связке. – Подождите здесь.

Пеллетер хотел спросить у Фурнье, знает ли тот, что совершил Мауссье, но передумал. Ведь заместитель начальника тюрьмы не видел собственными глазами тех замученных изувеченных детей. Человек, способный на такое, в любом случае испытывает чувство собственной исключительности.

Пеллетер прошел в комнату. Дверь за ним захлопнулась с лязгом – его даже чуть передернуло от этого звука. В комнате не за что было зацепиться глазу: каменный пол, каменный потолок, каменные стены. Ни один звук не проникал сюда. Разве одно это уже не наказание для преступника?

Вскоре дверь снова открылась, и двое надзирателей ввели Мауссье – лысого старикашку с морщинистым лбом и крючковатым носом. Руки, скованные наручниками, он держал впереди, на ногах тоже были кандалы, соединенные с наручниками металлической цепью. Надзиратели усадили Мауссье на стул напротив Пеллетера.

В комнату также пришел Фурнье и с ним еще трое.

– Мы будем находиться прямо за дверью, так что, если он попытается...

– У нас все будет в порядке, – перебил его Пеллетер.

– Но если он...

– Все будет в порядке.

У Фурнье раздулись ноздри – впервые за все время он позволил себе выказать какие-то эмоции.

– Мы со старшим инспектором никуда не денемся, – невозмутимо, почти умиротворяюще проговорил Мауссье, сверля Фурнье пристальным, настойчивым взглядом.

Фурнье кивнул надзирателям, и те вышли вместе с ним, закрыв за собой дверь и повернув в замке ключ.

– Как поживает мадам Пеллетер? – осведомился Мауссье.

Пеллетер жевал сигару, перемещая ее из одного уголка рта

в другой, – только так он мог отогнать возникавшие перед глазами образы тех замученных детей.

Мауссье, похоже, понимал это.

– Деток пока так и не подарила вам? – Мауссье улыбнулся. – Хотя, конечно... Кораблик уже уплыл. Поздновато о детках думать. А жаль. Ведь только благодаря детям в этом мире и стоит жить. – Он насупил брови, и губы его сложились в трагическую театральную складку. – Ну а здесь, конечно, детей никогда не бывает. – Выражение его лица сделалось холодным. – Зато дождей много.

Пеллетер продолжал жевать сигару, понимая, что, видимо, скоро прикурит ее, чтобы не задохнуться от ярости.

– Впрочем, это только для мадам Пеллетер поздновато, а для вас пока еще нет. Должность старшего инспектора! А девочек молоденьких сколько вокруг! Кто-нибудь из них мог бы позаботиться о вас, когда придет старость. Вы подумайте об этом!

Мауссье, охваченный своими фантазиями и довольный собственными шутками, буквально ликовал. Железные цепи ему нисколько не мешали. Он в упор смотрел на Пеллетера.

– Ну так как поживает мадам Пеллетер? Хорошо, надо понимать?

Пеллетер терпеливо ждал. Торопить Мауссье было бессмысленно – любая реакция со стороны Пеллетера сделала бы этот словесный поток бесконечным.

– А как вам эта камера? Так себе, да?.. Нет, и они все рав-

но загоняют вас сюда. У меня почти такая же, но там хотя бы окошко есть. – Он поднял правую руку, а из-за наручников вместе с ней и левую, и пальцем начертил в воздухе квадратик. – Малюсенькое такое, но все-таки окошко. И я должен поблагодарить вас. Спасибо вам! Спасибо огромное!.. Я каждый раз так радуюсь вашему приходу! Так и передайте начальнику тюрьмы. Или Фурнье. Хотя нет, ему не надо, а то он еще подумает, что вы мне приглянулись. Он же не так умен, как вы, откуда ему знать, что вы – не в моем вкусе.

Он снова в упор посмотрел на Пеллетера, и морщины еще глубже прорезали его лоб.

Пеллетер все-таки решил закурить. Медленно достал из кармана одну-единственную спичку, чиркнул ею об стол и раскурил сигару. Мауссье молча наблюдал за ним.

– Ладно, я понял. – Лицо его сделалось серьезным. – В самом-то деле, Фурнье не даст мне сидеть тут вечно. Правила есть правила... А с вами тут мне как-то даже спокойнее, чем там... У вас была не одна возможность убить меня, а я вот все-таки здесь. – Он постучал себя по груди, звякнув цепями.

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, – сказал Пеллетер, выпустив клуб сигарного дыма.

– Ой, как хорошо сказано! Прямо в самую точку! Вот поэтому я могу говорить только с вами. Ваша жена просто счастливая женщина... И до сих пор нет деток? – Он удивленно вскинул брови, потом, не получив никакого ответа,

пожал плечами. – А дело-то, собственно, вот в чем: наши ряды редеют. Сначала одного, потом другого, третьего, четвертого... – Он снова театрально нахмурился. – Вот Гламье, например, убили. Тоже ваш был подопечный, так ведь? Глотку ему перерезали. И еще несколько смертей было.

– А я-то тут при чем? В тюрьмах постоянно людей убивают.

– Ну не постоянно... Не постоянно... А только иногда. Не так уж и часто на самом деле. Не так много сразу за один месяц. Не так много и не так безнаказанно, когда ничего не предпринимается и даже не говорится об этом... Не то что снаружи, а даже здесь.

– А что начальник тюрьмы говорит?

– А что он говорит?

Они внимательно наблюдали друг за другом, сохраняя спокойствие каждый на свой манер. Пеллетер курил. Мауссье улыбался.

– Нам нужен кто-то сторонний. Кто-то, кому мы могли бы доверять... Кто-то вроде вас. Какое-то расследование хоть провели бы, что ли.

– Расследование? Ради нескольких убитых заключенных?

– Ну, они тоже люди. – Театральные гримасы Мауссье не позволяли определить по его лицу истинных чувств. Они, как всегда, оставляли жутковатое ощущение.

Пеллетер наклонился вперед.

– Так ты хочешь, чтобы провели расследование? – Он

встал. – Пожалуйста. Давай проведем. Фурнье вон, за дверью. Он заместитель начальника тюрьмы. Он все выяснит, во всем разберется. – Пеллетер подошел к двери и занес руку, собираясь постучать. – Я расспрошу его про все эти смерти заключенных. Он вашего брата, похоже, не больно-то жалуется, но если кто-то убивает вас одного за другим, – он сделал вид, что собирается постучать в дверь, – то давай проведем расследование.

– Пожалуйста, не делайте этого, – попросил Мауссье. Голос его был по-прежнему тихим и невозмутимым и поэтому прозвучал как команда, а не как просьба.

Пеллетер опустил руку.

– Значит, расследовать нечего?

– Нет, просто это должны сделать нормальные люди.

Они продолжали изучать друг друга взглядом. Мауссье сохранял на лице самоуверенность, Пеллетер – стальную непроницаемость. Последний раз, когда Пеллетер приходил сюда, Мауссье обеспечил его информацией, необходимой для поимки одной женщины-убийцы, чье уголовное дело к тому времени уже почти три года как считалось глухим «висяком».

Пеллетер ждал, когда Мауссье скажет что-нибудь еще, но арестант смотрел на него молча, с притворной невинностью тараща глаза, отчего морщины у него на лбу делались еще глубже. Похоже, он просто устроил себе небольшое развлечение, но задать несколько вопросов в таких случаях нико-

гда не бывает лишним. В конце концов, Пеллетер всегда мог передать это дело в центральную комиссию по исправительным учреждениям.

Пеллетер подождал еще немного, потом постучал в дверь. В замке заворочался ключ.

– Передавайте от меня привет мадам Пеллетер! – крикнул ему вдогонку Мауссье.

Дверь открылась, и Пеллетер вышел.

Провожая Пеллетера обратно в административное крыло, Фурнье не поинтересовался, что сказал ему Мауссье. При чем трудно было понять, из каких соображений – то ли из профессионализма, то ли из презрения, то ли и впрямь из-за отсутствия интереса. Этот человек старательно соблюдал непроницаемость, и трудно было прочесть, что у него на душе.

Летро поднялся им навстречу, когда они вошли.

– Ну что, готово дело?

– Да.

– Пожалуйста, дайте мне знать, если вам понадобится что-то еще, – сказал Фурнье.

– Непременно. И еще раз передавайте от меня привет своему начальнику.

– Обязательно передам. Я уверен, он сожалеет, что не смог остаться. Его супруга иногда бывает очень настойчивой.

Они пожали Фурнье руку и пошли забирать свои дождевики у Реми.

– Ну что там? – спросил Летро, натягивая плащ.

– Да надо бы разобраться, – сказал Пеллетер и спросил у Реми: – Много арестантов у вас умерло за последнее время?

Реми задумался, помогая инспектору надеть плащ.

– Ну умер один пару месяцев назад.

– От болезни?

– Нет, зарезали. – И, пожав плечами, он прибавил: – Люди везде умирают, и в тюрьме тоже.

– А еще смерти были?

Реми покачал головой.

– Не знаю. Ну были еще случаи, если вас это интересует. А что такого-то? Всякое случается.

Пеллетер плотно стиснул губы. Понять, о чем он думает, не было никакой возможности.

На улице дождь по-прежнему лупил все с той же силой. Летро с Пеллетером поспешили сесть в машину. Там было душно и сыро, что лишь усугубляло общее чувство дискомфорта.

– Тебе что-нибудь известно о смертях арестантов?

– Нет, – сказал Летро, заводя машину. – Но это просто могло пройти мимо меня. Это же вообще-то не наше дело.

– А где их обычно хоронят?

– Наверное, зависит от того, откуда они сюда поступили.

– А ты не слышал, чтобы какие-то тела отправляли отсюда

железной дорогой?

Летро покачал головой.

– Нет. Но это же ни о чем не говорит.

– Ну да, это ни о чем не говорит. – Пеллетер задумчиво смотрел в окно.

– И что, Маусье тебя за этим сюда вызвал?

– Да.

– И ты думаешь, за этим что-то кроется?

– Не знаю.

Остаток пути они молчали, но на этот раз Пеллетер не видел за окошком дождливых пейзажей – не видел ни амбаров, ни коров, даже не заметил, когда снова начался город.

Когда они подъехали к участку, дождь стих, и они смогли добраться от машины до дверей, не сутулясь и не пригибаясь.

– Ты сегодня возвращаешься в город? – спросил Летро.

– Не знаю.

– Ну смотри, если останешься, то моя жена и слышать не захочет, чтобы ты ужинал где-то еще.

– Спасибо.

Летро помедлил на пороге, потом зашел внутрь. Пеллетер последовал за ним.

В участке за конторкой дежурного сидел все тот же молодой офицер Мартен. Завидев начальника, он поспешил доложить:

– Еще одно сообщение для вас, шеф.

Летро взял у него листок с записью, а Мартен тут же прибавил:

– Дела обстоят все хуже и хуже.

Пеллетер подошел и заглянул в листок через плечо Летро.

Оказалось, что отпечатки пальцев вчерашнего покойника нашлись в общей базе. Имя – Марсель Меранже. Опытный взломщик сейфов, работавший на многочисленные преступные синдикаты по всей стране.

Это означало, что многие могли хотеть убрать его.

Проблема заключалась только в одном – в последней записи, сделанной витиеватым почерком Мартена.

Марсель Меранже был арестован тринадцать лет назад и приговорен к сорока годам тюрьмы.

Тюрьмы Мальниво.

Глава 3

Американский писатель

Летро убежал в свой кабинет, оставив Пеллетера стоять с бумажкой в руках. В кабинете он первым делом схватился за телефонную трубку и рывкнул в нее:

– Здравствуйте... Дайте мне Фурнье!..

Пеллетер подошел к молодому офицеру за конторкой и кивнул на телефон.

– Можно?

Тот, удивленный, что у него вообще спрашивают разрешения, кивнул, растерянно выдавив из себя:

– Ну конечно!..

Пеллетер поговорил с оператором и повесил трубку.

Слышно было, как Летро в своем кабинете кричал:

– Да, это проблема, и это ваша проблема!..

– Из Мальниво когда-нибудь убегали арестанты? – спросил Пеллетер у молодого офицера, отчего тот опять растерялся, так как был занят тем, что старался подслушать, что говорит в своем кабинете начальник.

– На моем веку ни разу, а я прожил здесь всю свою жизнь, – ответил молодой офицер. – Но когда мы были детьми, тут ходили слухи о трех крупных побегах, случившихся со времен основания тюрьмы.

– О трех?

Офицер кивнул.

– В 1820-е один заключенный симулировал чахотку. Кашлял и кашлял целыми днями. Потом расцарапал пальцы о камни и этой кровью испачкал себе на груди робу – чтобы выглядело так, будто у него уже горлом идет кровь... Конечно, начальник тюрьмы побоялся, что зараза распространится на всех заключенных, и распорядился отвезти этого арестанта в город и там поместить на карантин в старый сарай... Арестант сбежал сразу же, как только его привезли в город. Поезда здесь тогда еще не ходили, а попросить кого-нибудь подвезти он не рискнул, поэтому шел пешком и далеко уйти не успел, потому что его быстро схватили... На весь остаток дней его заключили в одиночную камеру.

В открытую дверь было видно, как Летро расхаживал по своему кабинету с телефонной трубкой в руках, телефонным шнуром приводя в беспорядок бумаги на столе.

– А другие два побега?

– Ну второй даже, в общем-то, не считается побегом. Один из арестантов, работавших в прачечной, спрятался среди простыней, списанных на выброс. Довольно распространенная идея. Разумеется, списанное белье стали проверять перед вывозом, и умника обнаружили, так что он даже не успел оказаться за тюремными стенами.

Летро в своем кабинете уже орал во весь голос:

– Послушайте, Фурнье! Вы бы лучше поскорее разыскали своего шефа, потому что ему грозит скандал, из-за которого

он может лишиться места!

Молодой офицер не обращал внимания на этот шум, явно польщенный вниманием, оказанным ему старшим инспектором, приехавшим из центра.

— А последний побег случился во время войны. Тогда арестантам уже были разрешены прогулки во внутреннем дворе. Вот трое сговорились и запланировали побег... Придумали встать перед прогулкой последними в строю и, как только вышли на воздух, втроем набросились на замыкавшего строй надзирателя, отобрали у него оружие и, прикрываясь им как заложником, прорвались обратно в здание. Они добрались до главных ворот, но, к счастью, начальник тюрьмы как раз в тот момент вздумал сменить караул. Двоих пристрелили сразу, а третий сдался и стал утверждать, что они просто хотели сбежать на войну, чтобы помочь родине. Его отправили в окопы, там он и погиб. В общем, пуля ждала его в любом случае.

— То есть ни один из побегов в действительности так и не удался?

— Так точно, ни один.

— А как по-вашему, сейчас кто-то может убежать оттуда?

— Без помощи со стороны нет.

— Вот и я так думаю.

Пеллетер задумчиво прикрыл рот рукой.

— Старший инспектор?

Пеллетер оторвался от своих мыслей.

– А вот вы ходили в тюрьму к Мауссье... Ну, то есть это же вы его поймали... Вы знаете его. Это каким же человеком надо быть, чтобы...

Офицер Мартен вдруг осекся на полуслове, потому что взгляд Пеллетера, как тот сам вдруг осознал, был, видимо, свирепым.

Мартен сглотнул ком в горле, но, к своей чести, взгляда не отвел.

– Да нет, я просто думал, может, расскажете.

Пеллетер постарался согнать с себя этот грозный вид. Дело Мауссье действительно было на шумевшим в свое время и долго не забывалось, чего порой так хотелось Пеллетеру. События эти в свое время явно не прошли мимо юного Мартена, а возможно, даже и подтолкнули его к решению стать полицейским. И вот теперь он видит перед своими глазами самого Пеллетера, которому предстоит раскрыть новое загадочное убийство.

– Да как тут расскажешь?.. Такие вещи, они же не поддаются ни постижению, ни объяснению, – покачал головой Пеллетер. И, подумав, прибавил: – Люди способны на все что угодно.

Эти слова расстроили Мартена.

– Нет, но я имел в виду то, что творил Мауссье...

Пеллетер положил руку парню на плечо, надеясь как-то облегчить его переживания.

– Просто я хотел бы быть готов к встречам с такими

людьми, – объяснил Мартен.

– Не беспокойся, такого ты сразу определишь, – уверил его Пеллетер.

Мартена эти слова удовлетворили, а Пеллетер с усмешкой подумал о том, какую власть Мауссье взял над умами людей только благодаря тому, что его деяния стали предметом гласности. Он попытался припомнить свой первый допрос Мауссье, когда тот был еще просто подозреваемым. Сам-то он раскусил ли его тогда? Честно говоря, он даже сейчас затруднялся ответить на этот вопрос с уверенностью.

Летро в своем кабинете шумно брякнул трубку на рычажки. Он тяжело дышал, пытаясь совладать с собой.

На конторке дежурного зазвонил телефон, и Пеллетер сам снял трубку.

– Да... Старший инспектор Пеллетер... Мне нужно, чтобы вы достали папку с делом Марселя Меранже... Меня интересует все – семья, друзья, сообщники, враги, в общем, все-все... Сколько времени у вас это займет?... Хорошо, я подожду...

Летро вышел из своего кабинета. Он был все еще красный от возбуждения, но, похоже, уже взял себя в руки. Он ждал, когда Пеллетер поговорит по телефону:

– Постойте, я сейчас дам вам другого офицера, и вы передадите информацию ему... Он подождет на телефоне... Спасибо. – Пеллетер передал трубку Мартену. – Запишите все, что там скажут.

Когда Пеллетер повернулся к Летро, тот, все еще багровый от гнева, поспешил доложить:

— Фурнье сказал, что попробует разобраться!

— Понятно.

— Да я мог бы...

Пеллетер подошел к Летро и, взяв под руку, увел в его кабинет. Закрыв за собой дверь, он стал наблюдать, как Летро снова принялся выхаживать взад-вперед, напряженно думая.

Потом Летро остановился и посмотрел на своего друга.

— Ты меня извини, просто у нас тут нераскрытых убийств уже тридцать лет не было.

— Да их у вас и сейчас пока нет.

— Фурнье сказал, что выяснит, не пропал ли у них кто из арестантов. Хотя говорит, он уже знал бы, если бы кто-то исчез за последние сутки.

— Ну да, наверняка знал бы. Ты сказал ему, что мы собираемся приехать?

— По его словам, в этом пока нет необходимости. Сам он сейчас будет занят разбирательством, а начальника тюрьмы нет на месте, так что нам лучше приехать завтра. Я посоветовал ему все-таки поставить в известность начальника тюрьмы, но он говорит, с ним нет никакой возможности сейчас связаться. Обещал, правда, что все будет держать под контролем, и что если мы хотим приехать, то лучше это сделать завтра.

По невозмутимому лицу Пеллетера трудно было прочесть

его мысли, хотя он испытывал те же чувства, что и Летро.

– Меня этот Фурнье бесит! Ведет себя, будто ничего не произошло. Такой спокойный. Это же ненормально, – сказал Летро.

Пеллетер уже ловил себя на той же мысли сегодня. Фурнье вел себя так, словно ничто на свете не могло его поразить. Да еще начальника тюрьмы почему-то, как назло, не было в городе.

Летро сказал:

– Знаешь, а я хочу снова навеститься к Бенуа. Хочу взглянуть на его подвал.

– Это к пекарю?

– Ну да. Мне же надо хоть с чего-то начать! – Летро снова побагровел. – Мы ведь не знали еще об убийстве, когда разговаривали с ним сегодня утром. Может, что-то пропустили.

Летро направился к вешалке за дверью за своим плащом. Потом открыл дверь. Перед конторкой дежурного стояла старушка с мокрой собачонкой на руках – собачонку она держала, словно сумочку. Рядом с ней стоял молодой человек в шляпе. Оба они что-то торопливо объясняли двум полицейским офицерам, из-за чего в комнате стоял просто невообразимый гвалт. Мартен по-прежнему прижимал к уху телефонную трубку, прикрыв другое ухо свободной рукой.

Не обращая внимания на эту шумную картину, Летро направился к выходу. У самой двери он обернулся и сказал Пеллетеру:

– Ты со мной?

– Нет, езжай один.

Летро ушел, а Пеллетер сел и стал от скуки наблюдать за происходящим – ему пока оставалось только ждать.

Офицеры как-то умудрились уговорить посетителей излагать свои жалобы по очереди, и вскоре выяснилось, что молодой человек чуть не задавил старушкину собачку, когда парковался на площади. Молодой человек утверждал, что собачонка болталась на улице без присмотра. Никто, впрочем, не пострадал.

Пеллетер, слушая все это, попытался себе представить, каково это – быть полицейским в таком маленьком городке. Дождливая погода, похоже, всех взвинтила до предела.

– Старший инспектор! – позвал Пеллетера Мартен из-за конторки.

Пеллетер подошел.

– Ну? Есть что-нибудь?

Молодой офицер протянул ему листок, исписанный уже знакомым почерком.

– Вот, здесь список. Длинный. – Гордясь сделанной работой, он с готовностью ждал, когда Пеллетер просмотрит записи.

На плотно исписанном листке было около сотни фамилий. Некоторые из них были знакомы Пеллетеру по уголовным делам прошлых лет, но большинство имен ни о чем не говорило. Скорее всего, многие из этих людей тоже отбывали

заклучение или умерли.

Мартен встал и перегнулся через конторку.

– А знаете, инспектор, мне, кажется, знакома вот эта фамилия.

Имя, на которое он указал – Клотильда-ма-Флёр Меранже, – было помечено как дочь найденного на улице покойника.

– Такое необычное, редкое имя. Я даже попросил того человека на телефоне посмотреть, выходила ли мадемуазель Меранже замуж, и оказалось, что выходила. Она сейчас замужем за неким Шемом Розенкранцем, американским писателем. Ее теперь зовут Клотильда-ма-Флёр Розенкранц.

Старушка с собачкой вроде бы немного успокоилась, и разговор в комнате теперь шел в более сдержанных интонациях.

Мартен, ожидая от Пеллетера какой-либо реакции, прибавил:

– Они живут здесь, в городе.

– Где именно? – спросил Пеллетер.

Розенкранцы жили на западной окраине города, на улице Принсипаль, где дома стояли достаточно далеко друг от друга и постепенно переходили в сельскую местность. Их небольшой двухэтажный особняк с белыми ставнями был выкрашен в оливково-зеленый цвет. Низенькая изгородь, окружавшая владения, носила скорее декоративный харак-

тер.

Дождь на улице шел не переставая, но Пеллетер все же решил отказаться от машины и пройти пешком. Дом пекаря, где вчера было найдено мертвое тело, находился в другой части города, на севере, но это ровным счетом ничего не означало, так как сам городок был не очень велик. Меранже мог идти к дочери или же уже побывал у нее. И еще важно было выяснить, кто помог ему бежать из тюрьмы.

Пеллетер прошел через ворота. Дом выглядел ухоженным и веселым даже в такую дождливую погоду. С козырька над входной дверью ручьями лила вода. В глубине дома горел свет. Пеллетер постучал.

Пока он ждал, по улице в сторону центра промчалась машина.

Пеллетеру никто не открывал, и он, озираясь по сторонам, постучал еще раз.

Конечно, Розенкранцы могли и уйти куда-нибудь, но в такой-то дождь вряд ли. И вряд ли они оставили бы включенным свет.

Ютясь под козырьком, он постучал громче, даже дверной косяк немного сотрясся.

В глубине дома показалась фигура, заслонившая собою свет, видневшийся в стекле дверного окошка. Быстрые шаги приблизились к двери, она распахнулась, и мужчина на пороге недовольно спросил:

– Что вам нужно?

Он был примерно одного с Пеллетером возраста. По-французски говорил почти без акцента, и все же что-то выдавало в нем иностранца. Возможно, манера держаться.

Пеллетер показал ему свои документы.

– Мадам Розенкранц дома?

– Нет. А в чем дело?

– Я хотел бы поговорить с ней лично.

– Ее здесь нет. А я работаю, так что извините. – Он не пошевелился, но всем своим видом дал понять, что собирается закрыть дверь.

– Я насчет ее отца. И думаю, она хотела бы поговорить со мной.

Мужчина сделал шаг вперед, преградив Пеллетеру путь.

– Если вы насчет ее отца, то она точно не захочет с вами говорить. Она порвала с ним навсегда. И ненавидит его.

– Но это никак не избавляет меня от необходимости поговорить с ней.

Мужчина переминался с ноги на ногу, словно готовясь дать отпор. Как и Пеллетер, он был крепок сложением и несколько не обрюзг из-за возраста и сидячей писательской работы.

– Моя жена не разговаривает со своим отцом уже тринадцать лет. Поэтому все, что она может сказать, я могу сообщить вам прямо сейчас. А именно – ничего! Вам это понятно?

Пеллетер промолчал.

– Мне надо работать, – сказал месье Розенкранц и попятился, чтобы закрыть дверь.

Пеллетер, собираясь уйти, повернулся, но, когда дверь уже почти затворилась, спохватился.

– Еще только один вопрос! Если ваша жена давно не разговаривает с отцом, тогда почему она предпочла жить в городе рядом с его тюрьмой?

Розенкранц снова распахнул дверь, готовый уже чуть ли не лезть в драку. Но драться он, конечно, не стал, молча захлопнул дверь у Пеллетера перед носом, и в глубине дома слышались его удаляющиеся сердитые шаги.

Пеллетер нашел в кармане окурок сигары и вставил его в рот. Раскуривать под дождем новую сигару не хотелось.

Ступив из-под козырька под дождь, он направился по дорожке к воротам.

Из-за непогоды рано темнело. Во многих окнах уже горел свет. Пекарня Бенуа была закрыта. В кафе, где они с Летро завтракали, был вечерний наплыв посетителей. По булыжной мостовой к сточным люкам неслись многочисленные ручьи.

Пеллетер мог бы вернуться в участок, но у них, скорее всего, пока не было для него информации, как, впрочем, и у него для них. К тому же в участке ему сложнее было бы отказаться от предложенного Летро семейного ужина. Пеллетеру сейчас совсем не хотелось ни разговоров, ни домашнего уюта. Поэтому он отправился в свой отель, «Вераржан»,

располагавшийся на северной стороне площади.

Он сказал дежурному портье, что спустится к ужину через час, и попросил принести ему в номер пунша.

В номере он первым делом снял с себя мокрый плащ и шляпу, раскурил свежую сигару и взялся за телефонную трубку.

– Свяжите меня с полицейским участком, – распорядился он и, повесив трубку, стал ждать.

Сидя на краю постели, он курил, когда раздался телефонный звонок. Это был Летро.

– Да... Нет, ничего... Ее там не оказалось... Да я, в общем-то, и не особо рассчитывал на это... Нет, я переночую в отеле. Ты уж меня извини... Утром встретимся в кафе и потом поедem в тюрьму... Да, хорошо... Спокойной ночи. Ты звони, если что.

Он повесил трубку. За окном непроницаемой черной пеленой стояла ночь, ее прорезал только шум дождя и доносящихся изредка автомобилей.

У Пеллетера из головы не шли слова Мауссье о том, что кто-то убивает в тюрьме арестантов, и найденный потом на улице мертвец как раз и оказался тюремным арестантом.

И этот писатель американец вел себя как-то излишне агрессивно. Хотя, как знать, что чувствуют люди, когда тесть у них сидит в тюрьме. Ведь, в конце концов, все реагируют на полицию по-разному.

Девушка принесла ему пунш, и он, попивая его, стал пе-

реодеваться к ужину. После теплого напитка, сигары и сухой одежды он словно родился заново и вдруг понял, что жутко голоден. Отложив пока в сторону все насущные вопросы, спустился к ужину в самом что ни на есть оптимистичном настроении.

Внизу за конторкой портье девушка, принеся ему пунш, читала журнал. Небольшой тускло освещенный обеденный зал сразу за вестибюлем вмещал в себя лишь шесть круглых столиков. В дальнем углу сидел всего один посетитель. Пеллетер выбрал себе место у окна поближе к настенному светильнику. От окна тянуло сквозняком.

Из подсобного помещения в зал вышел хозяин отеля и, хлопнув в ладоши, громко обратился через всю комнату к Пеллетеру:

– Инспектор! Ваш ужин уже готов, его сейчас подадут.

Другой посетитель оторвался от своей еды при виде этой театральной сцены. Они с Пеллетером смущенно переглянулись, и посетитель возобновил свою трапезу.

А хозяин уже стоял возле столика Пеллетера.

– Ой, ну расскажите мне все об этом деле, – сказал он. – Неужели у нас в Вераржане начали убивать людей на улицах? Нет. Нет, нет, нет, ни за что не поверю! – И, причмокнув, он покачал головой.

Хорошее настроение у Пеллетера тотчас же улетучилось. В таком маленьком городишке пересуды, конечно, были неизбежны, но для Пеллетера нежелательны.

– Да нам ничего пока не известно, – сказал он.

– Как это неизвестно? Ведь Бенуа нашел его прямо на улице, этого бедолагу!

Девушка принесла Пеллетеру его ужин – цыпленка в винном соусе с гарниром из тушеной спаржи. Поставив перед ним дымящуюся тарелку, она отступила назад и встала за спиной у хозяина.

– О-о-о, вот и ваш ужин. Ешьте на здоровье. Вам понравится. Приятного аппетита! – И он шепотом сказал девушке: – Оставь господина инспектора одного. Иди!..

Он снова повернулся к Пеллетеру – как раз в тот момент, когда тот положил себе в рот первый кусочек. Но тут же сообразив, что сам он, по-видимому, тоже мешает инспектору, еще раз пожелал ему приятного аппетита и повернулся, чтобы уйти, остановившись только по дороге ненадолго у столика другого посетителя.

Еда была вкусной, но Пеллетер ел автоматически, без удовольствия. Хозяин отеля своими вопросами вернул его к мыслям об этом таинственном деле. Кто вытащил Меранже из тюрьмы и когда его убили – в стенах тюрьмы или за ее пределами?

Он съел уже половину порции, когда на пороге обеденного зала появилась молодая женщина. Очень миловидная, в дорогом платье, подчеркивавшем ее изящные формы, но она явно чувствовала себя в нем неуютно, так как обернулась сверху шалью. С порога она всматривалась в зал, нерв-

но крутя на пальце обручальное колечко.

Пеллетер немного подождал и махнул ей.

Она сразу же направилась к его столу.

– Инспектор, простите, что беспокою вас.

Посетитель за другим столиком, оживившись, обернулся на ее голос. В маленьком городке, как всегда, нельзя ни от кого укрыться. Только при этом почему-то никто ничего не видел и не слышал вчера вечером, когда был убит Меранже.

Пеллетер пригласил незнакомку сесть напротив, и она, отодвинув стул подальше, присела на самый краешек, тем самым подчеркивая, что не собирается пробыть здесь долго.

– Я – мадам Розенкранц, – представилась она и смущенно опустила глаза.

Она оказалась моложе, чем Пеллетер ожидал, – лет девятнадцати, не больше. И было ясно, почему Розенкранц женился на ней, – она была невероятно хороша собой.

Робко подняв глаза, она проговорила:

– Муж сказал, что вы приходили, хотели поговорить со мной.

– И он отпустил вас из дома в такую поздноту и в такую погоду?

– Он не хотел отпускать, но всегда в конечном счете делает то, что я ему говорю. – И она снова опустила глаза, смутившись от этого признания.

Пеллетер попытался представить себе писателя-американца, исполняющего любую волю жены, и понял, что в ее

случае такое вполне возможно.

– А я, признаться, удивлен, что он вообще сообщил вам о моем приходе. Он явно не был рад видеть меня.

– Это потому, что вы застали его за работой. Он, когда пишет, совсем другим человеком становится. Поэтому я часто просто ухожу.

– Куда?

– Просто ухожу из дома, – сказала она, не пожелав развивать эту тему. Она теперь смотрела на него в упор, и от ее смущения почти не осталось следа. – Он сказал, вы приходили насчет моего отца.

– Да.

Она помолчала и, не дождавшись от него разъяснений, сказала:

– Он мертв, так ведь?

– Да.

Женщина снова опустила глаза, и по движению ее рук Пеллетер догадался, что она опять крутит на пальце обручальное колечко. Он ждал, что выражение лица ее как-то изменится, но этого не произошло – ни слез, ни удивления.

– Его убили? – спросила она голосом тихим, но несколько не дрогнувшим.

– Откуда вам это известно? – уточнил Пеллетер, насторожившись.

– Ну... его пекарь нашел, а потом приходите вы... – Она подняла на него глаза. – Что же еще может быть? – произнес-

ла она с нервной усмешкой, скрывшей на ее лице все другие чувства.

– Ваш муж сказал, что вы ненавидели отца. Что вы не разговаривали с ним с тех пор, как он угодил за решетку. Ваш муж подчеркнул это неоднократно.

– Вы ешьте, ешьте, пожалуйста, – сказала она, кивнув на его тарелку. – Я же помешала вам ужинать.

– Почему вы ненавидели отца?

– Ничего подобного. Никакой ненависти не было.

– Но вы, как видно, не очень-то расстроены из-за его смерти.

– Для меня он был уже мертвым. Но ненависти к нему я не испытывала. Все-таки отец есть отец. – Она пожала плечами. – Он убил мою мать.

Пеллетер удивился.

– Такой записи нет в его деле.

– Но он убил ее. – Она поджала губы. – Не в прямом смысле слова, конечно. Он подверг ее опасности, и ее убили. Он задолжал деньги и сбежал. – Она снова пожала плечами. – Так всегда бывает.

Пеллетер внимательно изучал ее. Он вдруг понял сейчас, что первоначальная робость была, скорее всего, результатом выпавшей на ее долю неожиданной удачи – состоятельный муж, семейное счастье. Она, несомненно, была знакома и с более суровой жизнью, а сейчас просто предпочитала скромно держаться в тени. Что наверняка было непросто, учиты-

вая ее очаровательную внешность.

– Муж, должно быть, заменил вам отца.

– Это вы из-за возраста так подумали? Нет. Вовсе нет. Мы с ним...

– А зачем кому-то могло понадобиться убивать вашего отца?

– Он был плохим человеком, – сказала она.

– А какая-нибудь более конкретная причина вам на ум не приходит? Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы желать смерти вашему отцу?

Она покачала головой, смущенная его настойчивостью.

– Нет... Не знаю... У меня с отцом не было ничего общего. Пеллетер продолжал наседать.

– Но вы ходили повидаться с ним.

Она снова потупилась и тихо призналась:

– Да.

– И ваш муж об этом не знал.

– Нет, не знал... наверное.

– А почему вы не говорили ему об этом?

Она не ответила.

– Если это приходилось скрывать, зачем вообще было встречаться с отцом?

Она вдруг смело посмотрела ему в лицо.

– Потому что он – мой отец.

– Когда вы последний раз виделись с ним?

– Не скажу точно. Где-то месяц назад. Может, больше...

Я не регулярно ходила к нему. Иногда могла год не ходить и даже больше...

– Он говорил что-нибудь? Может, боялся чего? Не упоминал ли, что скоро выйдет из тюрьмы?

– Нет, ничего такого. Мы не разговаривали подолгу. Тогда как раз кого-то убили в тюрьме, но это же случается. Я не придавала этому значения... Я вообще всегда ненадолго к нему приходила. А когда приходила, сама не могла понять, зачем это сделала.

Пеллетер наблюдал за ней. Она беспокойно теребила руки на коленях, время от времени с вызовом поглядывая на него. Ему вспомнился американский писатель, его вспышка гнева.

– А все-таки расскажите мне, – вдруг сказал он.

Она испугалась.

– Да мне нечего рассказывать!

– Нет, расскажите! – Он хлопнул по столу, зазвенев посудой.

– Мне нечего рассказывать! Мой отец мертв, я просто хотела убедиться в этом. Вот и все!

Они смотрели друг на друга в упор, не отводя взгляда.

– Да, он мертв, – произнес наконец Пеллетер и, взяв вилку, продолжил есть. Еда уже остыла, но ему было безразлично.

Мадам Розенкранц собралась с духом и встала. Постояв немного над ним, она сказала:

– Вы собираетесь что-то делать с этим?

Он внимательно посмотрел на нее, потом спросил:

– А вам это важно?

Он надеялся увидеть хоть какую-то реакцию на ее лице, но реакции не последовало, она просто сказала:

– Да.

– Собираюсь, – сказал он, возобновляя еду.

Она направилась к выходу демонстративно решительным шагом, но, уже выйдя в вестибюль, замешкалась, сразу снова превратившись в растерянное юное создание.

В обеденном зале стояла тишина. Даже дождь за окном прекратился.

На этаже в коридоре возвращавшегося с ужина Пеллетера подкараулил тот самый другой посетитель обеденного зала. Стоя на пороге противоположного номера, он изобразил на лице благодушную улыбку и протянул Пеллетеру руку для рукопожатия.

– Инспектор Пеллетер!

Преградив Пеллетеру путь, он пожал ему руку почти насильно.

– Я не хотел фамильярничать, но ничего не мог с собой поделать, потому что частично слышал ваш разговор внизу. А встретить знаменитость – это такая радость!

Пеллетер высвободил руку и попытался обойти незнакомца стороной.

– Очень рад, – сухо сказал он.

– Можно задать вам несколько вопросов? Не хочу навязываться, но вы же читали газеты, а из них никогда нельзя понять, насколько правдиво там все изложено. Как, например, в случае с нашей местной знаменитостью Мауссье.

Незнакомец стоял посреди коридора, перегородив Пеллетеру дорогу, и, чтобы обойти его, нужно было применить силу.

– А правда, что он держал детей в клетках?

Пеллетер изнемогал от усталости. Неужели людям не хватает всего того горя и страданий, что творятся в мире? Неужели обязательно вытаскивать на поверхность еще какие-то страшные подробности?

– Я, помнится, читал, что вы нашли ребенка в клетке и что там рядом были еще другие клетки... И что он вырыл у себя в подвале колодец, где натравливал детей друг на друга, устраивал между ними жестокие бои на выживание... Эти чудовищные образы так или иначе ассоциируются у меня с вами, я до сих пор вижу по ночам кошмары. После этих жутких историй в газетах. Это правда? То, что там было написано.

– Простите... – Пеллетер снова попытался прорваться через заслон.

– Я просто не понимаю, как можно было сделать такое, как такое вообще может прийти в голову! Похищать детей, морить их голодом и заставлять... – Он испытующе смотрел на Пеллетера. – И у него в клетках уже сидели двое оголодав-

ших детей, которых он демонстрировал другим в качестве примера. Я ведь правильно понял?

Пеллетер был поражен – столько лет прошло, а люди до сих пор говорят об этом. Об этом чудовище, которое следовало бы забыть, а не прославлять.

Незнакомец продолжал:

– Да. И эти дети дрались друг с другом насмерть, а победителю разрешалось обглодать их кости, а потом ждать в клетке до следующей бойни. Потрясающе!

– Откуда у вас такой интерес к этому? – сухо поинтересовался Пеллетер, стараясь ничем не выдать своих эмоций.

– Ой, да просто любопытство. Я, знаете ли, питаю любительский интерес ко всяким криминальным тайнам.

Пеллетер почувствовал, что начинает злиться.

– Извините, – сказал он.

– Ой, конечно, я понимаю, уже поздно. Вы только скажите мне: это правда? Ведь газеты наверняка все преувеличили. Разве будет кто-то так издеваться над детьми ради собственного удовольствия?

– Мне нечего вам сказать по этому поводу. Это было очень давно.

– Тогда, может быть, скажете что-нибудь по поводу нашего местного убийцы? Подозреваемые у вас уже имеются?

Пеллетер сделал шаг вперед, пытаясь прорваться.

Но незнакомец не посторонился и упрямо заглядывал Пеллетеру прямо в лицо.

– Я не верю, что кому-то такое могло бы сойти с рук. Ну то, что сделал Мауссье. Я просто не могу поверить, что все это происходило на самом деле! Ну скажите!

Незнакомец, похоже, ждал от Пеллетера хоть какой-то реакции, так и эдак пытался добиться ее.

– Там найдены были кости с отметинами детских зубов! Так ведь? Если так, то это вообще в голове не укладывается!..

Взяв незнакомца за плечо, Пеллетер грубо отстранил его. Тот стукнулся о стену и подпрыгнул, чтобы удержать равновесие.

– Мне нечего вам сказать, – сказал Пеллетер, обходя его. Незнакомец крикнул ему вдогонку:

– Значит, это все правда? И вы все это видели собственными глазами! Почему же вы не убили его прямо на месте?

Повернувшись, Пеллетер подскочил к нему и рявкнул:

– Потому что это не по закону!

– Да? А куда же смотрит закон, когда людей убивают прямо на улицах Вераржана?

Пеллетер еле сдерживался, сверкая глазами. Да, он мог, конечно, рассказать сейчас этому человеку о шрамах, оставшихся на том выжившем мальчике – шрамах, свидетельствовавших о его победах в тех жестоких звериных схватках. Мог рассказать, что те отметины от зубов на костях свидетельствовали о том, что этот мальчик за свою короткую жизнь убил по меньшей мере шестерых других детей и что его до

сих пор содержали на привязи взаперти. Только это скрывалось от газетчиков ради самого же мальчика.

Но он просто сказал: «Спокойной ночи» – и пошел прочь.

– Да я не подразумевал ничего такого... Просто спросил... – крикнул ему вслед незнакомец.

Пеллетер отпер дверь своего номера.

– А вы... – начал было незнакомец, но тут же умолк еще до того, как Пеллетер переступил порог и закрыл за собой дверь.

Пеллетер был взбешен. Ведь Мауссье это всего только один случай, а он мог бы рассказать этому пристававшему человеку о множестве других уголовных дел, оставшихся без внимания прессы. И чем один такой случай страшнее другого, если и там и там погибают люди?

А люди продолжают погибать, и Мауссье опять почему-то рядом. И даже если Мауссье никак в этом не замешан, Пеллетеру от этого все равно не легче.

Набрав полную грудь воздуха, он медленно выдохнул, стараясь успокоиться. Ну попался тебе какой-то бестактный, назойливый человек. Зачем же так кипятиться? Ведь ты сам сказал сегодня офицеру Мартену: люди способны на все что угодно. От них всего можно ожидать. Сейчас важно другое.

Как тело Меранже оказалось на улице?

И зачем им понадобилось переодевать Меранже из тюремной робы, скрывая, что он арестант?

Пеллетер снял пиджак и сел на постель.

Он пытался сосредоточить мысли на сегодняшнем разговоре с мадам Розенкранц. Но перед глазами почему-то так и стоял тот несчастный мальчик в клетке в подвале у Мауссье. И от этих воспоминаний мгновенно закипал гнев на постояльца из комнаты напротив, и Пеллетер, скрипя зубами, в ярости сжимал кулаки.

Конечно, газеты сделали свое дело. Разнесли вонь. Таковую же вонь, какая стояла тогда в подвале Мауссье. Пеллетер в тот день даже выбросил на помойку пиджак – чтобы избавиться от этого жуткого запаха.

И эти воспоминания он упорно гнал от себя, когда видел перед собой клоунскую ухмылку на лице Мауссье, беседуя с ним сегодня в комнате для допросов в Мальниво. Ему это удалось – удалось сосредоточиться на деле. А сейчас вот какой-то приставучий зануда умудрился заставить его врасплох и вывести из себя.

Пеллетер сидел на постели и смотрел на телефонный аппарат на ночном столике, потом глянул на часы.

Звонить мадам Пеллетер поздновато – только разволнуется понапрасну.

Глава 4

Новый случай

На следующий день Летро с Пеллетером отправились в тюрьму Мальниво. День выдался на удивление погожим. На асфальте впереди то и дело попадались парные полосы от шин, проехавших по грязным проселкам.

Фурнье лично встречал их у главного входа. Он был одет в приталенный серый костюм, выглядевший так, словно его только что погладили. В руке он держал папочку с зажимом и начал говорить, когда Реми даже еще не успел запереть дверь.

– Меранже присутствовал на перекличке позавчера вечером, четвертого апреля... Надзиратель, проводивший перекличку вчера утром, отметил его как присутствующего... Прогулку вчера отменили из-за дождя, а следующая перекличка должна была быть вечером, но вы связались со мной раньше.

– Где этот надзиратель, допустивший ошибку? – спросил Пеллетер.

– Он уже получил выговор.

– Все равно я хочу поговорить с ним.

– Это больше не повторится... Я уже давно предлагал начальнику тюрьмы усовершенствовать процедуру переклички. – Все это он говорил резким, распорядительным тоном,

давая понять, что не позволит собой командовать.

Летро с Пеллетером переглянулись. Фурнье был невыносим.

Летро сказал:

– У нас с вами общая проблема.

Фурнье открыл дверь в административное помещение.

– Папка с делом Меранже...

– Я бы хотел осмотреть камеру Меранже, – сказал Пеллетер.

Придерживая ручку двери, Фурнье посмотрел на него и сказал:

– Камеру мы уже осмотрели. Там нечего больше осматривать.

Пеллетер резко подступил к нему почти вплотную – так что полы пиджаков почти соприкоснулись.

– Значит, так. Я выполняю свою работу. Ваша задача – помогать мне в этом. Меня не волнует, сделали ли вы выговор вашему надзирателю и обыскали ли вы камеру. И если вы считаете, что у вас все под контролем, то меня это тоже не волнует. Я хочу, чтобы вы помогли мне, когда я скажу, а в противном случае попрошу вас отойти с дороги и не мешать.

Фурнье выслушал эту речь с бесстрастным лицом, но, когда Пеллетер закончил, сразу отвел взгляд в сторону.

– Хорошо. Его камера в блоке Д-Д. Это на втором этаже.

Фурнье повел их по коридору, мимо камеры, где Пеллетер вчера беседовал с Маусье, к какой-то двери, за которой

начиналась лестница. На холодной лестнице пахло сыростью и плесенью.

Фурнье, похоже, оправился после полученной только что взбучки и теперь решил воспользоваться возможностью оказать содействие.

– Дверь эта сразу запирается, когда мы сюда проходим, так что если кто-то окажется на этом отрезке без ключа, ему придется ждать, когда пойдут следующие... Разумеется, побег при такой системе невозможен, да и попыток таких не было со времен войны.

– До этого дня, – заметил Пеллетер.

– Ну не знаю, посмотрим.

– Что вы имеете в виду?

– Этот арестант был мертв.

Они поднялись на второй этаж, и Фурнье стал искать на связке нужный ключ.

– Сейчас будет две двери. Левая ведет в коридор с камерами, а правая, – он шагнул вправо, – выходит на внешнюю галерею с видом на внутренний двор. – Фурнье наконец подобрал ключ к наружной двери. – Вам наверное захочется взглянуть на это... Вчера заключенных не выводили на прогулку из-за дождя, так что сегодня им уже не терпелось.

Он открыл дверь, и в лицо им дохнул холодный ветер. Они вышли на галерею – узкий чугунный мостик, рассчитанный всего на одного человека. Впереди шагах в десяти стоял надзиратель с винтовкой.

Внизу прогуливались арестанты. Многие ежились от холода, скрестив на груди руки. Они напоминали разрозненную толпу на барахолке в базарный день.

— Надзиратели внизу не носят при себе огнестрельного оружия, — сказал Фурнье. — А здесь, наверху, у всех надзирателей винтовки... Арестанты, которым полагается прогулка, гуляют здесь по часу утром и днем.

— Арестанту Меранже полагались прогулки?

— Да. Он был примерным заключенным. Давно уже тут содержался.

Пеллетер смотрел на топчущихся во дворе людей.

Вдруг в дальнем углу двора раздался крик. Все обернулись на звук, и заключенные сразу же бросились туда.

Вместе с ними побежали и надзиратели.

Фурнье бросился обратно к двери, ища на связке ключ. Движения его были торопливы, но точны. Он выскочил за дверь, оставив Пеллетера и Летро запертыми на галерее с вооруженными надзирателями.

Надзиратели внизу ворвались в гущу толпы и отогнали заключенных. Один остался лежать на земле, руками хватаясь за что-то на груди.

— Его ножом пырнули, — сказал Летро.

Рот раненого человека судорожно открывался в агонии.

Внизу появился Фурнье. Он несся через двор, крича на ходу на заключенных.

Надзиратели на верхней галерее, прицелившись в толпу,

приготовились стрелять.

Из какой-то двери выбежали двое с носилками. Заключенные расступились, чтобы пропустить их, и притихли, так что наверху даже были слышны стоны раненого.

Фурнье, стоя в самой гуще толпы, орал на заключенных, потом схватил одного за грудки и оттолкнул.

Раненого уложили на носилки и унесли в здание.

Фурнье, не переставая орать на заключенных, ушел следом за носилками.

Дождаясь, пока их выпустят с галереи, Летро с Пеллетером продрогли насквозь. Надзиратель, провожавший их в лазарет, от возбуждения болтал без умолку.

– Нет, ну вот как тут что разглядишь?.. Стоишь на одном месте по многу часов напролет... Такая тоска, такая тягостина... Ну и забываешь иной раз, что это опасные преступники. Теряешь бдительность, а потом хлоп!.. Мы же тут как на пороховой бочке! И никогда не знаешь, стрелять тебе или нет.

Каждая дверь, через которую они проходили, требовала набора из двух ключей. В каждом основном отсеке имелись боксы охраны. Свою винтовку надзиратель сдал в арсенал, где ее тотчас же запер в специальную металлическую стойку оружейный смотритель.

– И часто у вас тут такое бывает?

– Да не очень. Месяцами может ничего не происходить. Я

когда сюда поступил на работу, так сначала целый год ничего такого не происходило. Я даже не верил старшим ребятам, когда они говорили другое. Но в этом месяце! Ой!.. Прямо какая-то война преступных кланов. Все, пришли.

Пеллетер остановил его перед дверью в лазарет.

– А сколько всего?

Надзиратель обернулся, покачиваясь от возбуждения.

– Не знаю, четверо или пятеро. Надзиратели не всегда все могут выявить.

– А мертвые есть?

– Насколько я знаю, нет.

Пеллетер кивнул, словно ожидал такого ответа, и прошел в лазарет.

В тесной белой комнатке стояло шесть коек – по три по обе стороны прохода. Раненый ножом человек лежал на самой дальней койке справа. Окровавленную робу с него срезали, и двое надзирателей и санитар держали его, пока врач накладывал швы на раны на груди и животе. Но бедолага, похоже, и не пытался дергаться.

– Ему дали морфин, – сказал Фурнье, стоявший возле самой двери и делавший какие-то записи у себя в папке с прищепкой. – Всего лишь резаная рана, так что жить будет.

– Мы можем поговорить с ним?

– Он не знает, кто это сделал. Говорит, просто прогуливался, а потом вдруг оказался на земле, корчась от боли. Это мог сделать любой из тех, кто находился рядом. Но он даже

вспомнить не может, кто с ним рядом находился.

– Враги у него были? Может, дрался с кем?

– Нет. Ничего такого не было. Я спрашивал его, – сказал Фурнье, энергично водя карандашом по листку в папке.

– А он прямо так и признается вам.

У Фурнье раздулись ноздри, и движения у него были заметно резче, чем обычно, что свидетельствовало о потере им душевного равновесия.

– Послушайте, инспектор, если мы все тут занимаемся одним делом, то вам придется доверять мне. Он сказал, что не видел ничего и не знает, кто это сделал. Вот и все.

Больной на койке застонал. Доктор принялся успокаивать его. Он почти уже закончил процедуру накладывания швов.

– А сейчас, если вы все еще хотите осмотреть камеру Меранже, то пойдемте со мной, да побыстрее! У меня полно работы. Нам еще предстоит обыскать всех заключенных и все камеры. Не обязательно, что мы что-нибудь найдем, но это должно быть сделано.

Пеллетер, конечно, предпочел бы допросить заключенного лично, но он видел инцидент собственными глазами, и пострадавший, вполне возможно, и впрямь ничего не знал. В любом случае, с этим можно было подождать.

– Хорошо, пойдемте, – сказал Пеллетер и посторонился, чтобы пропустить Фурнье вперед, но потом остановил его. – А что начальник тюрьмы говорит обо всех этих случаях поножовщины?

– Обо всех?

– Надзиратель сказал, что таких случаев было за этот месяц по меньшей мере четыре.

Фурнье нахмурил лоб и прищурился.

– Если вы посчитали и Меранже, то этот случай третий из мне известных. К тому же Меранже, как нам известно, зарезали за пределами тюрьмы.

Летро хотел вмешаться в разговор, но Пеллетер остановил его жестом.

– Но вы, разумеется, свяжетесь по телефону с начальником тюрьмы и доложите ему о происшествии? – сказал Пеллетер.

– Начальник тюрьмы оставил меня здесь за главного, поскольку я полностью способен его заменить. Он будет обо всем проинформирован, когда вернется в понедельник. Я не вижу причины портить ему его маленький отпуск.

– Ну да, конечно.

На это Фурнье ответил коротким кивком и вышел за дверь.

Летро подступил к Пеллетеру вплотную и тихо спросил:

– Что здесь происходит?

– Заключенного пырнули ножом.

– Я знаю, что заключенного пырнули ножом, но...

– Тогда, значит, ты знаешь то же, что и я.

Фурнье уже ушел вперед и поджидал их у следующей двери. Серые каменные стены тюрьмы хранили угрюмую бес-

страстность.

Камера Меранже выходила узеньким окошком на близлежащие поля. В ней хватало места только для железной койки и стального унитаза. Фурнье нетерпеливо ждал в коридоре, листая свою папку, Летро с порога наблюдал, как Пеллетер осматривает комнату.

Малочисленные вещи Меранже так и лежали в коробке на постели с тех пор, как Фурнье проводил здесь осмотр. Три книги – Библия и два детективных романа, походный шахматный набор, какие-то камешки причудливых форм, скорее всего подобранные с земли внизу во дворе, засушенный цветок и тоненькая пачка писем, перевязанных бечевкой.

Письма все были написаны одним и тем же женским почерком, с годами становившимся все более уверенным. Писем было в общей сложности четыре. Последнее – двухмесячной давности:

«Отец!

Это нечестно с твоей стороны быть таким требовательным. Ты даже не представляешь, чего мне стоит совершать эти визиты или даже просто писать эти письма. Каждый раз я твержу себе, что это будет в последний раз, что я больше не могу этого выносить. Я напоминаю себе о том, что ты сделал, и о том, что я имею все причины ненавидеть тебя, а потому должна наконец переменить свое решение. Но я по-прежнему тебя боюсь и все так же хочу сделать тебе приятное, по-

этому каждый раз только корю себя, и все остается по-прежнему.

Но ты поверь, что мой муж пришел бы в ярость, если бы узнал, что мы с тобой общаемся. Он относится ко мне трепетно, но может быть и опрометчивым в поступках.

Я не обещаю нового посещения или даже письма, но ты должен знать, что всегда живешь в моих мыслях. И я буду здесь, в Вераржане, пока ты находишься по другую сторону. Вот посмотришь. Как ты правильно сказал, твоя девчушка уже полностью выросла.

Клотильда-ма-Флёр».

Остальные письма были выдержаны примерно в том же духе. В одно из них была вложена фотография супружеской четы с маленькой девочкой. Женщина на фотографии была очень похожа на мадам Розенкранц, и Пеллетер догадался, что это мать Клотильды-ма-Флёр.

Просмотрев письма, он сложил их и убрал обратно в коробку. Потом заглянул под койку, за унитаз, прощупал стены.

– Да, все как вы и сказали, – сказал он, выйдя из камеры. Фурнье оторвался от своей папки.

– Ну разумеется.

Летро вопросительно смотрел на Пеллетера, но тот, напустив на себя вид человека, напрасно тратящего время, дал понять, что здесь ему больше делать нечего.

Фурнье повел их обратно, но они не прошли и двух шагов, как голос из соседней камеры окликнул:

– Здравствуйте, Пеллетер! – В дверное окошечко виднелось улыбающееся лицо. – Как поживает мадам Пеллетер?

Это был сосед Меранже – Мауссье.

В машине, перед тем как включить зажигание, Летро спросил у Пеллетера:

– Ты можешь мне объяснить, что происходит?

Пеллетер задумчиво смотрел на высившиеся перед ними стены тюрьмы. Даже они выглядели теперь как-то веселее с появлением на небе солнца, уничтожавшего последние следы дождя.

– У Меранже были резанные раны или колотые? – уточнил Пеллетер.

– Колотые. Множественные колотые раны.

Летро ждал, но инспектор по-прежнему хранил загадочное молчание.

– Пеллетер, может, все-таки поговоришь со мной? Я ценю твоё желание помочь, но это все-таки мое расследование.

– Заводи машину. Поедем в город. Пора поесть.

Летро со вздохом завел мотор. Асфальт на дороге подсох и посветлел, но в полях еще сверкали на солнце дождевые лужицы.

Пеллетер достал из кармана дешевенький блокнот в клеенчатом переплете и принялся его листать.

– Вот что нам известно... «Во вторник четвертого апреля, в восемь с небольшим вечера месье Бенуа нашел в сточной канаве возле своего дома мертвое тело. Сначала решили, что это захлебнувшийся в луже пьяница, но позже на теле были обнаружены множественные колотые раны, а также установлен тот факт, что убитого переодели, чтобы скрыть эти раны».

– Или чтобы скрыть, что он был арестантом. Для чего и сняли с него тюремную робу, – вставил Летро.

Пеллетер продолжал:

– «В среду утром некто Мауссье, отбывающий срок за убийство, заявил, что в Мальниво систематически убивают арестантов и что из-за этого он не может чувствовать себя в безопасности».

– Подожди секундочку...

– «Убитым оказался некто Марсель Меранже, арестант тюрьмы Мальниво.

– Да подожди ты секундочку! Это тебе Мауссье сказал? Тогда не думаешь ли ты, что убийство этого Меранже как-то связано с чем-то более серьезным?

– Я ничего пока не думаю. Просто перечисляю все, что нам известно. «В среду вечером дочь Меранже мадам Розенкранц сказала, что ничего не знает об убийстве ее отца. Сначала она заявила, что вообще не знает с отцом, но потом призналась, что навещает его в тюрьме время от времени. В камере Меранже были найдены ее письма к нему. В чет-

верг утром в тюрьме был ранен ножом еще один арестант... Все опрошенные расходятся в показаниях относительно числа заключенных, раненых и убитых за последний месяц». — Пеллетер закрыл блокнот и убрал его в карман. — Вот все, что мы имеем. То есть ничего. — Он произнес это с горечью человека, не справившегося с элементарной задачей.

— Кто-то вытащил Меранже из тюрьмы живым или уже мертвым. Если бы нам удалось установить, кто это сделал, то мы смогли бы узнать больше.

На это Пеллетер ничего не ответил, а только достал из кармана сигару и стал курить ее в неуютной тишине, без всякого удовольствия. Потом вдруг сказал:

— А что ты думаешь о Фурнье?

Летро поерзал на своем сиденье.

— Ты знаешь, что я думаю о Фурнье. Я бы ему шею свернул. Хотя до сегодняшнего дня я не знал о нем ровным счетом ничего. Здесь он всего четыре месяца. Перевелся сюда из другой тюрьмы, и говорят, прекрасно справляется со своими обязанностями... Но не знаю. Тюрьма это же такой замкнутый обособленный организм.

— А ты же говорил, что все, кто там работает, живут в городе, — напомнил Пеллетер.

— Да, но эта дорога между тюрьмой и городом как будто стеной молчания окружена. Иной раз только прорвется через нее словечко-другое... — Он пожал плечами. — Если еще начальник тюрьмы хоть был бы на месте. А то этот Фурнье,

сдается мне, чинит нам препоны на каждом шагу.

– А начальник тюрьмы? Про него что думаешь?

– Ну, это такой властный мужлан. Вышел из самых низов, поэтому управление, возможно, не самая сильная его сторона. Но он здесь осел надолго и как-то справляется.

Пеллетер задумчиво кивнул.

– Так ты что же, думаешь, тюремный персонал как-то замешан во всем этом? Эти неоднократные случаи поножовщины. Да это вообще было бы не наше дело, если бы труп не обнаружили в городе.

– Я вообще ничего не думаю, пока просто пытаюсь понять. А что ты можешь сказать мне об этом американском писателе? Как считаешь, мог он убить своего тестя?

– Розенкранц? Ну что... Держится он все больше особняком. Поэтому, насколько я понимаю, и перебрался к нам сюда. До этого много лет жил в городе на такой, знаешь ли, американский манер – пьянствовал в барах до рассвета, фотографировался. Каждый год-два выпускает по книжке, в Америке они, похоже, хорошо продаются. С виду он может показаться эдаким шумным-горластым, но я всегда считал, это из-за того, что он американец. С Клотильдой он стал заметно тише. Она для него все, он в ней души не чает.

– Достаточный повод для убийства.

– Да ну, не думаю.

– Почему?

– Ну он, знаешь, из тех, кто только лает, да не кусает.

– Тогда мы пока опять остаемся ни с чем.

– Ну да. Знаем только, что у нас есть труп. И на этом все, – сказал Летро.

– Вот именно, и на этом все, – с досадой повторил за ним Пеллетер.

Набухшие от дождя грязные поля придавали окрестностям ненарядный, неряшливый вид.

Летро посмотрел на Пеллетера, но тот опять погрузился в собственные мысли. Задумчивая усмешка застыла на его лице.

На солнышке городок заметно повеселел. На улицах стало оживленно, люди спешили от магазина к магазину, сидели в центре площади, облепив подножие мемориального памятника жертвам войны. В кафе, куда Пеллетер пришел пообедать, не было ни одного свободного столика, поэтому ему пришлось удовольствоваться высоким табуретом перед стойкой бара.

Летро вернулся в полицейский участок, где его ждали рутинные дела.

Пеллетер ел, сидя спиной к залу. Время от времени среди гула голосов он улавливал имя Бенуа и понимал, что город обсуждает произошедшее убийство, но общий тон оставлял ощущение скорее праздных сплетен, нежели подлинной обеспокоенности преступлением.

Рядом с ним какой-то человек отставил в сторону свою

тарелку и встал, его место тотчас же занял другой.

– Инспектор Пеллетер? – сказал этот новый сосед. Он сидел боком к стойке и держал в руках блокнот и карандаш. – Позвольте представиться: Филипп Сервьер, репортер «Вераржан веритэ». Могу я задать вам несколько вопросов относительно убийства Меранже?

– Нет, – отрезал Пеллетер, даже не глянув в его сторону.

– А как насчет вашего приезда в наш город? Ведь вы прибыли сюда еще до обнаружения тела. Вы здесь расследуете еще какое-то другое дело?

Пеллетер отпил из своего стакана и отодвинул тарелку в сторону.

– Мне известно, что вы с начальником полиции Летро уже дважды наведывались в тюрьму и что начальник тюрьмы в настоящий момент отсутствует в городе. Выходит, тут есть какая-то более значительная проблема, нежели наш маленький Вераржан? Ведь Мальниво – это тюрьма общегосударственного масштаба. Люди имеют право знать.

Пеллетер встал, повернулся наконец к репортеру и опешил. Он узнал человека, пристававшего к нему вчера в коридоре гостиницы.

– Вы?..

Репортер вздрогнул, как если бы инспектор собрался ударить его.

– Но я же должен был попробовать, – сказал он.

– Попробовать что? – рявкнул Пеллетер.

– Выудить из вас какую-нибудь информацию. Если бы вы проявили желание, пусть даже из гнева, поговорить о старом деле, то, вполне возможно, были бы склонны поговорить также и о новом.

Этот репортеришка из крохотного городка был скорее не профессионалом, а любителем, и, видимо, поэтому и Пеллетера принял за любителя.

– Я понимаю, что вы выполняете свою работу, но все-таки лучше будет, если вы дадите мне выполнять мою.

Пеллетер подозвал к стойке хозяина и расплатился.

Репортер тоже поднялся.

– Но я в любом случае напишу материал для вечернего спецвыпуска. А вы имеете возможность внести свой вклад.

Пеллетер смерил его последним убийственным взглядом и вышел на улицу.

Он направился через площадь. Повсюду деловито сновали люди. Правильно подметил Летро: городок, похоже, и не подозревал, что в двадцати милях отсюда в маленьком тюремном сообществе сегодня утром чуть не зарезали человека. Газетчик ни словом не обмолвился об этом покушении.

Пеллетер завернул за угол и направился к зданию мэрии, где располагался полицейский участок. Вдруг из-за полицейской машины, припаркованной на обочине, выскочила какая-то фигура и бросилась к Пеллетеру.

Пеллетер повернулся, готовый отразить удар. Хорошо, что не успел выхватить оружие, потому что разглядел и узнал

человека.

– Черт возьми, я же предупреждал вас! – заорал месье Розенкранц, приперев Пеллетера к стене. Лицо его было багровым, и он угрожающе нависал над Пеллетером, выпятив грудь.

Пеллетер невозмутимо наблюдал за американцем, пытаюсь оценить степень его взбешенности. Ему вспомнились слова Летро: лает, да не кусает.

– Я же сказал вам держаться от нее подальше! Сказал, что она ничего не знает!

– Она сама ко мне пришла, – заметил Пеллетер.

– Я говорил вам! – Розенкранц навис совсем близко, а потом вдруг отступил, завертелся на месте и принялся сотрясать кулаками воздух. – Черт! – крикнул он по-английски, потом повернулся к Пеллетеру и сказал уже по-французски: – Вчера вечером Клотильда не вернулась домой. Она пропала.

Глава 5

Пять деревянных ящиков

Пеллетер наблюдал за американцем, беспокойно вышагивавшим перед ним по тротуару. Пеллетер был все время наготове, но постепенно понял, что эта ярость, как и вчера на пороге дома Розенкранца, всего лишь безвредный шумовой эффект. Розенкранц не был опасен.

– Давайте-ка пройдем в участок, – сказал Пеллетер. Розенкранц покачал головой.

– Нет, я искал именно вас. В участке мне не дадут написать заявление, потому что слишком рано еще.

– А она раньше когда-нибудь уходила из дома? Розенкранц снова набычился.

– Нет, не уходила! – Но он тут же смягчился. – Она вчера отправилась за покупками, когда вернулась, я сообщил ей, что приходили вы... Она захотела пойти встретиться с вами, настаивала. Она была в панике, была убеждена, что ее отец мертв.

Пеллетер кивнул.

– Сейчас-то я знаю, что он мертв, но тогда... Вы понимаете, я ненавидел его за все, что он сделал Клотильде, когда она была девочкой, за то, что он сделал ее матери. Он заслуживал смерти, так ему и надо! Я надеюсь, его смерть была мучительной... Но вчера вечером я уговаривал Клотильду

не вмешиваться... остаться дома, никуда не ходить, потому что это только расстроило бы ее... Да еще дождь такой сильный шел... Но она все равно пошла.

– Я виделся с ней.

– Да? Она была расстроена?

– Я бы так не сказал.

Розенкранц покачал головой.

– Да, Клотильда такая. По ней никогда ничего не скажешь.

– А не могла она остаться ночевать у каких-нибудь друзей или в отеле?

– Нет, я проверял. Никто ее не видел.

Они смотрели друг на друга, не высказывая вслух мысли, посетившие обоих, хотя про себя каждый из них подумал, что Клотильда могла просто сесть в поезд и сейчас быть уже где-нибудь далеко-далеко.

– А как вы считаете, она ненавидела отца? – спросил Пеллетер.

– Если вы намекаете на то, что Клотильда могла убить его, то забудьте об этом. Она не способна убить даже муху.

– А например, из злости или из страха перед какой-то опасностью?..

– Нет, – сказал Розенкранц, качая головой и хмурясь. – Вы же видели ее. Она такая маленькая, такая нежная, такая тихая. По ней, как я уже сказал, никогда даже нельзя определить, что она чувствует, потому что она все держит в себе... – Глаза американца наполнились теплой нежностью. –

Да она же еще почти дитя. И никогда раньше не уходила из дома...

Пеллетер кивнул.

– Я поставлю вас в известность, если что-нибудь узнаю.

Глаза Розенкранца опять сверкнули, кулаки сжались, гнев вернулся к нему.

– Послушайте, вы!.. – Но, сделав глубокий вдох, он тут же подавил в себе эту новую вспышку ярости и сказал: – Спасибо.

Пеллетер повернулся, намереваясь зайти в здание полицейского участка, но Розенкранц схватил его за руку. Пеллетер сердито обернулся, но на этот раз писатель-американец выглядел просто печальным и испуганным. Он отпустил рукав Пеллетера, и тот скрылся за дверью полицейского участка.

В приемной сидела какая-то деревенская женщина, взгляд у нее был молящий и беспомощный, какой обычно бывает у всех просителей.

Пеллетер прошел за стойку дежурного в кабинет Летро.

– Здесь только что был Розенкранц, – сообщил Летро, проведя рукой по волосам, отчего те только еще больше взъерошились.

– Да, я встретил его у подъезда.

– Теперь девушка пропала.

Пеллетер сел.

– Не нравится мне все это. Слишком уж быстро развора-

чиваются события. А до этого сюда заявился репортер. Из наших, местных. «Веритэ» вообще-то выходит раз в неделю, но сейчас они собираются выпустить специальный номер, посвященный этому делу. Ребята мои, конечно, научены не давать никаких комментариев, но кто знает... Ты как считаешь, надо нам беспокоиться по этому поводу?

– Газеты – это все ерунда.

– Нет, по поводу пропавшей девушки.

– Ну ты, конечно, можешь беспокоиться, но что это изменит?

– Да, думаю, от этого ничего не изменится.

– А где твой дежурный офицер?

– Мартен? Я послал его в Мальниво. Твои вопросы насчет того, насколько много мы знаем, все не давали мне покоя. Нам нужно держать там своего человека, раз уж вся эта история началась именно там... Я велел ему потребовать папки с делами и все хорошенько изучить, попытаться откопать хоть что-нибудь.

Пеллетер одобрительно кивнул, озабоченное выражение почти сошло с его лица.

– Отлично. Это просто отлично.

– А вот это он оставил для тебя, – Летро протянул ему листок бумаги. – Только, правду сказать, от этой бумажки, к сожалению, не много толку.

На бумажке были записаны все известные сообщники Меранже. Мартен также тщательно отметил нынешнее место-

нахождение всех людей из списка. Внизу даже дал ключ к расшифровке – крестик означал, что человека уже нет в живых, кружок – что человек находится за решеткой, а напротив остальных фамилий карандашом были приписаны адреса. Ни одного адреса близ Вераржана. Ни одного арестанта из Мальниво.

– Хорошо, – сказал Пеллетер, изучая список. – Отличная работа.

– Да, но мы по-прежнему остаемся все на том же месте. То есть не знаем ничего.

– Может быть.

– Что?

– Что не знаем ничего.

В открытую дверь постучали, на пороге стоял один из младших офицеров.

– Чего тебе? – раздраженно спросил Летро.

– Шеф, Марион все еще ждет вас...

– Да, да, я знаю, что Марион ждет меня. Она разве не знает, что я здесь вообще-то делом занят? – Вставая, он стукнулся бедром об угол стола. – Вот черт!..

С кислой миной на лице он наклонился и стал растирать рукой ушибленное место.

Пеллетер сочувственно наблюдал за другом. Это убийство совсем выбило Летро из колеи.

– И... – начал было офицер.

– Ну что там еще?

Молодой человек испуганно понизил голос:

– Нам только что позвонил один фермер из пригорода.

Он, кажется, нашел у себя на поле какой-то ящик.

– И что? – раздраженно отозвался Летро, распрямившись и сделав глубокий вдох.

– Ну... Он говорит, что ящик этот вроде бы похож на гроб.

Просит, чтобы мы приехали и посмотрели.

Сокрушенно качая головой, Летро повернулся к Пеллетеру.

– Нет, ну ты смотри, дела обстоят все хуже и хуже! – Он снова повернулся к молодому офицеру: – Ну так и поезжай туда!

– Есть, шеф! – отчеканил тот.

– Мне еще надо узнать, чего хочет Марион. Она ждет уже целое утро, – сказал Летро.

– А ну подожди-ка, – сказал Пеллетер вдогонку офицеру, уже повернувшемуся, чтобы уйти. – Где нашли этот ящик?

– В десяти милях от города по восточному шоссе.

Пеллетер и Летро переглянулись.

– И примерно в десяти милях от тюрьмы, – заключил Пеллетер и снова обратился к офицеру: – Я поеду с вами.

Когда Пеллетер с полицейскими прибыли на ферму, фермер с сыном уже откопали так называемый гроб.

Раскопанное место было всего шагах в десяти от дороги, ровно на полпути между городом и тюрьмой. Полицейские

припарковались на обочине рядом с ржавым грузовиком и каким-то другим автомобилем.

Группа из четырех мужчин и паренька столпилась вокруг раскопанной могилы, поджидая приближающихся полицейских. Из-за высокой кучи выкопанной земли казалось, что около могилы ждут не пятеро, а шестеро. Солнце уже выжгло всю утреннюю прохладу, и на открытом поле было жарко.

Когда полицейские подошли к яме, один из них сразу сказал:

– Да это и впрямь гроб.

Продолговатый ящик был неумело сколочен из неоструганной сосновой доски.

– Это место сначала просто размыло дождем, – сообщил фермер, усатый мужчина лет сорока. – Сын пахал землю, заметил виднеющиеся из-под земли доски и сразу прибежал ко мне.

– То есть вы об этом ящике ничего не знаете? – уточнил Пеллетер.

– У меня около дома есть своя делянка... А здесь очень хорошая земля. Зачем же мне хоронить тело там, где я собрался сеять?

– Да еще так неглубоко, – вмешался в разговор один из деревенских.

Пеллетер внимательно посмотрел на него.

– Я сосед. Просто проезжал мимо на своем грузовике. Могу помочь отвезти гроб в город, если понадобится.

Пеллетер ему не ответил, а двум офицерам сказал:

– Откройте ящик.

Те растерянно смотрели на него.

– Открывайте ящик! – повторил Пеллетер. – Мы должны увидеть, есть ли там тело и во что оно одето.

– Вот что оно одето? – удивился кто-то.

Офицеры приблизились к краю ямы, но фермер и его сосед их опередили и, схватившись за лопаты, поддели с двух сторон крышку ящика.

Пеллетер тем временем прохаживался вдоль ямы, обследуя землю.

Скрипнули доски, кто-то сказал: «Осторожнее!», потом раздался треск.

По шоссе в сторону города проехала машина. Поравнявшись с автомобилями у обочины, она замедлила ход и потом снова набрала скорость.

– О боже!.. – раздался чей-то возглас.

Пеллетер обернулся, и люди расступились, чтобы пропустить его к краю ямы.

В гробу действительно лежало мертвое тело. Оно лежало там, должно быть, уже несколько недель, потому что лицо распухло и исказилось, превратившись в страшную призрачную маску, а само тело осело и скукожилось. На животе у мертвеца запеклось огромное кровавое пятно, но самое главное, что на убитом была серая тюремная роба, какие носили арестанты Мальниво.

Сладковато-удушливый запах тлена заставил всех зажать себе ладонью рот.

Пеллетер присел на корточки и потянул за робу, чтобы посмотреть номер на груди. Достал свой клеенчатый блокнот, записал в него номер, потом встал и, махнув рукой в сторону тела, распорядился:

– Закройте ящик и уносите. Вот этот господин отвезет его в город. – Он кивком указал на владельца грузовика, предложившего свои услуги.

Полицейские, устыдившись своей медлительности при открывании гроба, бросились исправлять оплошность. Забрав крышку гроба из рук у фермера, сказали ему:

– Предоставьте это сделать полиции.

Пеллетер снова принялся, осторожно ступая, обследовать землю вокруг ямы, потом подозвал парнишку.

– Скажи, а что ты увидел, когда нашел ящик?

– Там доски белели. Просто краешек.

– Тогда давай-ка помоги мне осматривать. Может, что-нибудь найдешь. Я здесь, а ты с той стороны ямы.

Парнишка бежал яму и тоже принялся изучать землю. Фермер и его соседи, по примеру Пеллетера и парнишки, занялись поисками.

Полицейские тем временем вытаскивали из ямы гроб.

Вдруг раздался крик:

– Сюда! Сюда!

Все обернулись на голос кричавшего, судя по всему, вла-

дельца легковушки на обочине. Он находился в нескольких шагах западнее ямы, на полпути к дороге и, глядя на Пеллетера, отчаянно махал ему. Потом опустился на колени.

Бросив поиски, все прибежали к нему, и он указал на свою находку – какой-то подозрительно утрамбованный пласт земли. Стоя на коленях, он принялся раскапывать руками землю, и вскоре из-под нее показался краешек еще одного гроба.

Пеллетеру даже не пришлось ничего говорить, все сразу взялись за дело. Принесли две лопаты, и фермер с мужчиной, сделавшим эту находку, стали копать. Тем временем хозяин грузовика помог полицейским поместить в кузов гроб, а Пеллетер с парнишкой и четвертым человеком продолжали обследовать землю вокруг.

Работали молча, дружно. Пеллетер тоже было взялся за лопату, но быстро выдохся, и его снова сменили другие. Он уже выкурил целую сигару и забрел достаточно далеко в поле, так как решил не пропустить ни одного зарытого гроба, если таковые существовали. Еще один был обнаружен почти в двадцати шагах от первого.

По дороге в обоих направлениях проезжали грузовики и легковушки, но никто не останавливался.

Когда был найден пятый ящик, хозяин грузовика сказал: – Надеюсь, это последний. А то в мой грузовик больше не поместится.

Пеллетер велел полицейским закапывать уже освобожден-

денные от ящиков ямы, а сам с парнишкой продолжал наугад тыкать лопатами землю, проверяя, не наткнутся ли они снова на деревяшку.

Солнце теперь уже клонилось к горизонту, и в полях повеяло прохладой. Двое помощников, приехавших на машине, попрощались и уехали. Полицейские погрузили в кузов последний гроб.

У Пеллетера в блокноте теперь имелось уже пять арестантских номеров, но в одном из них даже не было надобности. Гламье Пеллетер и так узнал сразу. Как и говорил Маусье, у него было перерезано горло.

– Ну все, хватит! – крикнул Пеллетер.

Парнишка, копавший поодаль, застыл на месте с лопатой, остальные тоже обернулись.

– Закапывайте быстренько, и уезжаем! Нет смысла работать в темноте.

К Пеллетеру подошел обеспокоенный фермер.

– А что если там в земле еще есть гробы, и мы наткнемся на них плугом? Я бы не хотел осквернить захоронение.

– Вам и не придется.

– Ну а вдруг мы обнаружим еще один?..

– Тогда сообщите в полицию, как в прошлый раз. Но я думаю, мы их все уже выкопали. В любом случае, скоро все выяснится.

– Это как же?

– Потому что мы опросим тех, кто должен это знать.

И Пеллетер пошел прочь, не дожидаясь новых вопросов.

Грузовик с гробами был уже в пути. Ямы были почти все уже закопаны, чтобы завтра утром сын фермера смог продолжить пахоту.

– Дадите нам знать, если что, – сказал Пеллетер, садясь в полицейскую машину.

Полицейский за рулем завел двигатель и включил фары, осветившие дорогу впереди.

Городскую площадь Вераржана было почти невозможно узнать. Она напоминала опустевшую сцену, с которой разошлись актеры. У подножия мемориала собрались какие-то серьезные угрюмые люди, вышедшие на проезжую часть и перекрывшие дорожное движение. В свете керосиновых ламп и факелов эта толпа, отбрасывавшая мечущиеся тени, напоминала один огромный безымянный организм. Такое впечатление, что здесь собрался весь Вераржан. А если и не весь, то достаточно большая толпа, способная поднять и разнести панику.

Офицер за рулем вел машину черепашьям шагом сквозь эту людскую гущу, то и дело давя на клаксон. Но собравшимся на площади людям не было никакого дела до полицейской машины.

Впереди так же медленно двигался грузовик с гробами, хотя он выехал с поля гораздо раньше машины Пеллетера.

– Что это такое? – спросил молодой жандарм, сидевший

за рулем.

Пеллетер заметил в толпе у подножия памятника Летро с Мартеном и молоденьким усатым офицером. Ежась от вечернего апрельского холода, Летро стоял, засунув руки в карманы.

Машина дернулась вперед и снова застряла.

– Ну-ка выпусти меня, – сказал Пеллетер и открыл дверцу. В машину сразу ворвался холодный воздух.

Треск факелов заглушал людской гомон. Некоторые люди держали в руках электрические фонарики. Пеллетер стал пробираться сквозь толпу к Летро.

– Вот ведь вовремя вы подгадали с приездом в Вераржан, – раздался голос где-то рядом с Пеллетером.

Это был Сервьер. Лицо его сияло радостным возбуждением.

– Если дела так пойдут, то нам придется сделать номера «Веритэ» ежедневными.

– Ну вам это как раз подошло бы.

Они уже почти добрались до Летро, но Летро и его люди были теперь разделены толпой.

Пеллетер не стал спрашивать у репортера, что происходит, – скоро ему и так предстояло узнать это.

– Вы сегодняшний вечерний выпуск видели? – спросил Сервьер и помахал перед носом у Пеллетера газетным номером. Огромный заголовок на первой странице гласил:

«БЕГЛЫЙ АРЕСТАНТ УБИТ НА УЛИЦЕ»

Пеллетер не хотел брать газету, но Сервьер буквально всучил ее ему.

– Вот, пожалуйста... Пожалуйста, возьмите!

Пеллетер сложил газету и сунул ее в карман пальто.

Они пробирались сквозь толпу к Летро, но тот теперь стоял на нижней ступеньке постамента и, перекрикивая всеобщий гул, взывал к собравшимся:

– Господа!.. Господа!..

Толпа немного притихла, но все равно роптала, недовольно ожидая, что ее сейчас начнут призывать к порядку.

– Господа!..

Волнующееся людское море отхлынуло назад к краю площади. Множество глаз было устремлено на начальника полиции.

– Господа, я хочу поблагодарить всех вас за то, что вы вышли из своих домов и пришли сюда!

Толпа отозвалась новой волной ропота, и Летро поднял вверх руку, призывая к тишине и вниманию.

– Я точно знаю, что мы все хотели бы одного, если бы это оказались наши дети.

«Дети? – подумал Пеллетер. – Значит, это не связано с Меранже?»

– Как вы все слышали, двое маленьких сыновей Марион Перро, Жорж и Альбер, пропали. Последний раз их видели во вторник днем в кондитерской лавке месье Марка, и они собирались идти домой на ферму Перро, чтобы поспеть к

ужину.

Летро говорил спокойно, уверенно и властно – совсем иначе, нежели недавно в своем кабинете. Его ближайшей задачей теперь была организация поисков, а расследование убийства отходило на второй план.

– Вам надлежит разбиться на группы по три человека и начинать поиски прямо с этого места, расходясь в разные стороны. Если кто-то из вас найдет пропавших мальчиков, то пусть приведет их сюда немедленно. Если дети ранены и не могут идти, то пусть двое останутся с ними, а третий бежит за подмогой. Каждый из вас должен обязательно вернуться сюда к рассвету и доложить о результатах своих поисков, независимо от того, успешными они окажутся или нет. Какие-то вопросы есть?

В образовавшейся на миг тишине снова зародился гул.

– Хорошо, тогда давайте приступим к поискам.

Толпа с нестройным гулом потекла в разные стороны.

Пеллетер наконец смог подойти к Летро – тот, опираясь на плечо одного из полицейских, сошел с пьедестала. Сервьер, не отстававший от Пеллетера, болтался рядом, но Пеллетер не обращал на него внимания.

Пеллетер первым делом сообщил Летро:

– В нашем деле появились осложнения.

Пеллетер не хотел углубляться в подробности о пяти мертвых телах в присутствии Сервьера, хотя тот наверняка не упустил из виду груженный доверху грузовик, продирав-

шийся через толпу по направлению к местной больнице.

– Я сейчас не могу этим заниматься, – сказал Летро. – Меранже все равно мертв, а мальчики, возможно, еще живы. Ты или присоединяйся к поискам, или давай встретимся завтра утром.

Пеллетер понимающе кивнул. Летро был прав – поиски мальчиков были сейчас важнее.

– Я присоединюсь к поискам.

Летро кивнул и тут же отвернулся к своим офицерам.

Площадь опустела, приобретя свой обычный спокойнo-сонный вид. Только доносившиеся время от времени за квартал, за два громкие голоса свидетельствовали о том, что город не спит.

– Я пойду с вами, – вызвался Сервьер.

Пеллетер посмотрел на него и вдруг, неожиданно для себя, сказал:

– Отлично.

– А кто у нас будет третьим?

Пеллетер огляделся по сторонам.

– Вот вы! – позвал он офицера Мартена.

Мартен тоже огляделся по сторонам, не уверенный, что позвали именно его, потом подскочил к Пеллетеру.

– Инспектор?

– Вы уже получили задание?

– Нет, господин инспектор.

– Тогда пойдете с нами. Покажете дорогу к дому Бенуа. Я

хочу увидеть место, где вы нашли тело Меранже.

Глава 6

Гензель и Гретель

Они направились к дому Бенуа. Мартен шел на полшага впереди, показывая дорогу, Пеллетер и Сервьер следовали за ним. Пеллетер шел, опустив голову, с неприкуренной половинкой сигары в зубах, погруженный в раздумья. Сервьер молча наблюдал за ним.

Сырость и промозглый ветер пробирались под одежду.

Крики «Жорж! Альбер!...» время от времени гулким эхом разносились по улицам.

– Может, нам тоже здесь поискать? – сказал Сервьер.

Им уже встретились две поисковые группы, прочесывающие переулки в сторону центра.

– Если мальчиков и найдут, то не в двух кварталах от главной городской площади, – ответил Пеллетер.

Сервьер промолчал.

Они теперь шли по типичному «спальному» району, по тихой улочке на городской окраине, где двухэтажные дома стояли совсем тесно друг к другу. Здесь даже не было уличных фонарей, а малочисленные горящие окна почти не освещали дороги.

Мартен вдруг остановился, разглядывая под ногами землю, потом посмотрел на ближайший дом.

– Вот оно, это место, – сказал он.

Место полностью совпадало с описаниями, которые получил Пеллетер, и с деталями, которые он домыслил уже сам, — с такими, например, как поломанные цветочные шпалеры перед дверью. Если здесь и оставались какие-то следы, то их давно уже смыло дождем. Только на мощеной дорожке к дому оставалась еще грязь, принесенная сюда дождевым потоком с улицы.

— Давайте разойдемся в разные стороны, поищем вокруг, — предложил Пеллетер.

Мартен направился на противоположную сторону улицы.

— А что мы ищем? — спросил Сервьер.

— Детей.

То, что сказал Пеллетер, касалось даже этого «спального» района. Здесь не было таких мест, где можно было бы спрятать детей надолго. Между домами только узкие проулки, а за ними уже дома, принадлежащие другой улице.

Пеллетер особенно внимательно осматривал все спуски в подвалы с уличной стороны, но почти на всех дверцах висели замки.

Сервьер с Мартенем начали выкрикивать имена мальчиков:

— Жорж!.. Альбер!..

В ту волнительную ночь в Вераржане вряд ли кто мог уснуть.

Пеллетер уже отдалился от пекарни на три дома. В одном из проулков он нашел незапертый подвал и, задрав голову,

оглядел сам дом. Ни одно из окон в доме не светилось. Он постучался в дверь на заднем крыльце, подождал и, когда к нему никто не вышел, открыл крышку подвального люка и положил ее на землю.

– Эй!.. – позвал он.

В подвале была крошечная темнота, сильно несло сыростью и плесенью. И никаких детских голосов.

Он спустился вниз на несколько шагов и, наклонившись, просунул голову в тесное помещение, ступив ногами на мягкий земляной пол.

Когда глаза привыкли к темноте, он понял, почему подвал не был заперт. Даже в этом крошечном мраке было видно, что подвал абсолютно пуст. Чтобы получше в этом удостовериться, он чиркнул спичкой и даже прикурил свою сигару. Ничего. Ни ящика с углем, ни винной стойки.

Он потушил спичку и постоял немного в темноте, с удовольствием вдыхая сигарный дым. Наверное такой же подвал, как у Бенуа, только здесь совсем нечего обследовать. Пропавших детей здесь явно нет, зато ему нужно срочно вызывать судебного медика для осмотра найденных тел. Ему нужно обязательно побеседовать с арестантом, которого чуть не зарезали сегодня утром. Ему нужно выяснить, как Меранже оказался за стенами Мальниво. Но ведь если он сейчас пойдет в отель, чтобы выспаться для завтрашнего дня, то Сервьер радостно напечатает завтра в «Веритэ», что инспектор Пеллетер не проявил интереса к спасению про-

павших мальчиков.

Он отгонял от себя инстинктивное желание связать исчезновение детей с этими мертвыми телами, найденными в поле.

Исчезнувших людей набиралось что-то подозрительно много – и начальник тюрьмы куда-то делся, и мадам Розенкранц... Интересно, кто следующий?

С такими мыслями Пеллетер вернулся к сточной канаве, где нашли Меранже. Пока не было Сервьера, он присел на корточки с намерением попробовать, пусть даже при таком скудном освещении, найти что-нибудь, возможно, ускользнувшее от глаз сыщиков при прошлом осмотре. Он так и передвигался, не вставая, но под ногами была только земля и камешки.

Потом вернулся Мартен.

– Детей нигде нет, шеф.

Пеллетер ему не ответил.

– Что-нибудь нашли?

Пеллетер поднялся и потянулся, растягивая спину.

– Я не больно-то ожидаю найти тут что-нибудь, но все же надеюсь.

– Тогда дождь шел сильный, – напомнил Мартен. – Он прямо в луже лежал вот здесь. – Молодой офицер указал на место. Он явно хотел убедиться, что не пропустил в прошлый раз ничего важного, что не допустил какой-нибудь непростительной ошибки.

– Да ты не переживай. Здесь нет ничего, – успокоил его Пеллетер.

Вскоре показался Сервьер, еще издали он крикнул на бегу:

– Ну? Что мы теперь делаем?

– Продолжаем двигаться дальше.

С этими словами Пеллетер, не мешкая и не давая Сервьеру осмотреться, повел их дальше, все больше удаляясь от центра города.

Собственно говоря, Бенуа жил почти на самой окраине. Уже через несколько домов от пекарни мощеная дорога сменилась проселочной, и по обочинам потянулись поля. Звезды на небе освещали им путь.

– А чем мы все-таки занимаемся? Ищем детей Перро, или вы просто продолжаете расследовать то убийство? – спросил Сервьер.

Проигнорировав его вопрос, Пеллетер сказал Мартену:

– Держись вдоль этой стороны дороги. Обследуй землю под ногами и вокруг, но от дороги не отклоняйся.

– Нет, просто мне показалось, что вас очень заинтересовал тот пяточок земли, хотя никаких детей там явно не было.

Пеллетер повернулся к Сервьеру.

– А вы держитесь вдоль этой обочины.

Сервьер переключил свое внимание на выполнение команды, но уже через секунду снова спросил громко:

– Нет, а что мы все-таки делаем?

– Ищем.

Поля по обе стороны дороги заросли сухим бурьяном, местами достигавшим человеческого роста. Вдалеке порой виднелись островки деревьев. Их тоже предстояло прочесать потом, если мальчики не найдутся к утру. Дети запросто могли спрятаться в таком вот лесочке, если их занесло так далеко от города.

– Жорж!.. Альбер!.. – выкрикивал периодически Мартен, и его голос каждый раз растворялся в ночном безмолвии.

– Ох уж достанется этим мальчишкам, когда их найдут, – сказал Сервьер.

– Если только... – начал было Пеллетер.

– Если только что? – нетерпеливо перебил Сервьер, в темноте сверля инспектора взглядом.

Пеллетер промолчал. Кончик его сигары вспыхнул оранжевым огоньком и потух.

– Ой, ну да, – спохватился Сервьер. – Жорж и Альбер пропали во вторник вечером...

Сервьер достал свой блокнот и поднес его ближе к глазам.

– В тот же вечер, когда был найден Меранже, – вступил в разговор Мартен, явно оживившись.

– Ага, значит, мы все-таки искали детей, – сказал Сервьер, что-то записывая в блокнот. – Потому что, если они ви дели что-то, например, как некто избавлялся от тела Меранже...

– Вы смотрите на дорогу, не отвлекайтесь, – напомнил ему Пеллетер.

Сервьер хотел что-то записать, потом передумал. В сущности, он был и не такой уж противный малый – просто, похоже, очень любил свою работу.

Неловкая пауза перешла в деловитое молчание. Где-то далеко-далеко позади тоже слышались крики: «Альбер!» Луна взошла уже высоко, значит, было около полуночи.

– В ту ночь был жуткий ливень, – произнес Мартен, словно бы разговаривая сам с собою. Потом громко позвал: – Жорж! Альбер! Жорж!.. Альбер!.. Ваша мать волнуется за вас! Откликнитесь, если слышите меня! Это офицер Мартен!..

Никакого ответа не последовало.

Промозглая сырость, казалось, пробиралась под одежду, Пеллетер все больше и больше ежился от холода.

– Вы, наверное, считаете, что занимаетесь сейчас не своим делом, – сказал Сервьер. – В вашем большом городе у вас, должно быть, целая команда подчиненных, которые обычно выполняют такую работу. А еще я где-то читал, что вы одно дело раскрыли исключительно благодаря жене, что она тогда нашла вам подозреваемых.

Пеллетер ничего не ответил.

– Двойное убийство раскрыла ваша жена.

– Принятием решения в ходе расследования всегда занимается начальник полиции, – поспешил вставить Мартен, бросившись на выручку Пеллетеру.

– Да, я вчера подошел к начальнику полиции с вопросом о

принятых решениях, так он на меня знаете как разозлился!

– Ох уж эти репортеры!.. – со вздохом воскликнул Мартен, как будто репортеры докучали ему всю его жизнь.

– А что вы делали в Вераржане еще до того, как Меранже был убит? – вдруг спросил у Пеллетера Сервьер, причем тем же жестким тоном, каким разговаривал с ним недавно в кафе. – Здесь явно что-то происходит, и вы явно знали об этом еще раньше других.

– Ну что вы, это, должно быть, просто совпадение, – сказал Пеллетер.

– Ничего подобного, никакое это не совпадение. Вы ездили в тюрьму к Мауссье. Да, ездили, я точно знаю. И также знаю о двух других ваших визитах к нему и о двух раскрытых преступлениях – ограблении банка и убийстве женщины. Так что, как видите, я не такой уж и провинциал, я много чего знаю.

Мартен с интересом наблюдал за ними – увлекшись разговором, они больше не изучали обочину вдоль дороги.

– Что сказал вам Мауссье?

Пеллетер не любил, когда ему задавали вопросы, особенно когда их задавали репортеры. Это он, в силу своих должностных обязанностей, привык задавать людям вопросы, а никак не наоборот.

– Ну расскажите! Я же все равно это выясню.

Пеллетер резко повернулся к Сервьеру.

– Смотрите на обочину! – И, вскинув голову, громко

крикнул: – Жорж! Альбер!

И зашагал дальше по дороге.

Его спутники снова принялись обследовать мокрую траву вдоль обочин.

– А что... – Мартен хотел задать вопрос, но покачал головой, передумав.

Но Серьвер все еще переживал:

– Напрасно вы так со мной. Я же принес свои извинения за вчерашний вечер.

– А что произошло вчера вечером? – оживился Мартен, уже забыв, что не хотел вмешиваться.

– Да я притворился постояльцем отеля и задал инспектору несколько вопросов о Мауссье. О том, как там все было на самом деле.

Мартен не ответил ему, видимо, смутившись тем, что и сам вчера приставал к Пеллетеру с этими вопросами, но любопытство продолжало мучить его.

– История эта в свое время на шумела здесь, – заметил Серьвер. – Она вообще-то везде на шумела, и мы, как и другие газеты, следили за ее развитием, но когда стало ясно, что Мауссье могут определить к нам в Мальниво... Мы внимательно следили за этой историей, даже когда остальные уже забыли о ней... Местных все это злило. Конечно, все вроде бы понимают, что это тюрьма государственного значения, что в ней содержатся отпетые преступники, но люди просто не могут выбросить это из головы. Такие вещи не забывают-

ся и не оставляют в покое. И это, в общем, правильно.

– Но теперь-то это уже забылось?

– Да, до тех пор, пока вы не появились.

– Да бросьте, с какой стати людям интересоваться, когда и зачем я здесь появился?

– Люди имеют право знать.

– Вы намерены опять разворошить эту историю?

Сервьер не ответил. Он старательно рыскал глазами вдоль обочины в поисках следов пропавших детей.

Пеллетер смягчил тон и попробовал применить другую тактику.

– Стало быть, вам не безразлично, что происходит в тюрьме? Просто мне показалось, что между городом и тюрьмой нет такой уж большой связи.

– Да, наша газета не реагирует на каждый маленький инцидент, происходящий там, если вы об этом. «Веритэ» посвящает половину своих материалов школьным футбольным матчам и благотворительным распродажам выпечки в пользу церкви.

– И проблеме строительства вокзала, – вставил Мартен.

– Вокзала здесь никогда не будет.

– Да, городским властям нравится, когда вы, репортеры, такое говорите.

Пеллетер выдохнул густой клуб дыма, облаком завихрившийся в ночном воздухе.

– Так Фурнье...

– Заместитель начальника тюрьмы? – сказал Сервьер, пытаясь разгадать выражение лица Пеллетера. – А что Фурнье?

Пеллетер театрально пожал плечами.

– Да. А что Фурнье?..

– Фурнье держится обособленно и замкнуто. Он практически живет в тюрьме. Мы изучили его биографию, когда он только приехал сюда, но это был всего лишь кратенький сухой список. Он получил степень здесь. Работал сначала в транспортной конторе, потом в этой тюрьме. Ничего интересного. И он с самого начала не предпринимал никаких попыток познакомиться с кем-то из здешних жителей поближе. Похоже, он прирожденный администратор и не более того.

Пеллетер кивнул, так как его собственное мнение об этом человеке вполне совпадало с описанием, которое он только что получил от Сервьера. В общем-то вполне банальный типаж, даже независимо от того, насколько сильна была в Фурнье эта его административная жилка. Это его управленческая страсть. Ведь даже самая сильная страсть не всегда доводит до крайности. И все же Пеллетеру не нравилось, что заместитель начальника тюрьмы не дал ему допросить раненого арестанта и вообще что всю необходимую Пеллетеру информацию он держал под своим контролем.

– А ты что думаешь? – спросил он, повернувшись к Мартену.

Мартен заметно оживился, даже перестал смотреть на обочину.

– О заместителе начальника тюрьмы? Ну он, похоже, хорошо знает свою работу. Четко видит разницу между тем, что должно быть сделано, и тем, что делается на самом деле.

Да, только не знал почему-то, что пятеро его арестантов оказались мертвы и зарыты где-то в поле. А может, знал, только не считал необходимым упомянуть об этом?

– Он всегда злится, но тем не менее дает мне посмотреть то, что надо, – продолжал Мартен.

Кончик сигары у Пеллетера снова вспыхнул оранжевым огоньком. Сигара уже заметно укоротилась, и ее огонек, освещая напряженное от раздумий лицо Пеллетера, придавал его чертам зловещести.

– Нет, ну пустые это поиски!.. – воскликнул Сервьер, всплеснув руками.

Издалека сзади донесся рев мотора. Мартен с Сервьером обернулись – черную ночь пронзали только светящиеся точки двух одиноких фар да городских огней.

Пеллетер попыхивал окурком сигары. Сделал последнюю затяжку и выбросил окурочок в лужу.

– А что вы скажете о Розенкранце? Его персона тоже понаделала здесь шуму? Он тоже здесь знаменитость, как и Мауссье?

Сервьер повернулся и снова принялся изучать обочину. Звук приближающегося автомобиля нарастал, но пока еще был далеко.

– Нет, людям он не интересен, будь он американец или

писатель. К тому же его книги никто не переводит на французский. Вот жена его – это да, красотка. Даже скандал в свое время был. Ведь он взял ее в жены почти девочкой, ей восемнадцать едва исполнилось. Он ради нее от прежней жены ушел. Но она научилась держаться как взрослая женщина.

– То есть вы не считаете, что он мог бы убить своего тестя?

– Нет, не считаю! А это что-то означает?

– Да нет, ничего.

– Ну и правильно.

Пеллетеру начинал нравиться этот Сервьер. Он даже простил ему это его вчерашнее актерское выступление – ради дела он и сам, наверное, мог бы предпринять что-либо подобное.

– Я понимаю, почему вы интересуетесь Розенкранцем, но я бы не ждал чего-то особенного от этой версии. Он, кстати, общается с Фурнье, когда они с ним ездят покутить в большой город.

– И когда такое было последний раз?

– Месяца четыре или пять назад.

Звук автомобиля на дороге приближался, и Пеллетер даже оглянулся, а потом перешел ближе к обочине и зашагал рядом с Мартеном.

– Может, дадите мне все-таки что-нибудь по Мауссье для газеты? Люди здесь его ненавидят, но они на самом деле даже представить себе не могут, каково это – найти такой вот подвал с клетками.

– Да, и с живым мальчиком в одной из них, – напомнил Пеллетер.

– Тем более, – согласился Сервьер.

– Когда Мауссье привезли сюда, моя мать неделю не разрешала мне выходить из дома, – сказал Мартен. – А мне тогда было тринадцать!

Приближавшаяся машина оказалась грузовиком. Сервьер в последнюю секунду перебежал на их сторону дороги, тенью метнувшись прямо перед самыми фарами.

– Вы думаете, Мауссье как-то... – начал было Мартен, но Сервьер перебил его:

– Два мальчика пропали!

– Нам, наверное, следовало бы вернуться, – предложил Мартен. – Может, шеф Летро не догадался проверить тюрьму?

Грузовик остановился, и водитель опустил стекло. Рядом с ним сидели еще двое, хотя лиц их было не видно.

– Ну, нашли что-нибудь?

– Нет, Жан, – ответил Мартен. – Но...

Пеллетер остановил его, тронув за плечо, и посмотрел на Сервьера, но за того можно было не беспокоиться. Уж кто-кто, а Сервьер хорошо знал, как преждевременная информация может возбудить общество и какой ценной она может оказаться, если ее выпустить вовремя.

– Они там в городе тоже ничего не нашли. Я вызвался выехать подальше, чтобы расширить зону поисков, и за мной

там еще люди собираются подтянуться.

– Мы прочедем еще несколько сотен метров, – сказал Пеллетер. – А вы поезжайте вперед и начинайте оттуда.

– Ночью все равно ничего не найдем, – подал голос один из мужчин с пассажирского сиденья.

– Мадам Перро в истерике, – напомнил Жан. – Ей вроде бы дали успокоительное, а Летро пообещал, что мы будем искать всю ночь, если понадобится.

– Спасибо, Жан, – поблагодарил его Мартен, словно он представлял здесь всю полицию Вераржана.

Жан кивнул, поднял стекло, и машина тронулась с места.

Когда задние фары грузовика были уже далеко впереди, Пеллетер сказал:

– Я собственными глазами видел Мауссье в тюрьме сегодня утром. Он в этом не замешан.

– Но два мальчика пропали, и это когда мы только-только узнали, что из Мальниво исчез арестант...

– Это не так! – рявкнул Пеллетер.

Мартен умолк и отвернулся.

Сервьер побледнел, хотя, возможно, это только показалось Пеллетеру в темноте.

– Это не так, – проговорил он уже спокойнее, хотя сам только и думал об этом с самого того момента, как услышал об исчезновении детей. Ведь действительно, какие еще мысли могли прийти в голову, если пропали два маленьких мальчика, когда поблизости находился Мауссье?..

Оторвавшись от своих мыслей, Пеллетер предложил:

– Давайте-ка поменяемся. Теперь я пойду по той стороне, а вы, месье Сервьер, идите вместе с Мартеном. Нам немного уже осталось.

Он указал на мигавшие далеко впереди габаритные фары грузовика, расстояние до которого им предстояло покрыть.

Они возобновили поиски, на этот раз молча. Время от времени ветер доносил до них голоса, но слов было не разобрать. Сухой бурьян на ветру напоминал звук помех в плохо настроенном радиоприемнике.

Чем больше они искали, тем больше Пеллетер был склонен согласиться с человеком в грузовике, понимая, что ночью они ничего не найдут.

Мартен с Сервьером тихонько переговаривались на другой стороне дороги, но о чем – Пеллетер не мог разобрать. Он вроде бы слышал имя Мауссье, хотя это могло ему только показаться, поскольку он по-прежнему был погружен в свои мысли.

Жорж и Альбер Перро. А вот имени того мальчика, найденного в клетке в подвале у Мауссье, им так и не удалось установить.

Внезапно налетевший ветер почти сбивал с ног, сухой бурьян сердито шуршал в поле. Пеллетер постоянно ежился от холода, отчего немели шея и плечи. Пора было возвращаться, но они продолжали двигаться вперед.

Сервьер рассмеялся, и за ним следом Мартен.

Дрожа от холода, Пеллетер продолжал размышлять. Если Мауссье как-то замешан в этом, то мальчиков без толку пытаться найти здесь – их надо искать в городе по подвалам. Один подвал Пеллетер осмотрел, но остальные были заперты на замки. Значит, все подвалы придется отпереть.

Он подумал о клетках... об этих маленьких тюрьмах...

– Сервьер!.. – окликнул он репортера.

Его спутники по другую сторону дороги разом умолкли и обернулись на его голос.

– Надумали дать интервью по Мауссье?

Сервьер мгновенно посерьезнел и хлопнул себя по груди, нащупывая в кармане блокнот. Он еще не успел достать его, как инспектор Пеллетер начал:

– Это был суший кошмар...

Глава 7

Новое посещение тюрьмы

Утренний Вераржан купался в солнечных лучах, но даже из окна гостиничного номера, по скованному виду прохожих, не вынимающих рук из карманов и прижимающих локти к бокам, Пеллетер чувствовал, что в воздухе еще присутствовал ночной морозец.

Пеллетер вышел из отеля в хмурой задумчивости, надевая на ходу пальто. Сунув руки в карманы, он обнаружил в одном из них сложенную газету. Ту самую, что всучил ему вчера Сервьер. С кричащим заголовком:

«БЕГЛЫЙ АРЕСТАНТ УБИТ НА УЛИЦЕ»

После вчерашних безуспешных ночных поисков эта новость казалась устаревшей. Но для такого маленького городка, как Вераржан, подобное событие считалось крупным, и «Веритэ» отнеслась к нему с должной серьезностью, посвятив этому материалу всю первую полосу и две следующих. Автором публикации был Филипп Сервьер.

Состояла она из одних домыслов и предположений, хотя в перечисленных фактах не было никаких неточностей. Сервьер поместил в статье свое интервью с пекарем и биографию Меранже. Упомянул супружескую чету Розенкранцев, хотя об исчезновении Клотильды на тот момент пока еще не было известно. Но Пеллетер догадывался, что сегодня редак-

ции наверняка придется выслушать сварливые вопли меcье Розенкранца. Впрочем, к ним, должно быть, все уже давно привыкли.

Там были также мнения простых горожан и кратко изложенная история трех предыдущих попыток побега из Маль-ниво в точно таком же виде, в каком о них услышал Пеллетер в первый день своего расследования.

Пеллетер сложил газету и убрал ее обратно в карман. Как эта публикация могла бы поспособствовать его расследованию, он не представлял, знал только совершенно точно, что она ему не нравится. Ну какая может быть польза от этих газетчиков? От этих цепких, как пиявки, охотников за сенсациями.

У дверей полицейского участка топтались, молча покури-вая, усталые люди. Это были все, кто остался от ночных поисковых партий – те, кто мог позволить себе отложить на день свою работу или не имел таковой вовсе.

В дежурном помещении по ту сторону конторки собрался весь персонал полицейского участка. Офицер Мартен пытливо заглянул в лицо Пеллетеру, но тот прошел мимо, сразу направившись в кабинет Летро.

Летро, присев на корточки, утешал заплаканную женщину. Пеллетер сразу узнал мадам Перро. Неужели он видел ее здесь только вчера? Так много с тех пор всего произошло, такой стремительный калейдоскоп событий, и при этом никаких ответов ни на один из вопросов.

Пеллетер молча прикурил сигару и встал в уголочке, приклонясь к шкафу.

— Мы обязательно разыщем их, найдем несмотря ни на что, — твердил Летро несчастной женщине, в исступленном горе только качавшей головой. — Мы обязательно найдем их, но вы должны сейчас отпустить меня, чтобы я мог дать распоряжения своим людям.

Мадам Перро, в состоянии истерики, продолжала качать головой. По щекам ее катились слезы. Летро поднялся, угрюмо посмотрел на Пеллетера и направился к двери.

Пеллетер подошел к нему и положил руку на плечо.

— Вы должны обыскать подвалы.

— Какие еще подвалы?

— Все подвалы в городе.

— А я собрался предпринять новый круг поисков, взяв за отправную точку ферму Перро. Ведь дети из кондитерской лавки шли именно туда, а значит, искать их надо где-то там.

Пеллетер кивнул, так как с этим трудно было поспорить. К тому же, как он сам вчера говорил Мартену и Сервьеру, Мауссье находился в тюрьме и вряд ли имел отношение к исчезновению детей. Хотя подвалы все равно следовало обыскать.

— Тогда выдели на прочесывание подвалов хотя бы двух или трех человек. Ну в общем, сколько сможешь.

— А у тебя какие соображения?

Пеллетер посмотрел на измученную горем мадам Перро

и вывел Летро из кабинета.

– Ты понимаешь, если они просто потерялись, то да, ты прав, их надо искать где-то ближе к дому. Но если их кто-то захватил...

– Ты думаешь, это похищение?

– Я думаю, что нам нужно вести поиски повсюду.

– Хорошо. Я дам тебе четырех человек.

Пеллетер покачал головой.

– Нет, я еду в Мальниво.

Летро вышел из себя.

– Послушай, Пеллетер, у меня на данный момент имеется шесть трупов заключенных и двое пропавших детей! Я тебе уже говорил, что ценю твою помощь, но только почему-то не вижу, чтобы ты помогал!

Ничуть не задетый этой вспышкой гнева, Пеллетер невозмутимо продолжал:

– Я беру такси и еду в тюрьму. А вы обыщите подвалы.

Раздувая щеки, Летро свирепо вращал глазами. Но Пеллетер хорошо знал эту его привычку кипятиться. Как знал и то, что Летро в конечном счете все равно прислушается к его совету, подозревая, что Пеллетер может оказаться прав.

Выходя из полицейского участка, Пеллетер слышал, как Летро раздает распоряжения офицерам.

Единственное в Вераржане такси стояло перед кафе на противоположной стороне площади. Таксист вышел из кафе, поправляя кепку, как раз когда Пеллетер взялся за ручку

дверцы.

– В тюрьму Мальниво!

Пеллетер нырнул на заднее сиденье, с облегчением отметив про себя, что ему попался на редкость сообразительный для провинциальных городков водитель, умевший отличить молчаливого пассажира от любителя поболтать.

Достав свой клеенчатый блокнот, Пеллетер сделал в нем записи, на которые у него не хватило сил вчера ночью после изнурительных поисков.

До этого последней у него была такая запись:

«В четверг утром в тюрьме был ранен ножом еще один арестант... Все опрошенные расходятся в показаниях относительно числа заключенных, раненых и убитых за последний месяц».

Он сделал в этой записи поправку: «В четверг, 6 апреля, прибл. в 10.00 утра». Теперь, когда всевозможные события нагромождались одно на другое с невероятной скоростью, важна была точность. Сделав это исправление, он продолжал:

«Приблизительно в 13.00 в поле на полпути от Вераржана до тюрьмы Мальниво был обнаружен зарытый в землю гроб. В результате дальнейшего осмотра примыкающей территории были обнаружены еще гробы, общим числом пять штук, с содержащимися в них телами убитых арестантов».

Пеллетер глянул на мелькающие за окошком поля. Все они выглядели так однообразно, что как-то сам собою напра-

шивался вопрос: как тот, кто зарывал те гробы, мог каждый раз находить место захоронения? Если только он не закопал все пять трупов в один прием. Ну, это Пеллетер как раз надеялся выяснить в ближайшее время, когда судебный медик произведет осмотр и вскрытие.

«Во вторник, 4 апреля, прибл. в 17 часов пропали дети – Жорж Перро (шести лет) и Альбер Перро (пяти лет). Последний раз их видели в кондитерской лавке месье Марка».

С месье Марком Летро беседовал лично, и он уверял Пеллетера, что месье Марк никоим образом не имеет отношения к исчезновению детей. Да и с какой стати ему быть замешанным в таких делах? Ведь в крохотном городке, как Вераржан, владелец магазинчика сладостей не может позволить себе иметь дурную репутацию в отношении детей.

Пеллетер вернулся к своим прежним записям, прибавив на полях напротив визита мадам Розенкранц в отель следующие слова:

«Последний раз, когда мадам Розенкранц видели».

Такую же пометку он сделал относительно начальника тюрьмы, напротив записи, где говорилось об утверждении Мауссье, заявлявшего, что в тюрьме систематически убивают арестантов.

Просмотрев еще раз свои записи, он опять почувствовал прилив гнева. Пора было переходить в наступление. Ведь уже столько всего произошло, а они до сих пор лишь отвечали на события. Только реагировали на них, не старались

их опередить или предупредить. Даже эти вчерашние поиски детей были всего лишь ответной реакцией. Но сегодня он, по крайней мере, попробует выяснить, что обо всем этом известно Мауссье.

Желая как-то успокоиться, Пеллетер еще раз прокрутил в голове все события с самого начала, но это не помогло. В большинстве случаев ему было известно только то, что произошло, но он не знал, почему это произошло и каким образом. А следовательно, не было никакой возможности определить, кто это сделал. Иными словами, Пеллетер не знал пока ничего.

Впереди показалось здание тюрьмы. Такси подъехало к самым воротам, Пеллетер вышел и велел таксисту возвращаться через два часа и, если понадобится, даже подождать его. Предъявив документы охраннику у ворот, инспектор Пеллетер прошел через автомобильную стоянку и потом еще раз показал документы часовому у входа.

– Я слышал, в городе вчера вечером большое волнение было, – сказал ему Реми.

– А здесь не было?

– Ой, да здесь волнение всегда.

– Я так и думал.

Пеллетер прошел в административное помещение. Молодая женщина за самым первым столом, глянув на него, сразу же потянулась к телефонной трубке. Это была невзрачная девушка, которая могла бы выглядеть миловиднее, если

бы подстригла волосы покороче или, наоборот, отрастила их подлиннее. Но у нее на голове было некое невразумительное подобие короткой дамской стрижки.

Прикрыв рот ладошкой, она что-то шепотом проговорила в трубку.

В остальном помещении царила атмосфера летаргии, возможно, вызванная вчерашними надрывными поисками детей, но Пеллетер за свою жизнь повидал достаточное количество полицейских участков, судов и тюрем и знал, что в таких заведениях всегда царит сонное уныние.

Он отыскал глазами заваленный папками стол в дальнем конце комнаты. Без сомнения, это и было временное рабочее место офицера Мартена. Здешние служащие, видимо, не были уверены, можно ли уже убрать все это со стола. Пеллетер поставил себе на заметку как можно скорее отозвать отсюда офицера Мартена. Находясь у Пеллетера под рукой, тот приносил больше пользы, чем роясь в этих папках.

Девушка положила трубку на рычаг и чопорно распрямилась. Поджав губки, она сообщила Пеллетеру:

– Месье Фурнье в настоящий момент занят и не знает, когда освободится, чтобы помочь вам. Он предлагает вам приехать в другой раз.

Она проговорила это так, словно сдавала сейчас экзамен по декламации.

Пеллетер, глядя на нее, не мог сдержать улыбки, и девушка заметно сникла, чувствуя, что провалила экзамен.

– Ничего страшного, – сказал Пеллетер. – Я же сюда не к Фурнье приехал. Могу и сам разобраться со своими вопросами. – И он повернулся к двери.

– Но...

– Не стоит беспокоиться. Я иду в лазарет и дорогу уже знаю.

Девушка беспомощно смотрела на своих коллег, но те сидели за столами, потупившись и уткнувшись в бумаги, довольные тем, что это не им приходится выкручиваться из неловкого положения.

Девушка поднялась из-за стола, но не сделала ни шагу. Пеллетер снова повернулся к ней.

– Вы могли бы оказать мне одну услугу, – произнес Пеллетер так, словно эта мысль только что пришла ему в голову. – Мне необходимо снова увидеться с Мауссье. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы его привели вниз.

И, не дожидаясь ответа, он вышел из комнаты, краем глаза только заметив, что к ней уже торопливо подскочил один из сотрудников.

– Открой-ка мне эту дверь, Реми. Я в лазарет.

Пеллетер пытался припомнить, будет ли на отрезке до лазарета еще одна дверь, но решил не забивать себе голову лишними проблемами, а решать их по мере поступления. Если девица из канцелярии пришла в себя после пережитого шока, то, несомненно, уже названивает Фурнье, а значит, через каких-нибудь пару-тройку минут заместитель началь-

ника тюрьмы уже примчится сюда.

Когда Реми отпер для него дверь, Пеллетер сказал:

– Ты не мог бы проконтролировать, чтобы Мауссье привели в комнату для допросов? В канцелярии эта моя просьба почему-то повергла всех в смущение.

– Да понятно почему, – сказал Реми, улыбаясь. – Здесь же шагу нельзя сделать просто так, на все нужна официальная бумажка, и упаси бог, если у тебя такой бумажки нет. – И Реми посторонился, чтобы пропустить инспектора.

В коридоре сразу же распахнулась ближайшая дверь, и к инспектору подскочил еще один служащий. Стараясь не выдать своего волнения и растерянности, он сказал:

– Пожалуйста, сюда, месье Пеллетер.

По-видимому, они все-таки решили для надежности представить к Пеллетеру провожатого, раз уж он вздумал самостоятельно прокладывать себе путь по лабиринтам тюрьмы. Или даже проследить за тем, что он станет делать. Как бы то ни было, но молодой человек пошел впереди Пеллетера по коридору, ведущему в лазарет.

– Со вчерашнего дня были какие-нибудь еще инциденты? – спросил Пеллетер у своего нервного провожатого, шагая сзади.

– Инциденты?.. – отозвался тот, не оборачиваясь.

– Как ваша фамилия?

– Месье Витье.

– Ну так вот, Витье, я имею в виду драки, поножовщину,

убийства. Словом, какие-либо инциденты.

– Мне кажется, я не могу ответить на этот вопрос.

– Мне тоже так кажется.

Они подошли к стальному боксу с дверцей, разделявшей коридор на две равные части. Витье достал из кармана связку ключей на металлическом кольце. То есть на отрезке до лазарета все-таки оказалась еще одна дверь, и Пеллетер теперь был рад, что к нему приставили провожатого.

Витье отпер дверь, но на этот раз Пеллетер шагнул за порог первым. В спертom воздухе пахло аммиачными парами из лазарета.

Идя по коридору, Пеллетер даже и не знал, сопровождает ли его до сих пор Витье. Дверь в лазарет была открыта – по-видимому, здесь считалось, что раненым арестантам не до побега.

В лазарете по сравнению со вчерашним днем было тихо. У двери сидел на стуле надзиратель. Пациент был здесь всего один – вчерашний заключенный, получивший ножевые ранения. Казалось, что этот щупленький, бледный, осунувшийся человечек провел на больничной койке не двадцать четыре часа, а несколько недель.

Пеллетер подошел к нему и присел на соседнюю койку. Он заметил, что больной наручником прикован к кровати.

В лазарет вошел Витье и встал в изножье постели больного.

Пеллетер поднес к лицу больного свои документы, но аре-

стант, шныряя глазами то на Пеллетера, то на Витье, не проявил ни малейшего намерения взглянуть на них.

– Я старший инспектор Пеллетер из Центрального управления. Приехал разобраться в том, что у вас тут происходит. Надеюсь, вы сможете рассказать мне о том, что случилось вчера.

Заключенный продолжал стрелять глазами то на Пеллетера, то на Витье, лицо его при этом оставалось неподвижным. Слова Пеллетера его не впечатлили.

– Вы знаете, кто напал на вас с ножом?

Арестант, болезненно поморщившись, отвернулся.

Пеллетер пересел поудобнее – чтобы металлический каркас койки не врезался в ляжки.

– Витье!

Молодой человек, засмотревшийся в задумчивости на раненого, вытянулся в струнку. Вид у него теперь был такой, словно он ожидал собственного приговора. То ли сама атмосфера здесь была такой гнетущей, то ли все они тут просто боялись Фурнье, державшего в постоянном напряжении и заключенных, и персонал.

– Оставьте нас на минуточку, – сказал ему Пеллетер, кивнув на дверь.

Витье отошел к двери и встал рядом с сидевшим на стуле надзирателем. Они не перемолвились ни словом.

Пеллетер, облокотившись на колени, наклонился к больному и, понизив голос, спросил:

– Вы можете мне сказать, кто напал на вас с ножом?

Казалось, что заключенный опять сделает вид, будто не слышал вопроса, но вдруг, не поворачивая головы, он громким шепотом произнес:

– Не знаю.

– А вы знаете, почему на вас напали?

Заключенный закрыл глаза и покачал головой. Он видимо уже думал об этом, но ответа так и не нашел.

– А как насчет тех, кого убили? Люди здесь что-нибудь говорят об этом?

Последовала длительная пауза, и Пеллетер уже начал опасаться, что ему придется начинать сначала, но раненый наконец выдавил из себя:

– Никто тут ни о чем не говорит.

– Если вы сообщите что-нибудь, если поделитесь со мной тем, что знаете, то я, возможно, смогу помочь, – сказал Пеллетер, наклонившись к нему еще ближе и даже съехав на самый краешек койки.

Но никакой реакции опять не последовало.

– Да вы не бойтесь, никто не узнает, о чем я с вами разговаривал. Я и с другими заключенными тоже побеседую.

Раненый арестант вдруг повернул голову к Пеллетеру, глаза его были расширены.

– Я ничего не знаю! Там во дворе было полно народу. Пырнуть меня мог кто угодно, но у меня жалоб нет. И я не знаю больше ничего!

– Ладно, – не стал настаивать Пеллетер.

Зрачки у заключенного были увеличены, ноздри раздувались, и он походил на человека, снедаемого страхом, болью и отчаянием.

– Ладно. – Пеллетер встал, не сводя пристального взгляда с раненого арестанта. – Но это у нас с вами, скорее всего, была последняя возможность поговорить в отсутствие заместителя начальника тюрьмы.

Реакции снова не последовало. На лице арестанта читалось все то же выражение боли и негодования. Упоминание имени Фурнье не изменило ничего.

Старший инспектор смотрел на лежащего арестанта, расстроенный тем, что так ничего и не сумел из него выудить. С каждым новым событием Пеллетер, казалось, узнавал все меньше и меньше, и даже жертвы этих безобразий предпочитали оставаться равнодушными. По опыту Пеллетер знал, что иногда подобная беспомощность была всего лишь вопросом времени, но только не в этом случае. Слишком много всего уже произошло, и кто-то знал, почему. Оставалось только найти нужного человека и задать ему правильные вопросы.

Пеллетер отвернулся от раненого арестанта и направился к двери.

– Витье, – сказал он, – проводите меня к Мауссье.

Мауссье уже ждал его в комнате для допросов, как и в

прошлый раз, скованный по рукам и ногам цепями. К удивлению Пеллетера, Фурнье пока так и не появился. Оставив Витье с надзирателем снаружи, Пеллетер вошел и сел за спиной у Мауссье.

– Зачем вы порезали ножом человека в тюремном дворе? – спросил Пеллетер.

Мауссье даже не предпринял попытки обернуться.

– Ба, инспектор, да вы меня удивляете! Вы же прекрасно знаете, что вчера такой привилегии, как прогулка во дворе, мне оказано не было. Иногда она полагается мне, а иногда нет. Это решает месье Фурнье. Для моего же собственного блага. Тут, знаете ли, некоторые из парней меня не слишком-то любят. Не знаю, правда, почему.

В голосе Мауссье слышалась веселость. Его, похоже, ничуть не вывело из себя то, что Пеллетер уселся сзади. Но Пеллетеру сегодня было не до его игрищ. Стараясь придать голосу невозмутимость, он сказал:

– А как вы получаете еду? Вам разрешено питаться за общим столом?

– Нет, еду мне приносят в камеру, причем заместитель начальника тюрьмы следит за тем, чтобы это делали по возможности разные люди. А что такое? Почему вы у него сами не спросите? Или он не склонен оказывать вам содействие?

Но этими язвительными замечаниями ему не удалось задеть Пеллетера. Тогда, придав голосу озабоченности, Мауссье спросил:

– А тех двух маленьких мальчиков уже нашли? Я так беспокоился за них.

– А откуда вам известно о пропаже детей?

– Да, кстати, а как там поживает мадам Пеллетер? Нет, я верю, что хорошо. С чего бы ей поживать плохо?

Пеллетер схватил Мауссье за плечи и швырнул его на пол, так что тот треснулся головой о каменные плитки, а следом за ним с грохотом упал и опрокинутый стул. Руки и ноги Мауссье были скованы одной цепью, и он лежал скрючившись, не в силах самостоятельно подняться.

Пеллетер пнул стул, и тот отлетел в угол.

Мерзкий старикашка сотряслся от беззвучного смеха.

Пеллетер обошел стол и нарочно встал подальше, чтобы не поддаваться соблазну и не начать пинать Мауссье. Ему вспомнились слова Сервьера в день самой первой их встречи, когда Сервьер спросил его, как он мог тогда находиться в одном помещении с этим монстром и не убить его. Мысль эта охладила его гнев. Решительный шаг был сделан, оставалось только посмотреть, приведет ли он к результатам.

Он сделал еще несколько шагов и встал так, чтобы видеть лицо Мауссье. Тот продолжал смеяться, силясь разглядеть пол вокруг себя, потом сказал:

– Очень хорошо. У меня кровь пошла. – Он лизнул каменный пол и зловеще ухмыльнулся. – Кровь!.. Отлично! – И Мауссье расхохотался.

Тогда, присев перед Мауссье на корточки, Пеллетер ска-

зал ему одну фразу, которой надеялся вытянуть из него наконец какой-нибудь ответ:

– Я отбываю сегодня с вечерним поездом. Все, я больше не участвую в этом.

– Ну, это как посмотреть, – возразил Мауссье. – Ваше участие в этом... оно будет зависеть от того, что скажет пресса, и от того, что скажут в Центральном управлении по поводу того, что скажет пресса, когда господин мэр, и господин Летро, и господин начальник тюрьмы решат, что было бы неплохо повесить все свои ошибки с раскрытием этих убийств арестантов и пропажей детей на приезжего детектива. А я тут, по правде говоря, совершенно ни при чем. – Мауссье, похоже, решил, что ему удалось задеть Пеллетера за живое, и одна только эта мысль возмущала детектива. – Но вы же знаете эти крошечные провинциальные городишки... Тут отродясь никто ни за что не отвечает и люди подолгу не задерживаются на своих местах.

– Ишь как заговорил! Ты у нас что же, политическим активистом заделался? Или социальным реформатором?

– Нет. Обеспокоенным гражданином. Такое название мне больше нравится. – Мауссье продолжал злобно ухмыляться. – Мне вообще нравится слово «озабоченный»... Такое... толковое слово.

У Пеллетера начали затекать ноги, он поднялся с корточек и сел за стол. Тот самый стол, за которым сидел два дня назад. Отсюда ему не было видно Мауссье – только стену на-

против. Ее грубо отесанные камни представляли собой целый географический мир, в котором запросто мог заблудиться муравей. Вот и он сам сейчас чувствовал себя таким же заблудившимся муравьем.

Тишину нарушил Мауссье. Желание поговорить было его единственной слабостью, не изменявшей ему ни при каких обстоятельствах.

– Я ничего не знаю про этих пропавших ребяташек. Они не имеют никакого отношения ко всему этому.

– Но если тебе что-то известно обо всем остальном, то, может быть, проще было бы рассказать мне?

– Я ничего не знаю и обо всем остальном.

– Тогда о чем ты знаешь?

– О мертвых арестантах.

– О них я тоже знаю.

– О-о, вот видите, каких успехов вы уже добились, господин инспектор! Меня прямо завидки берут!

Сейчас, когда Пеллетер не мог видеть его, а только слышал его голос из-под стола, разговаривать стало легче.

– И кто же вывез тела? – спросил Мауссье.

Вместо ответа Пеллетер задал ему свой вопрос:

– Кто убил этих людей?

– Ну... Если вы ответите на мой вопрос, то я, возможно, отвечу на ваш! – В голосе Мауссье снова звучали нотки наслаждения.

– А ты не боишься, что тебя примут за стукача?

Маусье эти слова разозлили.

– Послушайте, детектив, я уже говорил вам, что давно привык к оскорблениям! Когда тебя оскорбляют, это не так уж и плохо.

Пеллетеру это утверждение показалось сомнительным, зато Маусье задал очень правильный и очень насущный вопрос. Как мертвые тела арестантов оказались за пределами Мальниво? Кто вывез их?

Пеллетер задумчиво смотрел в стену, а Маусье вдруг принялся мычать какой-то мотивчик. Как оказалось, мотивчик детской песенки. Песенки про то, как дети пошли в гости к бабушке.

Пеллетер резко встал, скрежетом стула по полу прервав сольное выступление Маусье.

Вот опять он не узнал ровным счетом ничего. Все те же туманные намеки, все те же попытки поклепа на заместителя начальника тюрьмы... Эта очередная встреча, похоже, опять послужила для Маусье поводом поразвлечься, и Пеллетер чувствовал себя клоуном в цирке.

Он подошел к двери, собираясь постучать. Из-под стола слышалось звяканье цепи, но Пеллетеру было не видно, что Маусье там делает.

– Маусье! – рявкнул Пеллетер.

Маусье затих.

– Если эти дети не найдутся в скором времени живыми, то ежедневные прогулки в тюремном дворе тебе, считай, обес-

печены. И тогда я не ручаюсь за твою жизнь.

Ответа не последовало.

– Или в следующий раз, когда я запущу сюда надзирателей, мне понадобится только понаблюдать за тем, кто и как будет вывозить твоё тело из Мальниво.

С этими словами Пеллетер постучал по металлической двери, давая понять тем, кто за нею находился, что он готов выйти.

Глава 8

Пропали и нашлись

На улице заметно потеплело, и Пеллетер запарился в такси – был весь взмокший, когда наконец вылез из машины все там же у кафе. Парило явно к дождю. Небо по большей части расчистилось, но на востоке угрожающе громоздились серые тучи.

Главная площадь Вераржана была пустынной, город погрузился в послеобеденные дела. Прохожих не было – только старики, рассевшиеся в рядок у подножия памятника.

В кафе тоже было безлюдно. Пеллетер заказал себе пива и бутербродов с ветчиной и сыром навынос. Он собирался вернуться в полицейский участок – узнать, не пришло ли каких вестей о пропавших детях. А еще он намеревался отправить Мартена обратно в тюрьму изучать папки с делами и позвонить в Центральное управление Ламберу.

В дверях подсобки появилась официантка, и хозяин кафе поторопил ее с заказом для инспектора.

Пеллетер глянул на часы. Час дня. Трое суток уже прошло с тех пор, как было найдено первое тело. Вообще всегда самый трудный момент в расследовании, малодоступный пониманию обычных людей, это... ожидание.

Хозяин кафе любезно улыбался Пеллетеру.

– А мальчишек все-таки нашли, – сказал он, качая голо-

вой. — Да они вообще-то уже большие, чтобы потеряться в поле. — Он презрительно фыркнул. — Я в их возрасте ходил пешком за много миль, чтобы подоить коров.

Пеллетер ничего не ответил, но испытал внутреннее облегчение. Его вообще-то даже и не удивило, что мальчики нашлись. Этим конечно же и объяснялась такая тишина в городе. Он потянулся в карман за сигарой, но тут же вспомнил, что заказал обед.

— Это же надо устроить такой переполох! — не унимался хозяин кафе. — Надеюсь, они получают хорошую взбучку.

Официантка принесла Пеллетеру его бутерброды, завернутые, как он с удовлетворением заметил, во вчерашний номер «Веритэ».

— Ну а как они вообще? С ними все в порядке? И как обстоят дела со всем другим — с этими мертвецами-арестантами и с пропавшей девушкой?

Пеллетер проигнорировал его вопросы и, поблагодарив официантку, забрал у нее свой обед.

На улице он с удовольствием глотнул из горлышка холодного пива. Бутерброд тоже был отличный. Бенуа, даже несмотря на нервные потрясения последних дней, выпекал прекрасный хлеб с твердой хрустящей корочкой. Пеллетер жевал бутерброды на ходу, чувствуя, как по спине снова начал струиться пот. Он был несказанно рад, что ребятишки нашлись, но остальные вопросы пока продолжали висеть в воздухе. Он никак не мог избавиться от ощущения, будто

постоянно упускает какую-то очень простую вещь, способную привести его к ответам на эти самые вопросы. Слишком много отвлекающих событий случилось за последнее время. Слишком много для такого маленького городка.

На ступеньках полицейского участка стоял какой-то человек. Пеллетер узнал его, только когда тот его окликнул:

– Поздравляю, месье Пеллетер, с удачным исходом!

– Сервьер!

– Мы уже готовим к сегодняшнему вечеру новый спецвыпуск. И заголовок такой красивый... – Он картинно всплеснул руками. – «НАЙДЕНЫ!»

– Да вы и впрямь уже становитесь ежедневной газетой, – не переставая жевать, заметил Пеллетер.

– Возможно, это мой шанс продвинуться в моем деле и уйти на более крупный газетный рынок.

– А кто же тогда будет писать для «Веритэ»?

– Ой, инспектор, я рад, что вы тоже в хорошем расположении духа. Ну я же в «Веритэ» не единственный репортер.

Пеллетер доел свой бутерброд и картинно отфутболил скомканную в шарик обертку, сделанную из упомянутой газеты. Но Сервьер не заметил этой шутки.

– А как все было?

Сервьер достал свой блокнот, тем самым напомнив Пеллетеру его самого, отчего тот снова испытал нечто вроде симпатии к молодому репортеру.

– «Во вторник 4 апреля, приблизительно в пять часов дня,

Жорж и Альбер Перро вышли из кондитерской лавки месье Марка и направились по улице Принсипаль домой, на ферму Перро. Жорж предложил срезать путь через поле, но мальчики быстро потерялись в высоком бурьяне и сильно перепугались».

– Вы так и собираетесь написать?

– Я еще точно не решил. Продолжаю. «Стемнело, пошел дождь, и мальчики застряли в диком поле. Утром выяснилось, что Альбер заболел и не был способен продолжать путь. Жорж побоялся оставить брата одного. Мадам Перро, решив, что ее дети из-за плохой погоды остались в городе у тетки, не обращалась в полицию до четверга, 6 апреля. Начальник полиции Летро организовал поиски, продолжавшиеся всю ночь и все утро, после чего мальчики были обнаружены в поле к западу от города, теперь уже оба с сильным жаром. Они были доставлены в больницу, и я надеюсь услышать рассказ о происшедшем от них самих, а также от людей, которые их нашли, и от полицейских».

– Тогда чего вы ждете здесь?

– Да месье Розенкранц сейчас в участке, и я решил на всякий случай не попадаться ему на глаза, поскольку его, похоже, расстроило то, что я упомянул его жену во вчерашнем материале.

Пеллетер не смог сдержать улыбки, уже начав подниматься по ступенькам.

– Инспектор, подождите!

Пеллетер остановился и обернулся.

– У вас есть что-нибудь новое по убийству Меранже?

Улыбка исчезла с лица Пеллетера.

– Или, возможно, вы смогли бы как-то прокомментировать это происшествие с пятью мертвыми телами арестантов, найденными вчера? Или прокомментировать исчезновение мадам Розенкранц.

Окончательно помрачнев, Пеллетер недовольно заметил:

– Я думал, Сервьер, вас сегодня интересуют только хорошие новости!

– Хорошие новости это те, что позволяют газете расходиться с лотков.

– И все-таки лучше пишите про найденных детей, – посоветовал Пеллетер и повернулся, но тут же, замешкавшись, остановился.

– Что-то еще? – оживился Сервьер.

Пеллетер не ответил. Ему вспомнилось его сегодняшнее утреннее ощущение, будто он постоянно что-то упускает и от этого не знает, как действовать дальше. И вспомнились мысли о том, что он пока только реагирует на события, а не предвосхищает их. Тогда, может, стоит спровоцировать какие-нибудь новые события? Он повернулся к Сервьеру.

– Запишите-ка вот это. Инспектор Пеллетер крайне ободрен ходом расследования убийств в тюрьме Мальниво. У него имеются многообещающие зацепки, и он надеется раскрыть это дело к завтрашнему утру, когда выйдет эта газета.

Сервьер лихорадочно строчил в своем блокноте. Закончив, он устремил на Пеллетера восхищенный взгляд, глаза его блестели от возбуждения.

– Это правда?

– Завтра узнаем. – Пеллетеру вспомнилась симпатичная молодая женщина, робко переминавшаяся на пороге обеденного зала в отеле Вераржана. Конечно, ее имя не стоило трепать в газетах. – И, пожалуйста, оставьте в покое тему исчезновения мадам Розенкранц, – прибавил Пеллетер.

– Но все уже и так знают...

– Нет, оставьте эту тему, – повторил Пеллетер настоятельным тоном, поднимаясь на последнюю ступеньку. – Я и так дал вам много информации. – И он взялся за ручку двери в полицейский участок со стороны мэрии.

В участке было так же малоллюдно, как и во всем городе, но так же шумно, как и всегда.

– Вы, сволочи, ищите день и ночь каких-то там пропавших мальчишек, а на молодую женщину вам наплевать! – орал месье Розенкранц, стоя перед стойкой дежурного офицера.

Двое полицейских, пока еще незнакомых Пеллетеру, молча и невозмутимо наблюдали за разъяренным месье Розенкранцем. Больше в помещении никого не было. Должно быть, Летро отпустил всех остальных пораньше после утомительных ночных поисков.

Розенкранц от возбуждения перешел на английский, и Пеллетер даже смог разобрать некоторые слова, которым его

во время войны научил один американский солдат взамен того, что Пеллетер научил его их французским эквивалентам.

Подойдя к рослому американцу сзади, Пеллетер аккуратно взял его под руку.

Розенкранц от неожиданности дернулся, но у Пеллетера была крепкая хватка.

– Чем тут вообще полиция занимается? – продолжал возмущаться Розенкранц, снова перейдя на французский. – Никто ничего не делает! Целую ночь и целый день искали каких-то мальчишек! А моя жена пропала вот уже как полтора суток! Из-за этих двух сопляков мне даже не дали написать заявление!

– Пожалуйста... – Пеллетер кивнул на стулья в приемной, продолжая сжимать локоть американца. – Я вас охотно выслушаю.

– Вы намерены помочь мне разыскать жену?

– Давайте сначала поговорим об этом.

Розенкранц уставился на Пеллетера. Они были одного роста, но Розенкранц умудрялся смотреть на Пеллетера сверху вниз.

– Хорошо, давайте поговорим, – сказал он, выдернув у Пеллетера руку, поправил на себе пиджак, но на предложенный стул не сел.

Пеллетер подошел к стойке и спросил у все еще насупленных офицеров:

– А где шеф Летро?

– В больнице с мадам Перро.

– Инспектор!.. – нетерпеливо окликнул из приемной Розенкранц.

Пеллетер поднял руку, давая ему знак подождать, и вновь обратился к офицеру:

– А все остальные где?

– До завтрашнего утра только минимальный состав. Нам же не хотят платить нормально за сверхурочную работу.

Второй офицер хлопнул своего коллегу по плечу, и тот понял, что сболтнул лишнее.

– Ну... я хотел сказать...

– Да я знаю, что ты хотел сказать. – Пеллетер повернулся, намереваясь вернуться к Розенкранцу.

– Господин инспектор, вы оставите какое-то сообщение? – спросил второй офицер.

– Нет.

– Инспектор!..

Пеллетер вернулся к Розенкранцу и сказал:

– Пошли!

– Куда? – удивился американец.

– Поговорить, – сказал Пеллетер, доставая сигару и прикуривая ее.

Розенкранц наблюдал за этим священнодействием, после чего сказал кратко:

– Хорошо. Идемте.

С этими словами он вышел за дверь полицейского участка, и Пеллетер последовал за ним.

На улице Пеллетер порадовался тому, что чутье не изменило Сервьеру и побудило его вовремя смыться. Не исключено, что он сейчас был уже на пути в больницу, где наверняка надеялся взять у кого-нибудь интервью. Или побежал печатать на машинке то, что надиктовал ему Пеллетер.

Розенкранц повел инспектора от площади в жилую часть города. Шагал он быстро, размашисто, гнев его еще не прошел, просто весь ушел сейчас в ходьбу. В каком-то узеньком переулочке он наконец остановился. Окна первого этажа здесь все были закрыты ставнями. Над головой на веревках не висело белья.

Крутая, почти вертикальная каменная лестнка вела в подвал. Розенкранц начал спускаться по ней, держась за стены, потом, нагнувшись под низким дверным косяком, переступил через порог.

Последовав за ним, Пеллетер обнаружил, что Розенкранц привел его в пивнушку. Крошечную, замызганную пивнушку, где стойкой бара служила просто широкая доска на столбиках и где вообще не было столиков. В тесном помещении воняло застарелым табачным дымом и дешевым пивом. Ботинки прилипали к полу, Пеллетеру приходилось с усилием отрывать их, пока он шел к стойке.

Других посетителей здесь не было. Дряхлый старик-бармен спал на своем стуле, прислонившись затылком к стене,

но вскочил, сонно протирая глаза, как только Розенкранц постучал перед ним по стойке. Не дожидаясь от посетителей заказа, старик сразу выставил перед ними две пинты пива.

Розенкранц мгновенно присосался к своей кружке и пил стоя. Старик-бармен ушел обратно спать на свой стул.

Пеллетер присел на высокий табурет и, не прикасаясь к своему пиву и попыхивая сигарой, стал ждать, когда Розенкранц заговорит. Ему вспомнилось, что рассказывал Сервьер о пьяных загулах Розенкранца.

Выдув сразу полпинты и так и не отрываясь от кружки, Розенкранц наконец сказал:

– С какой стати ей уходить от меня?

– Об этом вы мне как раз и поведаете.

Розенкранц повернулся к Пеллетеру. На лице его было написано неподдельное горе.

– Нет, она не ушла бы от меня, – сказал он, качая головой.

Розенкранц залпом допил свое пиво и собрался растормошить бармена, но Пеллетер кивнул ему на свою кружку, предложив:

– Пейте мое.

Розенкранц взял кружку в руки, но пить не спешил.

– До тех пор пока вы не заявились к нам домой, я понятия не имел, что ее отец находится в Мальниво. Нет, я, конечно, знал, что он сидит в тюрьме, но мне даже в голову не приходило, что именно в нашей.

– Она навещала его там.

– А вы откуда знаете?

– Она сама мне сказала.

Розенкранц опять присосался к кружке. Выдув все пиво, он поставил пустую кружку и сказал:

– Нет, я понимаю, что староват для нее. Что иногда, должно быть, выгляжу скорее как ее отец, нежели как муж. Но вы не представляете, как я обожаю ее! Я люблю ее больше всего на свете, больше родины, даже больше своей работы!

Он постучал по стойке бара, и встрепенувшийся старик, шаркая, пошел наливать им новые порции пива.

– Нет, я понимаю, что люди могут иметь друг от друга свои секреты, я и сам так живу, вру частенько по мелочи, как и все остальные. Но зачем ей было скрывать такое про своего отца?! И зачем исчезать, не сказав ни слова? Она же знает, что это просто убьет меня!

Он взялся за новую кружку.

– Значит, вы никогда и никаким образом не общались с Меранже?

– Никогда. Я ненавидел его, даже не будучи с ним знаком.

– А с кем-нибудь еще из этой тюрьмы?

Розенкранц повел рукой, держа в ней кружку.

– Ну здесь, в городе... Может быть. Но только шапочно. На самом деле, я не знаю здесь толком никого, кроме Клотильды. И поэтому эти сволочи из полицейского участка не хотят помочь мне! – Он свирепо вытаращил глаза. – И поэтому помочь мне должны вы! Вы должны найти ее! И дока-

зять...

– Доказать что?

– Что все, написанное о ней в газетах, – ложь!

– В газетах просто написали, что убитый был ее отцом.

– Этого уже более чем достаточно.

– Ну, это вам лучше обсудить с Филиппом Сервьером.

Розенкранц уже прикончил новую пинту и, даже не спросив разрешения, принялся за кружку Пеллетера. Он уже нетвердо держался на ногах – возможно, ничего не ел со времени исчезновения мадам Розенкранц и поэтому пьянел быстро.

Бармен заметил, в каком состоянии находится писатель-американец, и понял, что подремать ему больше не удастся.

Розенкранц начал уже горланить, рассказывать, как он познакомился с Клотильдой и как бросил ради нее жену-американку и сына, до сих пор получающих половину его писательских заработков в Соединенных Штатах.

Пять пинт... шесть... А ведь Пеллетер еще даже не успел и сигары выкурить.

Розенкранц рассказывал, как они решили поселиться здесь, в Вераржане, вопреки всем воплям в Голливуде, и как он любил эту уединенную жизнь, где находилось место только для работы и для любимой жены.

Старик-бармен подошел снова наполнить Розенкранцу кружку, но Пеллетер покачал головой, давая ему понять, что

этого делать не нужно.

Шатаясь и уже почти валясь с ног, Розенкранц повернулся к Пеллетеру.

– Как вы считаете, с ней все в порядке? Не мог тот, кто приходил за ее отцом, прийти и за ней?

– Я думаю, у нее все прекрасно, – заверил его Пеллетер. – А вы вот лучше присядьте-ка.

– А то, что про этих других убитых арестантов говорят, правда?

– А что про них говорят?

– Ну, говорят, будто есть и другие убитые арестанты.

– Да, правда.

Розенкранц хотел поднять свою кружку, но заметил, что она пуста.

– Еще пива! – взревел он. – Уснул ты там, что ли? О чем только думаешь?

Старик, насупившись, налил писателю еще пива, боясь поднять глаза на Пеллетера.

Пеллетер снова предложил:

– Да вы все-таки присядьте!..

Семь пинт... восемь... Розенкранц наконец плюхнулся на табурет и сразу же положил голову на стойку бара. Сдавленным голосом он сказал:

– Я просто не знаю, что делать. Мальчишек этих искали повсюду, а до моей жены никому нет дела. Что мне предпринять?..

Пеллетер подозвал старика и спросил у него насчет такси.
– Здесь нет телефона, – объяснил тот.

Пришлось Пеллетеру идти ловить такси на улице. Серые тучи распались на белесые облачка, мелкими ключьями застывшие на сумеречном небе. Близилась ночь, опять неся с собой множество упущенных возможностей. Когда же сам он наконец сможет поехать домой к своей жене?

Такси нашлось на своем обычном месте перед кафе. Как только Пеллетер объяснил, что ему нужно, водитель сразу все понял. Туда его вызывали уже много раз.

Только усилиями всех троих, включая старика-бармена, Розенкранца удалось вывести вверх по ступенькам и затем из тесного переулочка на улицу. Американца усадили на заднее сиденье, Пеллетер сел рядом с водителем, а старик-бармен вернулся в свою пивнушку.

У Розенкранца там был свой счет, так что бармен не остался бы внакладе за сегодняшнее пиво.

До дома Розенкранца они добрались уже затемно. В прошлый раз, даже в ненастную погоду, дом выглядел милым и уютным, но сейчас казался безжизненным и заброшенным.

Пеллетер вышел из машины, и ему показалось, что в конце дорожки мелькнула тень. Не прихлопывая дверцы, он сделал несколько шагов, всматриваясь в темноту. Мелькнувшей тенью мог оказаться всего лишь шевелящийся на ветру куст... Или там все-таки кто-то был? Кто-то следил за ним? Он продолжал осторожно ступать по дорожке, не обращая

внимания на нетерпеливого таксиста. Тень снова шевельнулась и слилась с оградой.

– Эй!.. Может, подсобите мне немножко? – крикнул ему сзади таксист.

Но Пеллетер, не оборачиваясь, шел вперед, вглядываясь в ночную мглу. Больше никакого движения он не заметил. А может, это была мадам Розенкранц? Да нет, вряд ли – она бы прошла в дом.

– Инспектор!

Пеллетер замер, напрягая слух, потом крикнул:

– А ну выходи!..

Кусты раскачивались на ветру, и больше ничего. Может, просто сказалось вчерашнее переутомление?

– Инспектор! – снова позвал таксист.

Пеллетер повернул обратно. Если кто-то и следил за ним, то все равно вскоре станет известно, кто это делал и зачем.

Таксист корячился возле задней дверцы, безуспешно пытаясь вытащить из машины инертную тушу Розенкранца.

Вдвоем им все-таки удалось это сделать, причем Пеллетер морщился больше от бившего в нос адского перегара, нежели от натуги.

Они под руки поволокли писателя к дому, при этом таксист все время понукал:

– Ну давай же ты, урод!.. Ну давай же!..

На крыльце Пеллетер принялся обшаривать карманы писателя в поисках ключей, но таксист, тронув ручку, обна-

ружил, что дверь открыта. Возможно, Розенкранц боялся, что жена, вернувшись, не сможет войти в дом. А возможно, просто от перевозбуждения последних дней забыл запереть дверь. В конце концов, они с женой потому и переехали жить в Вераржан, что здесь можно было позволить себе не запирать дверей.

Пеллетер с таксистом кое-как протолкнули Розенкранца в дверной проем, Пеллетер только обернулся на пороге, стрельнув взглядом туда, где видел тень. Ему опять показалось, что там кто-то есть. Но сначала нужно было разобраться с пьяным писателем, поэтому он тоже протиснулся в проходную, при этом мысленно спрашивая себя: неужели его недавние открытия стали поводом для преследования?

Когда они вошли, дверь сама медленно захлопнулась за ними. Стучаясь локтями о стены, они потащили пьяного хозяина дома через тесную прихожую.

– Давайте-ка сюда, – предложил таксист, кивнув на первую попавшуюся дверь.

Свет, проникавший в окно с улицы, позволял разглядеть очертания кресла. Они усадили бесчувственного Розенкранца в кресло, и Пеллетер потянулся, растягивая мышцы рук и поясницы. Сердце бешено стучало от физического напряжения.

– Прибавить бы полагается за такое сверх положенной платы, – сказал таксист. Голос его прозвучал в тишине пустынного дома как-то особенно громко.

Пеллетер достал из кармана деньги и протянул их таксисту, не разбираясь в купюрах.

— Да вы-то чего? Он должен платить!

Пеллетер поискал лампу и нашел возле двери газовый светильник, который зажег при помощи своих спичек. Комната оказалась вполне обычной, стандартной гостиной.

— Вы можете ехать. Я тут дальше сам справлюсь.

Таксист только пожал плечами. Он возил инспектора сегодня целый день, но, похоже, не страдал любопытством, и к тому же близилось время ужина. Попрощавшись, он вышел.

Пеллетер подошел к окну. Он знал, что хорошо виден из уличной темноты на фоне освещенной комнаты, но его это вполне устраивало. Это могло дать тому, кто за ним следил, обманчивое ощущение успокоения. Впрочем, единственным, что он мог видеть сейчас за окном, было отъезжающее такси. В свете его фар ни у ограды, ни на улице Пеллетер не увидел ничего. Возможно, тот, кто прятался в тени, уже ушел.

Отойдя от окна, Пеллетер некоторое время задумчиво смотрел на обмякшего в кресле Розенкранца. Сегодня ему стало ясно, что писатель действительно сильно любил Клотильду. А это кое-что значило. Это многое значило.

Пеллетер огляделся. Комнатой, скорее всего, почти не пользовались — это было видно по абсолютно новой мебели и по незатоптанному ковру на полу. Единственным признаком обитания здесь были два встроенных в стены книжных

шкафа по обе стороны камина, набитые книгами на французском, английском и испанском. На столике-тележке для напитков в углу не было ни одной бутылки – только покрытые густым слоем пыли бокалы.

Вернувшись в прихожую, Пеллетер обнаружил там сегодняшнюю почту, валявшуюся прямо на полу. Он собрал ее и просмотрел. Оказалось, что почта была не только за сегодня, а за несколько последних дней – счета, письма из Америки, большой конверт с напечатанным на машинке адресом известного журнала. Все это Пеллетер сложил аккуратной стопкой на столике в прихожей.

Напротив по коридору располагалась столовая, ее Пеллетер мог разглядеть прямо из гостиной. Это была крохотная комнатка, и почти все пространство занимал обеденный стол. Через нее он прошел дальше, в кухню, где было так темно, что ему пришлось снова зажечь спичку в поисках лампы. Светильник здесь был всего один – свисал с потолка прямо над кухонным столом. Клотильда содержала свою кухню в чистоте. Нигде – ни на стенах, ни на полу – ни пятнышка. Ящички на всех шкафчиках начищены до блеска, как и кастрюли со сковородками, аккуратно составленные одна в другую. Над керамической раковиной – водопроводный кран. То есть писатель-американец явно старался обеспечить молодую жену роскошью, которую она непременно должна была оценить.

Из кухни еще одна дверь вела в главный коридор. Из него

одна дверь выходила на задний двор, а другая в кабинет Розенкранца. Писатель оставил там зажженную настольную лампу, озарявшую тусклым светом бумаги и книги, беспорядочно разбросанные повсюду, даже на полу. На письменном столе в рамках стояли фотографии Клотильды и какой-то пожилой супружеской четы – должно быть, это были родители писателя.

Судя по всему, Розенкранц и Клотильда жили в согласии и были счастливой парой, каковой они и представлялись окружающим. Во время встречи с Пеллетером Клотильда была озабочена и расстроена смертью отца, даже сбита с толку и растеряна, но она не выглядела тогда испуганной. То есть вроде бы никакой причины для бегства.

Пеллетер подошел к маленькому окошку между двумя книжными шкафами и сквозь щелочки жалюзи глянул во двор. Там он не увидел никого и ничего. Значит, его предполагаемый «хвост», если таковой был, действовал в одиночку, что, в свою очередь, означало, что он не опасен, так как для эффективной слежки всегда требуются два человека. А думать можно было на кого угодно – перед глазами Пеллетера за эти дни проплыло уже достаточно действующих персонажей. Он погасил лампу на письменном столе Розенкранца и вышел из комнаты.

Затем поднялся наверх – так, для порядка, а не потому, что ожидал там что-то найти. Второй этаж представлял собой одну большую комнату с лестницей, ведущей вниз, посе-

редине и перильцами с трех остальных сторон балюстрады. Сюда через окна попадало больше уличного света. Постель была не прибрана, створки платяного шкафа распахнуты, но это было только признаком отсутствия жены, а не поспешного бегства. Искать здесь было нечего.

Пеллетер снова спустился вниз, уже больше не изучая дом.

Розенкранц пребывал все в той же позе, даже не пошевелился за время отсутствия Пеллетера. Грудь его тяжело вздымалась и опускалась. Скорее всего, ему предстояло теперь провести в этом кресле весь остаток ночи.

Пеллетер вышел из дома, прихлопнув за собой дверь на замок. Вечер был чудесный, чистый и ясный, словно предназначенный для удовольствий. На улице Пеллетер прислушался, не раздадутся ли сзади шаги, но вокруг было тихо. У ближайшего закрытого магазина он остановился якобы разглядеть витрину, а сам украдкой глянул назад, но там не было никого. Если раньше кто-то и следил за ним, то сейчас слежку прекратили.

В вестибюле отеля Пеллетер попросил девушку за конторкой связать его с большим городом, с управлением. С этими пропавшими детьми он совсем забыл позвонить Ламберу. Оставалось только надеяться, что потерянное время не обойдется ему слишком дорого.

Девушка на минутку вышла и, вернувшись, сообщила, что

его могут соединить с абонентом, когда он пожелает.

Пеллетер попросил у нее газету и сказал, что готов уже поужинать.

Она выдала ему свежий номер «Веритэ» и удалилась в обеденный зал сделать распоряжения.

Но Пеллетер даже не заметил ее ухода, так как взгляд его был прикован к кричащему заголовку:

«НАЙДЕНЫ!»

Конечно, Сервьер не смог преподать эту историю в ее простом виде. Он сделал особый акцент на том факте, что пропавшие дети были найдены не жандармами, а двумя горожанами, и вообще всячески поносил шефа Летро и местное отделение полиции за их малоэффективную работу в этот период неожиданного всплеска преступности. Видимо, он и впрямь нацелился прорваться на крупный газетный рынок и для этого выбрал самую верную тактику – поднять шум.

Пеллетер пролистал газету до конца и остановился на статье, посвященной убийству Меранже. «Веритэ» теперь уже не придерживалась идеи, что убийство Меранже как-то связано с пятью убитыми арестантами, найденными в поле. Прежде всего, потому, что Меранже и эти пятеро были найдены в разных местах и при совершенно разных обстоятельствах. Зато «Веритэ» с удовлетворением отмечала, что находящийся в настоящий момент в Вераржане старший инспектор Центрального управления Пеллетер оптимистично настроен в отношении этого дела и утверждает, что уже на-

шел многообещающую новую зацепку, проследить которую он намерен незамедлительно.

Об исчезновении мадам Розенкранц в газете не было упомянуто ни словом. Пеллетер надеялся, что месье Розенкранц оценит эти его старания. Порадовало Пеллетера и то, что Сервьер все-таки послушался его совета и пошел на эту маленькую хитрость. Он решил, что утром постарается подкрепить ее новой.

Закончив с газетой и направляясь в обеденный зал, он краем глаза заметил какого-то человека, сидевшего в кресле в углу. А уже через секунду тот окликнул его:

– Инспектор Пеллетер!

Пеллетер обернулся.

Человек сидел в раскованной позе, нога на ногу, и на коленях у него лежал развернутый свежий номер той же газеты. Костюм его, как всегда, имел безукоризненный вид.

– Я думаю, нам надо поговорить, – сказал Фурнье.

Глава 9

Заместитель начальника тюрьмы

Пеллетер догадался, что Фурнье, должно быть, пришел сюда раньше его и наблюдал за ним исподтишка, пока он изучал газету. Пеллетер не сделал ничего недозволенного, и все же у него осталось неприятное ощущение оттого, что его застигли врасплох. Но с этим уже ничего нельзя было поделать.

– Да, давайте поговорим, – сказал он, подчеркнуто учтивым жестом приглашая Фурнье пройти в обеденный зал.

Фурнье сложил газету, аккуратно разгладив ее на каждом сгибе, так что, когда он закончил, она выглядела как новенькая. Он оставил ее на кресле и вместе с Пеллетером направился в обеденный зал.

Пеллетер уселся лицом к входу и расстелил на коленях салфетку, как будто пришел сюда только ради ужина. Он старался ничем не выдать своей заинтересованности, хотя на самом деле внимательно наблюдал за каждым движением Фурнье.

Заместитель начальника тюрьмы сел напротив – на то самое место, где два дня назад сидела Клотильда-ма-Флёр Розенкранц. Лицо его выражало решимость человека, не намеренного больше откладывать важный разговор.

Он как раз собрался начать его, когда сзади подошла девушка, которая дежурила за конторкой. Не заметив ее, Фур-

ные начал:

– Вы не можете ходить по тюрьме, где вам за благорассудится. Это просто неприемлемо!

– Господин инспектор!..

Фурнье вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, увидел девушку, растерянно разведшую руками.

– Там телефон...

– Ах, ну да!.. – воскликнул Пеллетер, снимая с колен салфетку. – Вы меня извините, месье Фурнье. Я отойду всего на одну минуту. – И, вставая из-за стола, сказал, обращаясь к девушке: – А вы, пожалуйста, сообщите шеф-повару насчет ужина на двоих.

Фурнье, словно испуганный таким поворотом событий, бросил растерянный взгляд на девушку, потом на Пеллетера, потом опять на девушку.

– Нет, я не останусь ужинать.

– Ну конечно же останетесь! – возразил ему Пеллетер. – У вас такие насыщенные утомительные дни были последнее время. А я вернусь через минутку.

Испуг и растерянность Фурнье сменились досадой, но Пеллетер уже вышел из зала и спешил к телефону, чья снятая трубка ждала его на конторке дежурной.

– Алло! Ламбер? Это я... – сказал он в трубку. – Да, мне нужно, чтобы ты нашел мне кое-кого... – Он назвал в трубку имя. – Проверь все отели... Он с женой, поэтому не будет особенно старательно скрываться... Позвони мне, когда

отыщешь его. Или в отель, или свяжись со мной через Летро. Только не упускай его из виду! Отлично... Хорошо... Да.

Пеллетер повесил трубку и вернулся в обеденный зал.

Фурнье сидел, как и прежде, спиной к входу. Сидел, вытянувшись в струнку, распрямив плечи. Пеллетер заговорил сразу же, еще находясь у него за спиной, но на этот раз ему не удалось неожиданностью сбить заместителя начальника тюрьмы с толку.

– Еще раз прошу прощения, но телефонные звонки нельзя игнорировать. Ведь никогда не знаешь, вдруг сообщат что-то важное. И никогда нет уверенности, что ты сможешь связаться с этим человеком в другое время, что у вас обоих в тот момент будет под рукой телефон... – Он сел и опять постелил на колени салфетку. Продолжал с беззаботным видом болтать обо всяких пустяках, зная, что это должно еще больше разозлить Фурнье и вынудить его сделать какой-нибудь неверный шаг. – Нет, можно, конечно, пользоваться телеграфом, но с телеграммами хлопот еще больше, чем с телефонными звонками, так что... Позвольте, так о чем вы говорили-то?

Поджав губы, Фурнье выдыхал через нос. Сдавленным голосом он снова начал:

– Вы не можете ходить...

– Ах, ну да, я не могу ходить по тюрьме, где мне заблагорассудится! Согласен, но у меня был сопровождающий, и мне сказали, что вы очень заняты.

– Это не имеет значения. В тюрьме существует незыблемый порядок, и для его соблюдения необходимо следовать неукоснительным правилам.

– Ой, ну да, конечно, – поспешил согласиться с ним Пеллетер все с тем же невозмутимым видом. – А кстати, где вы были сегодня?

– В результате наших поисков мы вскрыли множество проблем, с которыми пришлось разбираться, пусть даже это и не был нож, которым зарезали арестанта. Управление порядком в тюрьме, знаете ли, задача сложная даже и без всяких дополнительных происшествий. Вот, например, вы не можете держать там своего человека. Это также неприемлемо.

– Моего человека?

– Да. Которому вы поручили изучать папки с делами.

– А-а... Так это не мой человек. Это подчиненный Летро. Вот с Летро и разбирайтесь по этому поводу.

Фурнье презрительно хмыкнул.

– Летро? Знаете, здешний начальник полиции, конечно, хорошо справляется со своей работой, но у нас маленький городок, и работы у него, прямо скажем, не много. И все здесь знают, что этим расследованием руководите вы.

– Да, но это Летро послал своего офицера в Мальниво.

Фурнье от досады стиснул зубы. Глаза его горели злостью.

– Знаете, я не намерен...

В этот момент появился хозяин отеля с двумя тарелками

горячего дымящегося супа.

– А-а, инспектор!.. И месье Фурнье!.. Рад, рад, очень рад! Вот, пожалуйста, кушайте, вам обязательно понравится. Приятного аппетита!

Поставив перед ними тарелки и умиротворенно сложив руки, он постоял немного, потом, попятившись, удалился.

Пеллетер взялся за столовый прибор.

– А какая проблема с... как вы говорите, «моим» человеком?

– Он отвлекает мой персонал от работы и вообще вмешивается в установленный порядок. Я не могу допустить, чтобы посторонний человек постоянно требовал показать ему все бумажки, которые мы оформили за последние два месяца.

«Молодчина Мартен! – подумал Пеллетер. – Как хорошо, что я определил туда именно его. Такая хватка! Надо будет, кстати, отозвать его оттуда завтра же утром».

– Я вам говорил уже, что если вы настаиваете на сотрудничестве, то вам придется научиться верить мне на слово. Доверять всему, что я скажу.

– Тогда вы, может быть, скажете мне, что вам известно о мертвых телах пятерых арестантов, зарытых на фермерском поле в десяти милях от тюрьмы?

Задав этот вопрос, Пеллетер с невозмутимым видом принялся за трапезу, но глазами продолжал изучать Фурнье.

– Что-о? Вы это серьезно? Я не позволю над собой потешаться!

Все с той же невозмутимостью Пеллетер сказал:

– Нет, я совершенно серьезно.

Он достал из кармана свой блокнот, раскрыл его на страничке с записанными номерами погибших арестантов и пододвинул его к Фурнье.

– Вот об этом вы что-нибудь слышали?

Не прикасаясь к блокноту, Фурнье изучил глазами записи.

– Нет, мне об этом ничего не известно.

Пеллетер продолжал есть свой суп и внимательно наблюдать за Фурнье. Заместитель начальника тюрьмы по-прежнему злился, но теперь уже, кажется, не на Пеллетера. Он растерянно отвел взгляд. Судя по его озадаченному виду, он был откровенно удивлен этим открытием. Он-то считал, что держит все события в тюрьме под контролем, а оказалось, знал далеко не все.

– А когда это было сделано? – спросил он, снова устремляя взгляд на Пеллетера. – Может, это произошло несколько лет назад...

То есть до его назначения, хотел он сказать.

– Нет, это произошло за последние несколько недель.

Фурнье снова отвел взгляд. Когда он опять посмотрел на инспектора, злости на его лице уже не было – только какой-то заговорщицкий вид.

– Вы должны понять... начальник тюрьмы... – Он замаялся, вероятно пытаясь решить, настало ли время выступить против начальства. – Вы понимаете, начальник тюрьмы на-

чинал свою карьеру в Мальниво с надзирателя. Годами вышагивал по коридорам, стоял с винтовкой на посту, по многу часов сидел в холодном караульном боксе. Образования у него нет, он даже в школе не учился. Из Вераржана почти никогда не выезжал, разве что изредка выбирался в большой город или на несколько деньков отдохнуть на побережье. Для него заключенные – это враги, которых все время нужно держать под контролем. Враги и больше ничего... И они враги, это действительно так, я не спорю, но с ними нельзя вести себя с позиции одной только силы и демонстрации власти... Я изучал процесс управления. Я работал в частном секторе, занимался грузоперевозками и знаю, что все должно планироваться заранее, все нужно сначала рассчитывать на бумаге. На бумаге! И я всегда именно так и поступал. И все эти расчеты обязательно должны быть адресованы конкретным людям... На судах или в доках... Конкретным людям, понимаете? Конкретным!.. И в тюрьме должен действовать тот же принцип. Потому что арестанты тоже люди. Но они вместе с тем представляют собой нечто вроде груза, который нужно транспортировать, складировать, сохранять, охранять. А это означает большое количество бумажной работы. А также усердие и знание своего дела.

Он сейчас говорил вполне искренне и раскрывался прямо на глазах. Пеллетер молчал, не желая прерывать эту исповедь. Но Фурнье принял его молчание за сочувственное желание выслушать. Все-таки они, в некотором роде, были

коллегами.

– А начальник тюрьмы привык действовать только силой, только демонстрацией власти, – продолжал Фурнье. – Ему совсем не свойственна ни тонкость ходов, ни хитрость.

– Вы хотите сказать, что этих людей убил начальник тюрьмы? – огорошил его неожиданным вопросом Пеллетер.

Фурнье смутился.

– Нет конечно... – сказал он, качая головой. – Начальник тюрьмы? Да нет, ну какой из него убийца?!

Пеллетер продолжал есть суп. Почти уже доел его.

– Я просто хочу сказать, что начальник тюрьмы некомпетентен. Вы даже не представляете, какую работу мне приходится проделывать, чтобы сохранять там порядок, и с какими вещами приходится бороться буквально на каждом шагу! Я считаю, для всего, для каждого шага, нужна должностная бумага, а начальник тюрьмы всегда этому противостоит. А потом порядок рушится, трещит по швам, какие-то вещи просто ускользают в эти щели... – Он поднял руку и уронил ее с видом полной сокрушенности.

Пеллетер отодвинул пустую тарелку.

– Ну, например, отсутствующие люди считаются присутствующими.

– Да, например, – усмехнувшись, согласился Фурнье.

Пеллетер молча ждал, когда заместитель начальника тюрьмы скажет что-нибудь еще.

Фурнье снова оживился.

– Вы не можете мною помыкать. Я работал в большом городе и сделал себе карьеру в двух других тюрьмах общесоударственного значения. – Он замолчал и распрямился на своем стуле. К еде он даже не притронулся – он черпал силы, просто рассказывая свою историю. – Отзовите своего человека.

Пеллетер достал из кармана сигару и прикурил ее, выдувая дым, повисающий над столом. Потом тихим голосом как ни в чем не бывало спросил:

– Как Меранже оказался за пределами тюрьмы?

Фурнье, удивленный этим вопросом, буквально взорвался:

– Я не знаю! Я делаю все, чтобы...

– Значит, недостаточно делаете! – рявкнул Пеллетер, в один миг преобразившись, и теперь от добродушного исповедника и разговорчивого простофили не осталось и следа.

Фурнье, сдерживая ярость, спросил:

– Вы меня в чем-то обвиняете? Считаете, я в чем-то замешан?

– Ну, не без этого, – кивнул Пеллетер.

Фурнье посмотрел на свою нетронутую еду, потом в окно, затем обвел глазами пустой обеденный зал, не в силах сосредоточить взгляд. Наконец он опять перевел его на Пеллетера и вдруг взорвался, как пороховая бочка. Его предыдущий гнев не шел ни в какое сравнение с той яростью, которая его сейчас обуяла, которая буквально сотрясала все его тело.

– Да как вы смеете?! – выкрикнул он, почти задыхаясь.

Пеллетер, спокойный и невозмутимый, выдул клуб табачного дыма.

Фурнье вскочил из-за стола, чуть не уронив стул, который не упал только благодаря стулу от стоящего сзади столика. Фурнье поправил оба стула и помчался к выходу. Через минуту с улицы донесся звук заводимого мотора и визг шин – то есть Фурнье еще не совладал со своим гневом.

Пеллетер невозмутимо наслаждался сигарой, над головой его витали клубы табачного дыма. Маленький городок Вераржан с наступлением темноты погрузился в сон.

В своем гостиничном номере, потушив свет, Пеллетер долго лежал и не мог уснуть, несмотря на то, что невероятно устал за день и за вечер.

Он все вспоминал свой разговор с заместителем начальника тюрьмы.

Фурнье был искренне удивлен, когда Пеллетер рассказал ему о пятерых убитых арестантах, найденных в поле. Меранже можно было считать шестым, а заключенного, на которого напали с ножом, – седьмым... Таким образом, напрашивался вывод, что кто-то убивает людей прямо в тюрьме. Но главный и основной вопрос, который Пеллетеру задал Маусье, а Пеллетер задал его сегодня Фурнье, а сейчас, снова и снова, задавал самому себе, заключался в следующем:

Как эти мертвые тела оказались за пределами тюрьмы и

почему при этом никто об этом ничего не знал?

Или вопрос можно было поставить иначе:

Кто вывез мертвые тела из тюрьмы и почему при этом никто об этом ничего не знал?

На самом деле Пеллетер был убежден, что Меранже убили в стенах тюрьмы. И если Фурнье действительно ничего не знал...

Пеллетер попытался припомнить всех, кого он видел за три своих визита в тюрьму, но таких людей было слишком много, и к тому же он там видел далеко не всех. Собственно, в этом и заключалась проблема – он видел далеко не всех.

Он снова и снова прокручивал это в мозгу, спрашивая себя, кто мог вывезти из тюрьмы тело Меранже, и незаметно уснул.

Глава 10

Очередь на допрос

На следующее утро, выйдя из отеля, Пеллетер успел сделать всего пару шагов, как его остановили.

– Инспектор Пеллетер! Вы довольны моей статьей? Как-никак спецвыпуск!..

Это был Филипп Сервьер.

Пеллетер, даже не глянув в сторону репортера, молча развернулся и направился в полицейский участок. Город кипел утренней деловой жизнью. Мужчины спешили на работу, женщины, любительницы походов по магазинам, уже возвращались с покупками. Два пожилых горожанина уселись на привычные места у памятника на площади. Возможно, местные жители относились к последним событиям как к проблеме, касающейся только самой тюрьмы, а никак не их города.

Сервьер сбежал вслед за Пеллетером по ступенькам.

– Мы уже готовим сегодняшний спецвыпуск! Убойные новости! Хотите что-нибудь добавить? Я могу пустить в номер. Как вы думаете, удастся нам вспугнуть убийцу?

Пеллетер шагал не останавливаясь. Он проснулся сегодня с настоящей потребностью действовать, как-то подкрепить делом свои вчерашние обещания в газете, и эта ходьба сейчас была ему на пользу – наконец-то действие вместо за-

тянувшегося ответного реагирования.

– Мне нужно как-то оживить всю эту историю. Я не могу больше замалчивать исчезновение Розенкранцевой жены! Инспектор!.. Может, скажете что-нибудь? Какие-нибудь комментарии?..

Они уже подходили к зданию мэрии, где на площадке стояла припаркованная полицейская машина. Пеллетер завернул за угол, направляясь к дверям полицейского участка.

– Я думаю, – следуя за ним по пятам, продолжал Сервьер, – что у мадам Розенкранц могла быть только одна причина для бегства – это если она убила своего отца. И вы допускаете большую ошибку, не проявляя интереса к ее розыску.

Пеллетер, уже стоя на ступеньках, резко повернулся к Сервьеру. Тот от неожиданности даже отпрянул.

– Вы так и собираетесь написать в своей газете? – спросил Пеллетер.

– Ну да... – ответил Сервьер, чья самоуверенность заметно поубавилась.

– Я бы на вашем месте дважды подумал, делать ли это. Месье Розенкранцу это очень не понравится.

– Я печатаю свои материалы не для того, чтобы кому-то понравиться. Я печатаю новости.

– Но это же не новость, а всего лишь ваши домыслы. – С этими словами Пеллетер повернулся и скрылся за дверью, оставив растерянного Сервьера одного на лестнице.

Атмосфера, царившая в полицейском участке, являла собой полную противоположность безмятежности нежащегося на солнышке города. Здесь опять бушевали страсти. Все та же старушка с твякающей собачонкой на руках опять обвиняла очередного водителя в попытке совершения собакоубийства. С обеими возмущенными сторонами безуспешно пытались справиться два офицера. Весь этот гвалт перекрывал зычный голос месье Розенкранца, который, нависая над другим столом, орал на третьего офицера, два дня назад помогавшего Пеллетеру с выкапыванием гробов.

Завидев Пеллетера, Розенкранц, отстав от полицейского, сразу бросился к нему.

– Она так и не появилась, представляете? – сказал он.

– Да я обязательно помогу вам! – крикнул ему офицер.

– Я вижу, сегодня вы крепче на ногах держитесь, – язвительно заметил Пеллетер.

– Да я просто в панике, не нахожу себе места!

– Вот этот офицер примет у вас заявление, – сказал Пеллетер, жестом приглашая Розенкранца вернуться к столу.

– Да эти офицеры должны были принять у меня заявление еще несколько дней назад! У меня жена пропала. Она, может, мертвая где-нибудь лежит, а они тут чем занимаются?! Какими-то шавками, какими-то ребятишками!.. Ее отца убили, могли убить и ее. Могли же ведь? Вырезать целую семью. И этим как раз вы и должны сейчас усиленно заниматься.

– Надо же, это уже вторая версия, которую я слышу за сегодняшний день. А первая была такая, что ваша жена убила своего отца и поэтому сбежала.

– Кто это сказал?

– Вы справлялись в станционной кассе? Она на поезд садилась?

– Я справлялся. Нет, не садилась. А все-таки кто сказал, что она убила своего отца?

– А как насчет машины?

– Машина у меня есть. Но она могла уехать из города, голосуя на дороге. Да и вообще, при чем тут это? Я считаю, что ее могли убить. И все-таки требую, чтобы вы сказали, кто несет эту чушь насчет того, что она убила своего отца!

Офицер, устав ждать Розенкранца, вернулся за свой стол.

– Сервьёр. Он собирается напечатать это в «Веритэ». Он, кстати, сейчас снаружи околачивается.

– Да я ему сейчас... – взвился Розенкранц и, не договорив, опрометью бросился к двери.

– Сработало! – удовлетворенно заметил Пеллетер, улыбаясь офицеру за столом.

От истошного тьяканья собачонки в ушах стоял звон.

На пороге своего кабинета показался Летро, осунувшийся, как будто не спал всю ночь, какой-то всклокоченный и помятый.

– Что здесь происходит? – устало возмутился он.

Пеллетер подошел к Мартену, доставая из кармана свой

клеенчатый блокнот.

Увидев инспектора, Летро тоже подошел к стойке дежурного офицера, но тут собачонка снова зашлась в визгливом лае, и Летро, повернувшись к офицерам, взревел:

– Уберите отсюда эту живность!

Хозяйка собачки мгновенно переключила свою шумную тираду на Летро, и он тут же оказался втянут в разборки.

Пеллетер дал Мартену переписать арестантские номера из своего блокнота. По тому, как старательно молодой полицейский переносил к себе цифры, было видно, что он очень горд тем, что Пеллетер выбрал для этого задания именно его. Закончив, он поднял на инспектора выжидательный взгляд, каким обычно смотрит на уважаемого учителя прилежный ученик.

– Мне надо, чтобы ты опять съездил в тюрьму, – сказал Пеллетер. – Ищи там все, что имеет отношение к этим пяти арестантам. Меранже тоже проверь. Смотри, не найдется ли чего необычного в этих папках.

К ним вернулся Летро, которому наконец удалось отбиться от старушки.

– И вот так целое утро! – посетовал он. – Розенкранц ушел?

– Я натравил его на Сервьера.

Летро смотрел на него вопросительно и как-то растерянно.

Пеллетер похлопал его по плечу.

– Ничего, все будет хорошо. Мы уже на верном пути.

Но Летро только недоверчиво покачал головой.

– Не знаю, о чем ты.

Мартен все еще вопросительно смотрел на Пеллетера, ожидая дальнейших распоряжений.

Пеллетер, кивнув на дверь, сказал ему:

– Давай, действуй!

Мартен с готовностью вскочил, но Пеллетер остановил его.

– И передай Фурнье, что я тоже скоро подъеду. И чтобы он собрал мне там весь персонал. Всех! Даже тех, кто сейчас не в смене. Я хочу видеть всех, кто там работает.

Мартен подождал, не последует ли других распоряжений, и бросился к двери.

– Ничего себе! Ты командуешь моими подчиненными? – сказал Летро.

– Надеюсь, ты не возражаешь? Знаешь, у меня появилась одна идея, и я намерен ее проверить. Мы с тобой скоро тоже поедem в тюрьму.

– Опять?

– Да. Только сначала сходим к дому пекаря.

Летро покачал головой.

– Ну ты даешь! Я с этими трупами и с пропавшими детьми просто совсем покоя лишился, а у тебя вид такой счастливый, словно у ребенка на рождественском празднике.

– Да ладно, счастливый... Обыкновенный вид. Как там де-

ти, кстати?

– Да ничего страшного. Марион... ну, мадам Перро... та даже в худшем состоянии. А у ребятешек только температура высокая. Несколько дней полежат в постели и выздоровеют.

– Ну и хорошо, – сказал Пеллетер с совершенно серьезным видом. – Это очень хорошо.

На улице теперь все настойчивее веяло весной. Вераржан расцветал на глазах, и в нем уже нельзя было узнать того унылого, затянутого дождливой пеленой городишки, в который Пеллетер прибыл несколько дней назад.

Они еще только шли через площадь, когда встретили самого месье Бенуа. Обрадовавшись, он сразу бросился к ним.

– Инспектор! Шеф!.. Вы должны что-то сделать с этим... Всем необходимо услышать, как я нашел труп. У меня в булочной уже целая толпа собралась!

– Так это же хорошо, – сказал Летро.

– Да хорошо-то оно хорошо, только... Пекарь ссутулил плечи и отвел взгляд. – Только знаю я, как все это будет. Если вы не найдете убийцу, то скоро мое имя прочно свяжут с этой историей. Подумают люди про мою булочную и тут же вспомнят про труп. А какой уж тогда бизнес? Тогда бизнесу моему конец!..

Пеллетер поспешил его успокоить:

– Не волнуйтесь. Мы сейчас как раз этим и занимаемся. Вот, идем к вашему дому еще разок взглянуть на место, где

было найдено тело. Еще раз говорю вам, не волнуйтесь. Скоро все разрешится.

– Да? – Бенуа посмотрел на Летро.

– Да, – заверил тот. – Так что бегите скорее в свою булочную, пользуйтесь таким наплывом народа. Супруге вашей, наверное, помощь нужна за прилавком?

Бенуа растерянно оглянулся в сторону своего магазина.

– Ага... да... – проговорил он, кивая. – Только вы обязательно найдите этого убийцу! Чтобы мое имя... – Не договорив, он сорвался с места и заспешил обратно в свою булочную.

Летро сокрушенно покачал головой.

– Весь город на ушах стоит.

На это Пеллетер ничего не сказал, и они возобновили путь.

– А я думал, ты уже обшарил улицу возле пекарни, когда искали детишек мадам Перро.

– Обшарил.

– Тогда что ты ожидаешь там найти?

Пеллетер улыбнулся, прикуривая сигару.

– Свежий воздух и приятного спутника.

Они продолжили путь. Задачей Пеллетера сейчас было дать Мартену время добраться до тюрьмы и заставить Фурнье согнать в кучу весь персонал. Просто Пеллетер считал, что после вчерашнего будет честнее на этот раз предупредить Фурнье заранее.

Они добрались до дома Бенуа. Сейчас это опять была тихая улочка в спальном районе. Какой-нибудь приезжий, проходя по этому месту, ни за что бы ни догадался, что всего несколько дней назад здесь в придорожной канаве было найдено мертвое тело.

Попыхивая сигарой, Пеллетер внимательно смотрел под ноги и на окружающие дома – просто на тот случай, если что-то пропустил в прошлый раз. И он еще решил, если его план не сработает, обязательно опросить всех соседей – не видели ли они чего-нибудь в тот вечер. Но план должен был сработать. Вчера Пеллетер, засыпая, все думал о том, как Меранже оказался за пределами тюрьмы, а проснувшись утром, Пеллетер уже твердо знал, что если он сможет найти ответ на этот вопрос, то и дело будет раскрыто.

Он продолжал топтаться вокруг того места, попыхивая сигарой, пока не выкурил ее до конца. Тогда, наконец оторвав взгляд от земли, сказал:

– Хорошо.

– Нашел что-нибудь? – оживился Летро.

Пеллетер удовлетворенно кивнул и, глянув на Летро, сказал:

– А теперь поехали в тюрьму!

Впереди показалось теперь уже хорошо знакомое здание Мальниво. Даже в такой погожий солнечный день оно представляло все тем же унылым вместилищем грешных душ, за-

ключенных в его стенах.

Они подождали, пока караульный откроет им ворота.

– Я все-таки не понимаю, зачем мы здесь, – недоумевал Летро. – Мартен ведь вполне способен справиться со всей этой бумажной работой самостоятельно.

– А мы сюда приехали не ради бумажек, – сказал Пеллетер, с нетерпением глядя вперед. – Мы сюда приехали выстроить всех на допрос.

На площадке перед входом сегодня стояло гораздо больше автомобилей, чем в прошлые их визиты, – Летро даже с трудом втиснулся с самого краешка.

– Неужели ты рассчитываешь допросить всех заключенных? – удивился Летро, вылезая из машины.

– Не заключенных, нет.

Разгадав замысел инспектора, Летро усмехнулся, но тут же нахмурился.

– Но Фурнье это точно не понравится.

– Вот поэтому я и дал ему время привыкнуть к этой идее.

Фурнье был совсем не рад видеть их. Он старательно отводил взгляд, но все время забывался и боязливо поглядывал на Пеллетера, прикрываясь, словно щитом, своей папочкой.

Пеллетер объявил свой план:

– Я хочу опросить всех до единого работников тюрьмы. Всех – надзирателей, медперсонал лазарета, служащих канцелярии, работников столовой. Мы будем беседовать с каж-

дым из них по одному. Для этого нам вполне подойдет комната для допросов, где я в среду беседовал с Мауссье. Вы только должны построить их всех в ряд в коридоре.

– Но это оскорбительно для нашего персонала! – попытался возразить Фурнье, не отрывая взгляд от папочки. – И это будет вопиющим нарушением внутреннего распорядка!

– Минимум один из здешних работников имеет отношение к совершенному преступлению. Вывезти мертвые тела из здания возможно только при участии кого-то из персонала.

– Но я все-таки не понимаю, откуда вообще могли взяться здесь мертвые тела, о которых мне ничего не известно!

– Но они же откуда-то взялись. Так что давайте-ка лучше приступим к делу.

– Когда начальник тюрьмы...

Пеллетер только изогнул брови, и Фурнье не стал продолжать. Он лишь выжидательно помолчал немного и отправился отдавать распоряжения.

Надзиратель впустил Пеллетера и Летро в комнату для допросов. Из соседнего помещения принесли еще один стул, поставив его по другую сторону стола, напротив сидящих за ним Летро и Пеллетера. Пеллетер выложил на стол свой блокнот и карандаш, раскрыл блокнот на чистой страничке, но не притронулся к нему, когда начался допрос.

– Пожалуйста, садитесь, – сказал Пеллетер надзирателю, впустившему их сюда.

Надзиратель смутился, оглянулся посмотреть, не стоит ли кто сзади, но понял, что эти слова были адресованы ему.

– Мы вполне можем начать прямо с вас, – сказал Пеллетер, указывая ему на пустующий стул.

Надзиратель вытер вспотевшие ладони о брюки и, тяжело опустившись на стул, уставился куда-то поверх головы инспектора.

Инспектор Пеллетер приступил к допросу.

– Как вас зовут?

– Жан-Клод Демаршелье.

– Как давно вы работаете в тюрьме Мальниво?

– Пришел сюда сразу после окончания школы.

Пеллетер недовольно повел бровью, и надзиратель уточнил:

– Три года.

– Вам здесь нравится?

Надзиратель пожал плечами:

– Ну, работа как работа...

– Но платят вам здесь все-таки недостаточно.

Надзиратель опять пожал плечами.

– Может быть, вы не исключаете возможности немного подзаработать на стороне? Ну, скажем, раздобыть что-нибудь для арестантов. Или помочь что-то спрятать.

Надзиратель теперь смотрел Пеллетеру прямо в глаза, энергично замотав головой.

– Нет. Никогда! Ничего такого! Я просто выполняю свою

работу и ухожу домой. И все.

— Ну а если, например, вас просят сделать что-нибудь такое, что идет вразрез с правилами, то вы исполняете просьбу? Например, если об этом попросит кто-то из начальства. Фурнье. Или начальник тюрьмы. Вы же не хотите потерять работу?

— Нет. Я никогда ничего такого не делаю! — Надзиратель беспомощно посмотрел на Летро, словно ища у него подтверждения, но тот только наблюдал с непроницаемым видом. Тогда, все так же беспомощно, надзиратель оглянулся на открытую дверь и снова посмотрел в лицо следователям. — Я выполняю только свою работу. — На лице его было умоляющее выражение. Казалось, он вот-вот расплчется.

— Хорошо. Вы можете идти.

Парень некоторое время продолжал сидеть, словно не слышал сказанного, потом выдохнул с облегчением и поднялся. Он уже направился к двери, когда Пеллетер остановил его:

— Только запишите еще вот в этом блокноте свое имя.

Парень вернулся к столу записать свое имя. Почерк у него был крупный, как у ученика младших классов.

Когда он вышел из комнаты, Летро повернулся к Пеллетеру.

— Ты и впрямь надеешься что-то выяснить таким вот способом? Он же запросто мог лгать.

— Он не лгал.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Мы сейчас, скорее всего, просто теряем время. Может, нам действительно следует искать мадам Розенкранц. Беснуа-то прав – скоро город начнет гудеть.

– Вызывай следующего.

Летро встал, вышел за дверь и вернулся с другим надзирателем. Снова сев за стол рядом с Пеллетером, он шепнул ему на ухо:

– Там очередь до конца коридора!

Допрос проходил так же, как и первый, а за ним следующий, а за тем – все остальные. Пеллетер уже наловчился задавать вопросы в определенном ритме. Имена, записанные в его блокноте, уже занимали две колонки.

Приходил Фурнье. Какое-то время он наблюдал за допросами, стоя за спиной у Пеллетера, но продержался недолго и ушел. А Пеллетер продолжал беседовать с персоналом тюрьмы, которому не было видно конца. В какой-то момент ему даже показалось, будто он наконец что-то нащупал, но выяснилось, что допрашиваемый надзиратель просто поставлял сигареты некоторым заключенным. Одна из работниц столовой призналась, что носила домой еду, чтобы кормить семью и экономить на домашних расходах.

Ни один из опрошенных так и не ответил утвердительно на вопрос, приходилось ли ему выполнять какие-нибудь просьбы начальства, идущие вразрез с правилами. И все

опрошенные расходились в показаниях относительно количества убитых арестантов.

После четырех часов таких вот бесед Пеллетер наконец поднял руку, объявляя перерыв.

– Я же говорил тебе, это ни к чему не приведет.

– Как это? Очень даже приведет.

– Ты хочешь сказать...

– Сколько там еще за дверью народу?

– Да полно! Человек тридцать минимум.

– Значит, будем продолжать.

Пеллетер закурил сигару и сделал несколько затяжек в молчаливой задумчивости. В его блокноте был уже длинный список имен, написанных разными почерками. Но в этом списке пока не было нужного имени.

Табачный дым, клубясь, поднимался к потолку, где дым от предыдущих сигар висел удушливым сизым маревом. Допросы оказались изматывающим занятием, но Пеллетер не сомневался, что ему удастся что-нибудь откопать. Кто-то из этих людей должен знать о вывозе мертвых тел. А ему просто нужно определить, кто из них это знает.

Он сделал Летро знак запускать следующего. Летро привел из коридора молодого парня, надзирателя, и все трое расселись по своим местам. Парень был лет двадцати двух, не больше, – бородка, которую он пытался отращивать, выглядела пока только как нежный пушок.

Пеллетер приступил к допросу:

– Как вас зовут?

– Жан Ампермон.

Пеллетер нахмурился.

– Вы – тот самый надзиратель, который отметил Меранже как присутствующего на перекличке на следующее утро после его убийства?

Парень опустил глаза, разглядывая руки на коленях.

– Да, – едва слышно проговорил он.

Глава 11

Сдвиг в расследовании

Фурнье утверждал, что надзиратель за свои действия получил выговор, а уж Фурнье, надо полагать, был большим мастером устраивать взбучки, в этом Пеллетер не сомневался. Поэтому он решил смягчить тон.

– Как давно вы здесь работаете?

Парень медлил с ответом, поначалу им даже показалось, что он не станет отвечать вовсе. Наконец, все так же смущенно разглядывая руки на коленях, он проговорил:

– В следующем месяце будет год.

– А до этого?

– До этого ничего... Пробовал поступить в университет, не получилось... Помогал отцу малярить, потом вот сюда пришел.

За все это время парень ни разу не оторвал глаз от колен, ни разу не посмотрел в лицо Пеллетеру и Летро. Перед ними сидел человек, хорошо знакомый с неудачами. Человек, который за свою короткую жизнь пробовал себя в разных областях, но ни в одной из них ему, похоже, не сопутствовало везение. И сейчас он наверняка предчувствовал, что эта новая неудача приведет его к увольнению – для этого Фурнье только должен дожидаться возвращения начальника тюрьмы – и что ему опять придется начинать все сначала где-то в

другом месте.

Пеллетер, оживившись, даже подался вперед, но при этом сохранял мягкость тона.

– Вы можете рассказать, что произошло в среду утром?

– Да ничего не произошло! – выпалил парень и тут же заметно смутился, по-видимому, испугавшись, что таким эмоциональным выплеском только еще больше навредил себе. – Ничего не произошло, – повторил он уже спокойнее и с мольбой в глазах. Набрав в грудь воздуха, он пояснил: – Каждый надзиратель отвечает за перекличку в своем блоке. Но по утрам это всего лишь формальность, потому что... Ну а куда денутся за ночь заключенные?.. Ну могут, конечно, умереть...

Он вдруг умолк, сообразив, что сказал не то.

Летро заерзал на своем стуле, но Пеллетер, сохраняя невозмутимость, внимательно наблюдал за парнем, а тот продолжал:

– Мы ведь даже не выводим их на перекличку. Надзиратель просто идет по своему блоку вдоль камер и выкрикивает имена, а заключенные отзываются. И надзиратель отмечает, что все присутствуют. Нам, конечно, положено заглядывать в камеры в дверное оконце, но никто этого не делает. Я шел в то утро по блоку, выкликнул имя Меранже, мне отозвались: «Здесь!», и я отметил его как присутствующего.

– А откликнулись откуда? Из самой камеры?

– Мне показалось, да. – Он беспомощно уронил руки и

покачал головой. – А вообще не знаю...

– А кто велел вам отметить его как присутствующего?

– Никто.

– Фурнье?

Парень, еще больше смутившись, качал головой.

– Нет, никто. Никто мне ничего не велел! Просто я услышал, как откликнулись: «Здесь!» Точно так же, как и всегда.

– Ну кто все-таки? Начальник тюрьмы?

Летро громко кашлянул и заерзал на своем стуле.

– Нет. – Парень тарасил глаза от страха. – Нет, никто! Просто он сказал: «Здесь!», ну я и отметил его как присутствующего.

– Хорошо, – сказал Пеллетер, откинувшись на спинку стула.

Он вставил в рот сигару, но обнаружил, что та уже погасла. Тогда он стряхнул пепел с ее кончика на пол.

– Это все? – спросил парень.

– Да. Только запишите свое имя вот в этой тетради и позовите там следующего, – сказал Пеллетер, вновь прикуривая сигару.

Парень потянулся к блокноту так, словно ожидал наткнуться там на капкан. Чтобы успокоить его, Пеллетер даже нарочно отвернулся, словно и забыл про его существование. Парень написал свое имя и на цыпочках вышел.

– Слушай, Пеллетер... – начал было Летро, но в комнату уже вошел следующий надзиратель.

Это был крепкий, рослый человек, гораздо старше всех, кого они успели допросить, примерно того же возраста, что и сам инспектор, и на висках его уже серебрилась седина. Он уселся на стул уверенно, выпятив широкую грудь и круглый живот, и смело посмотрел Пеллетеру в глаза.

– Мне вообще-то нечего рассказывать, – сразу заявил он.

Летро заметил, что Пеллетера как будто подменили. Движения его стали медленными и плавными, а веки наполовину прикрылись.

– Ну, имя-то свое вы нам назовете?

Дюжий надзиратель всосал в себя нижнюю губу и заерзал на стуле.

– Пассемье.

– Как давно вы здесь работаете?

– Тридцать два года.

Пеллетер изогнул брови и кивнул.

– Внушительный срок.

– Да. Я здесь работаю дольше остальных.

– Но не дольше начальника тюрьмы, – заметил Пеллетер. – Он тоже ведь начинал свою карьеру здесь.

– Да, мы вместе начинали.

– И как же получилось, что вы не стали начальником тюрьмы, а он стал?

Пассемье опять заерзал, на этот раз поджав губы. Он задумался перед тем, как ответить, явно соизмеряя то, что уже

успел сказать, и то, что только собирался.

– Ну, место только одно. Мы же не можем все стать начальником тюрьмы. А он... хороший человек. И отличный друг.

Пеллетер перевернул блокнот к себе лицом – что-то там его вдруг заинтересовало даже больше, чем допрос.

Пассемье ничего не говорил – ждал.

– А вот об этом вам, значит, ничего не известно? – сказал Пеллетер, не отрывая глаз от блокнота, хотя пока не прочел там ни строчки, так как исподтишка внимательно наблюдал за надзирателем.

– О чем «об этом»?

– Ну вот об этом. – Пеллетер перевернул блокнот и пододвинул его к надзирателю.

– О Меранже, что ли? – сказал тот, скосив взгляд на записи, и поднес руку к подбородку.

Пеллетер сделал рукой жест, но что тот означал, трудно было сказать.

Пассемье снова принял самоуверенную воинственную позу.

– Ничего мне о нем не известно.

– Ладно, – сказал Пеллетер и, взяв блокнот, раскрыл его на пустой страничке. – Вы не могли бы написать вот здесь свое имя?

Надзиратель удивился:

– Это все, что ли? – Он, по-видимому, ожидал вопроса с

пристрастием и теперь смотрел на Пеллетера и Летро в некоторой растерянности.

– Ну да. Мы же видим, вам нечего сказать. Вам ничего не известно обо всем этом. Вы здесь старый, заслуженный работник. Так что мне больше не о чем у вас спрашивать.

Пассемье пожал плечами и как-то сразу расслабился, даже его округлое пузо размякло и выпятилось. Он стал записывать свою фамилию, причем держа блокнот не на столе, а взяв его в руки. Закончив, он отложил блокнот в сторону, шумно выдохнул, посмотрел на следователей и встал, хлопнув себя по ляжкам.

Когда он был уже в дверях, Пеллетер вдруг сказал:

– Еще только один последний вопрос... А сколько нападений с ножом произошло в тюрьме за этот месяц?

– Семь, – ответил Пассемье, уже взявшись за дверную ручку.

– Так много?

Пассемье повел плечами.

– Такое здесь и раньше случалось, но только не так часто.

– Спасибо. Больше никто не смог назвать нам точную цифру.

Пассемье кивнул и вышел.

– Думаешь, он знает что-то? – спросил Летро, как только они остались одни.

– Не думаю, а уверен, – ответил Пеллетер, снова закуривая свою сигару. – Он назвал цифру «семь», а другие назы-

вали не больше четверки.

– Ну, так и что теперь?

– Как что? Продолжаем.

* * *

Но оставшихся работников тюрьмы Пеллетер допрашивал уже без интереса – ему словно теперь уже не терпелось поскорее закончить. Некоторых он даже поручил допрашивать Летро. Летро вел допрос тем же методом, и Пеллетер только иногда вмешивался, когда ему казалось, что Летро что-то упустил. Впрочем, никто больше не вызвал у него заинтересованности.

В канцелярии Пеллетер напрямик направился к Мартену, который и впрямь занимал угловой стол, замеченный Пеллетером накануне. Стол был завален папками с личными делами заключенных.

– Ну как? – поинтересовался Пеллетер.

Мартен молча протянул ему стопку из шести папок. Верхняя заключала в себе личное дело Меранже. Последней в деле была запись о переводе Меранже в государственную тюрьму в Сегре.

Пеллетер пролистал пять остальных дел. Это были личные дела пятерых арестантов, найденных зарытыми в поле. Все они тоже были переведены в тюрьму в Сегре.

– Та-ак, хорошо... – сказал Пеллетер, протягивая папки

Летро, чтобы тот тоже мог посмотреть.

– В Сегре нет никакой тюрьмы, – сказал Мартен, не вставая из-за стола и глядя на инспектора.

– Я знаю.

– Бог ты мой!.. – воскликнул Летро.

Пеллетер подошел к одному из столов и взялся за телефонную трубку. Пока он ждал соединения, пришел Фурнье.

– Ну? Вы довольны теперь, когда запугали весь мой персонал?

Повернувшись к нему спиной, Пеллетер стал говорить по телефону.

Задетый таким пренебрежением, Фурнье спросил у Летро:

– Кому он звонит?

– Не знаю, – ответил тот.

Повесив трубку, Пеллетер сказал:

– Так, хорошо. А как там поживает наш вчерашний раненый?

Этот вопрос, похоже, сбил Фурнье с толку. Он ожидал чего-то другого.

– Да у него все хорошо.

– Ладно. С вами, я надеюсь, мы увидимся чуть позже.

– Секундочку! Подождите! А что происходит?

Пеллетер повернулся к Мартену, показал ему свой блокнот и сказал:

– Отделите вот эти два дела. Потом просмотрите все записи отдела кадров. Я хочу знать, кто еще устроился сюда в то же время и до сих пор числится в штате. – Он помолчал и прибавил: – Или числился до недавнего времени.

Мартен вышел.

– Я требую, чтобы вы объяснили мне, что здесь происходит! – взорвался Фурнье.

Пеллетер улыбнулся, но это, похоже, только еще больше разозлило Фурнье.

– Скоро все узнаете, – пообещал Пеллетер. – Как только прибудет первый утренний поезд. Мы уже почти закончили.

С этими словами Пеллетер повернулся к Летро и направился к выходу. Летро последовал за ним.

– Подождите! – крикнул им вдогонку Фурнье.

– Мы поставим вас в известность, – на ходу ответил ему Пеллетер.

Вскоре они с Летро уже шли к своей машине, ожидавшей их на залитой солнцем стоянке.

Глава 12

Мадам Розенкранц нашлась!

Они прибыли в Вераржан, когда на улице уже смеркалось. Вечерний город, как всегда, казался призрачной тенью самого себя дневного. Сквер в центре площади опустел, и только редкие огни в окнах не давали принять эту картину за какую-то огромную застывшую сценическую декорацию.

– Ужинаешь ты сегодня у нас, – решительно заявил Летро, захлопнув дверцу машины. – Моя жена в ужас пришла от того, что из-за всех этих чертовых событий я заставляю тебя ужинать в одиночестве.

Пеллетер подошел к нему, обойдя машину спереди.

– Я еще ни разу тут не ел в одиночестве. Люди как-то вычисляют мой маршрут и ходят за мной по пятам.

Летро покачал головой. Вид у него был изнуренный, складки на лбу стали глубже, щеки опали, уголки глаз опустились.

– А ты правда считаешь, что скоро все это разрешится? Потому что я, например, этого пока не вижу.

– Думаю, отчасти да. Утром узнаем, прав ли я.

Летро пытался безуспешно что-нибудь угадать по лицу Пеллетера, потом со вздохом положил руку ему на плечо.

– Ну так как насчет ужина?

– Нет, спасибо. Тебе и твоей жене. Но я сейчас хочу

немножко пройтись.

Летро покачал головой.

– Только прибавляешь мне проблем. – Он рассмеялся, но смех получился натуженный. Понимающе кивнув, он убрал руку с плеча Пеллетера и замялся, словно хотел сказать что-то еще, потом снова молча кивнул и поднялся по ступенькам. Уже на пороге полицейского участка он обернулся. – Ну тогда с нетерпением буду ждать утра! – И он скрылся за дверью.

Перед тем как вернуться в отель, Пеллетеру нужно было кое-что проверить. Он побрел по улице, удаляясь от площади.

Темные дома сонно подмигивали огнями светящихся окон. Казалось, ничто не могло нарушить безмятежного покоя Вераржана. Яркий фонарь над входом в городскую больницу даже казался лишним и каким-то неуместным.

Больница располагалась в одноэтажном здании, выстроенном когда-то на самой окраине, давным-давно уже ставшей полноправной частью города. По простой и очень функциональной наружности здания сразу становилось ясно, что в нем находится учреждение.

Дежурная медсестра за столом у входа читала свежий спецвыпуск «Вераржан Веритэ». В глаза бросался крупный заголовок на первой странице: «УБИЙСТВО!», и это означало, что Розенкранц был, должно быть, более чем убедителен, когда увещевал Сервьера не упоминать имени его жены

на страницах газеты.

– Чем могу помочь? – спросила у Пеллетера медсестра, отрываясь от газеты.

– Я – инспектор Пеллетер. Хочу заглянуть к вам в морг.

– У нас нет морга как такового. Только склад общего назначения в дальнем конце здания. Но на этой неделе он действительно прямо забит мертвыми телами... Вот, пожалуйста, пройдите в ту дверь... Там мужская палата... В конце ее будет дверь в коридор... А в коридоре самая первая дверь – это и есть склад.

В палате стояли двенадцать коек, разделенных проходом – по шесть вдоль каждой продольной стены. Наружную стену занимали окна, а противоположная стена служила перегородкой, отделявшей мужскую палату от женской. Перегородка эта даже не доходила до потолка.

Из двенадцати коек заняты были только восемь, на двух спали дети. Пеллетер остановился и посмотрел на мальчиков мадам Перро. Ему показалось забавным, как два таких маленьких карапуза сумели поставить на уши весь город. И еще инспектор невольно поймал себя на мысли о том, какая участь могла ждать этих ребятишек, если бы его недавние опасения подтвердились и они действительно угодили бы в лапы Мауссье. Он в задумчивости отвернулся. По проходу другая медсестра катила тележку с ужином для пациентов. Пеллетер вышел из палаты через нужную ему дверь и оказался в коридоре.

Здесь он взялся за дверную ручку импровизированного морга, и первым, что он увидел с порога, было заплаканное испуганное лицо, глаза, глядевшие на него поверх укрытого простыней мертвого тела на каталке.

– Надеюсь, вы ели что-нибудь с тех пор, как мы с вами последний раз виделись? – спросил Пеллетер у мадам Розенкранц.

Она опустила голову, снова приняв позу, в которой, несомненно, провела последние три дня – сторбленные плечи, руки, молитвенно сложенные на коленях. Поза искренней, неподдельной скорби.

– Да. Медсестры кормят меня.

Пеллетер взял себе другой стул и, поставив его возле порога, сел на него верхом, положив локти на спинку. В сторонке стояли составленные друг на друга в два штабеля пять гробов, наполнявшие комнату запахом разложения.

– Ваш муж очень переживает из-за вашего исчезновения.

– Но вы же знали, где я? – проговорила она, не поднимая головы.

– Да.

– И не сказали ему?

Пеллетер промолчал.

– Ребенком я предпочитала говорить людям, что мои родители умерли... Это было легче, чем признаваться, что мой отец сидит в тюрьме... Я не виделась с ним и не хотела иметь ничего общего, поэтому для меня он считался как бы мерт-

вым, и я постепенно привыкла к этой мысли, забыв, что это неправда. А вспоминая об этом иногда, я сама будто бы даже поражалась тому, что он на самом деле жив. Я начинала думать об этом, твердить себе, что мой отец живой, но мне в это почему-то не верилось. Потому что я уже сама поверила в свою ложь.

Она произносила слова как будто автоматически. В них не слышалось ни той самоуверенности, ни той кротости, ни тех эмоций, ни тех конфликтующих в ее душе настроений, свидетелями коих Пеллетер был за ужином три дня назад. Лицо ее было бледным, а голос заунывно-ровным и безжизненным.

– Я даже не рассказывала мужу правды до нашего переезда в Вераржан, а мы к тому моменту были знакомы уже больше года. Переехать в Вераржан была его идея. Городок маленький, тихий, спокойный, есть железнодорожное сообщение, но больше ничего, никаких людских толп, вот муж и решил, что это будет идеальное место для жизни и здесь ему никто не помешает работать. И я пошла на это, поскольку не сильно ощущала свое родство с отцом. Мне тогда казалось: какая разница, буду я от него за двадцать миль или за сто? Поэтому я ни о чем таком не говорила мужу, пока мы не купили здесь дом. Но даже тогда я только сказала ему, что мой отец отбывает тюремный срок, но не уточняла, что он сидит в Мальниво.

Она сейчас произносила эти слова, сидя над мертвым те-

лом отца, словно говорила о ком-то другом.

— Как уже сказала вам, я считаю, что мой отец убил мою мать, и это чистая правда. И я не питала к нему ненависти. И это тоже чистая правда... Когда я была маленькая, он учил меня разбирать и собирать его наручные часы. Мать говорила ему, что это занятие для мальчиков, а не для девочек, но он заявлял, что ему плевать и его дочь может заниматься чем хочет. Он клал часы на стол, доставал свои инструменты и показывал мне, винтик за винтиком, пружинка за пружинкой, из чего они состоят. Доставал из бронзового корпуса все эти крошечные детальки и складывал их в кучку на скатерть. А я не понимала, как эти крохотные металлические штучки могут целыми днями отсчитывать секунды. Я думала, что они и содержат в себе время, но, когда они были разобраны, время шло так же, а потом, когда они были собраны, оно тоже шло своим чередом. И я не видела разницы. Нет, видела ее только в те моменты, когда он закручивал все винтики до последнего и заводил часы. Секундная стрелка начинала бежать, и тогда мне казалось, что мы с ним только что запустили бег целого мира заново... Он так терпеливо возился со мной в те времена. А ведь он совсем не был терпеливым человеком. Был скор на руку, матери тумаки и оплеухи раздавал, чуть что не так...

Пеллетер полез во внутренний карман за сигарой, но не обнаружил ее там. Все сигары он выкурил за день.

— Других приятных воспоминаний об отце у меня нет. Он

редко бывал дома, а когда бывал, нагонял на меня страх. Он мог смеяться вместе с матерью, а потом вдруг неожиданно начать орать или даже бить ее. Я старалась не попадаться ему на глаза. Вот интересно, как другие люди воспринимают своих родителей? Считают ли они себя частичкой двух этих, казалось бы, чужих взрослых людей? Говорят ли они: «Вот это у меня от матери, а это от отца»? Говорят ли они это при жизни родителей? И чувствуют ли они себя после смерти родителей их продолжением? Или вместе с родителями какая-то часть тебя тоже умирает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.